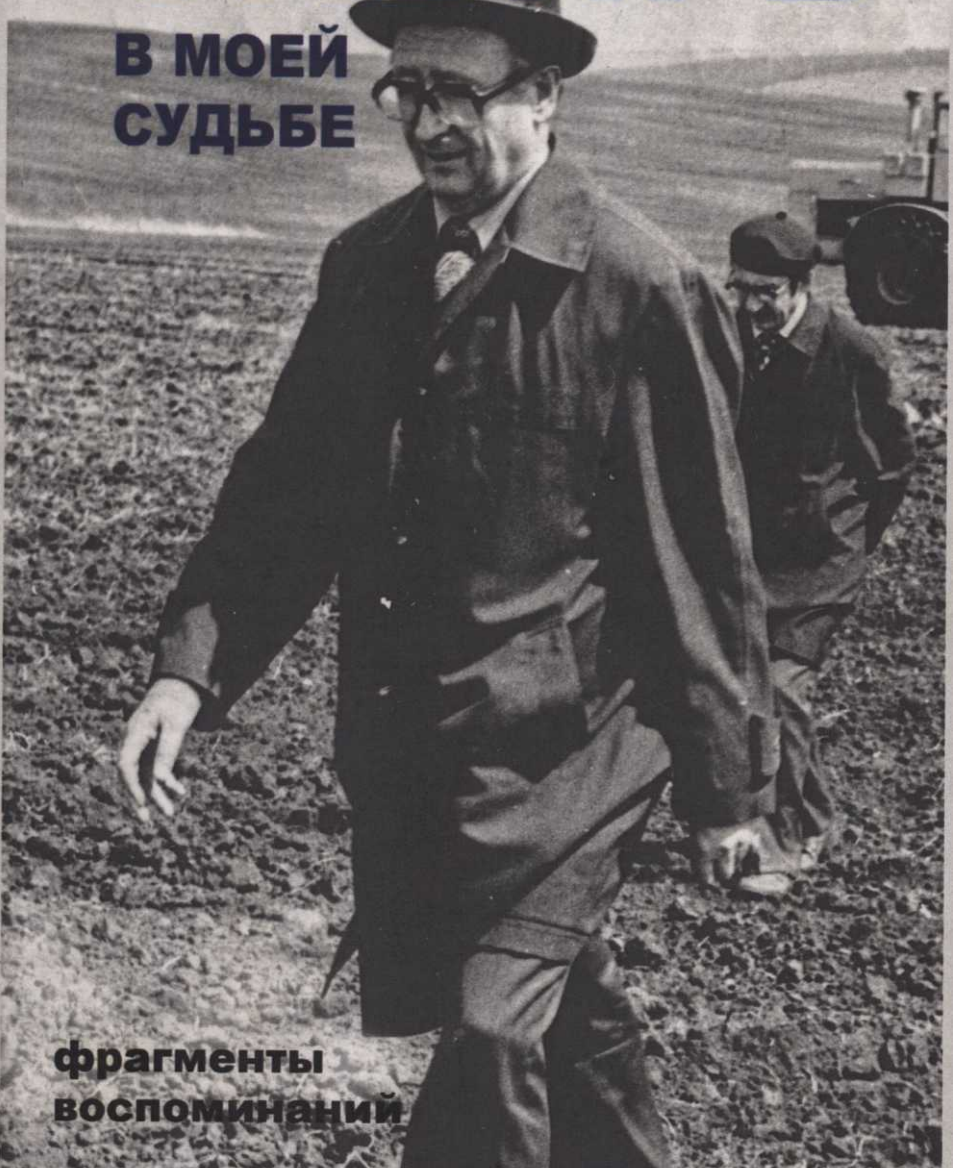

В. СИТНИКОВ

СИБИРЬ

**В МОЕЙ
СУДЬБЕ**

**фрагменты
воспоминаний**

Василий Ситников

СИБИРЬ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Сергею Николаевичу
с особым уважением
22/1-2008г.

Москва, 2007

ООО «ИПЦ "Маска"»

ВАСИЛИЙ СИТНИКОВ

ББК 86.372 (2Рос-4.Кра)

С41

СИБИРЬ

С41 Ситников Василий
«Сибирь в моей судьбе»

М.: ООО «ИПЦ Маска» 2007 — 336 стр.

В МОЕЙ СУДЬБЕ

*Судьба
История
Судьба
История
Судьба
История*

ББК 86.372 (2Рос-4.Кра)

С41

Москва, 2007

© Василий Ситников, 2007

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Я родился 13 декабря 1927 года в деревне Маркаровка Сорокинского района Алтайского края. Все семейство Ситниковых занималось на заимке пчеловодством. Мой дед Василий Иванович прослужил в армии более двадцати лет. Женился поздно, затем быстро наверстал упущенное, сотворив троих сыновей и дочь. В 1929 году он соблазнил семью податься на юг, в теплые края. Мы переехали в киргизский городок Каракол, но прижиться там не смогли и в 1932 году возвратились в Сибирь. По дороге в Петропавловске (тогда Северо-Казахстанской области) распрощались с дедом Василием. Направляясь на поиски лучшей доли, он обещал поскорее вернуться и забрать всех нас. Однако больше мы его никогда не видели. Никто не знает, как сложилась его судьба.

Родители обосновались в городе Гурьевске, сняли квартиру. Отец устроился на металлургический завод подручным доменщика, потом перешел в прокатный цех. Мать работала в кроватном цехе, красила железные койки с панцирной сеткой. Тогда они были в моде.

В шесть лет отец научил меня азбуке и я начинал уже бойко читать. Помню, как мать сшила мне холщовую сумку через плечо и я пошел в школу. Но радость моя была короткой. Через день выяснили, что мне еще нет семи лет и отправили домой. Я так горько плакал, что родители еле меня успокоили.

В 1936 году наша семья перебралась в рабочий поселок Малотолмачево под городом Салаиром. Отец пошел работать электрослесарем на цинковый рудник. Через год жизнь его оборвалась. Моя мать, Устинья Матвеевна, малограмотная женщина, которая даже не умела расписаться, осталась одна со мной и моим маленьким братом 1935 года рождения. Найти работу она не смогла. Пришлось ей продать домик, вернуться в Гурьевск. Поселилась там в полуземлянке и снова устроилась на металлургический завод в кроватный цех. С нами еще жила ее мать, бабушка Люба. Потом матери с двоюродной сестрой Анастасией завод выделил две комнатки в коммунальной квартире в деревянном доме на улице Революции.

После окончания пятого класса мать отправила меня на лето в пионерский лагерь. Хорошо помню, как днем во время сончаса горн неожиданно возвестил тревогу. Все отряды построились на линейку. Срывающимся голосом директор сообщил нам о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны.

Мы отнеслись к этому известию без особенной тревоги. Нам казалось, что война быстро закончится сокрушительным разгромом немецких войск. Как все предвоенное поколение мальчишек мы были воспитаны в духе полного и неоспоримого превосходства Красной армии: «броня крепка и танки наши быстры», «чужой земли мы не хотим не пяди, но и своей вершка не отдадим». Никто из нас по другому и не думал, все были уверены в скорой победе.

Первый год войны запомнился поздней зимой. 5 декабря я шел в школу в легком костюмчике, стоял теплый солнечный день. Все изумлялись этому необычному погодному феномену, особенно эвакуированные со своими представлениями о сибирской зиме. А через два дня грянул сорокаградусный мороз. В погребах разом вымерзли заготовленные на зиму овощи. Начался настоящий голод. По весне мать ходила собирать на полях еще оставшуюся с осени, почти несъедобную картошку и стряпала из нее драники. У прибывших по эвакуации в Гурьевск женщин и детей не оказалось зимней одежды. Горожане делились с ними фуфайками, пимами, шапками, рукавицами, прочим добром, чтобы как-то помочь им пережить эту страшную зиму.

Я заканчивал седьмой класс, когда мать, утирая слезы, сказала мне:

— Васёк, придется тебе, наверное, пойти работать. Ты уже вырос, а мне одной стало совсем невозможно... Начальник конного цеха нашего завода предлагает место ученика ветеринара, нельзя упустить такой случай. Место уж очень выгодное...

Когда я пришел оформляться оно оказалось уже занятым. Взамен этого меня устроили учеником колесного мастера в столярную мастерскую. Моим наставником оказался старый дед, который поручил мне долбить гнезда к втулкам. Спустя несколько дней мой дед заболел и в мастерской я остался один. Конечно, ничего существенного за это время я освоить не успел. К тому же ни способностями, ни прилежанием я не отличался. Прошло еще немного времени, в мастерскую приводят пять ребят из ФЗО (школа фабрично-заводского обучения) и поручают мне обучить их колесному делу.

— Да я же совсем ничего не умею делать! — удивился я.

— Ничего, чему-нибудь-то тебя дед научил, теперь учи других.

Совсем недолго я пробыл наставником. Само собой ничему я их не учил и они все дни от безделья слонялись по мастерской, занимались одним баловством. В конце недели начальник цеха решил навеститься в мастерскую, посмотреть, чем мы там занимаемся. Только открыл двери —

в него полетела деревянная затяжка. Сообразив в чем дело, он всех нас разогнал. Ребят отправил чистить конюшню, а мне бросил:

— Умеешь править лошадью? С завтрашнего дня будешь возить замдиректора завода по финансово-хозяйственной деятельности.

На следующий день я пришел на конюшню. Запрягли лошадь, мне дали в руки вожжи и проводили с напутствием:

— Езжай, кучер, глаза вспучил!

Я подъехал к заводской конторе, доложил о своем прибытии. Через полчаса вышел мой начальник и велел ехать в Салаир. Это было недалеко, километров двенадцать. Добрались мы туда без происшествий, но на обратной дороге случилась неприятность, стоившая мне новой должности. Подъезжая к мостику, я резковато дернул поводья, лошадь сорвалась с курка и мы оба свалились прямо в речку. Выбрались на берег мокрые, грязные. Ругал меня начальник на чем свет стоит! Хорошо еще, что заднее колесо коляски расклинилось между мостом и берегом. Нас выручили местные ребята. Они поймали лошадь, помогли нам вытащить кошевую и мы двинулись дальше. Во избежании новых падений вожжи у меня были отобраны.

На подъезде к Гурьевску начальник мне сердито сказал:

— Ты думаешь, я и в городе за тебя буду править? Бери-ка вожжи, да не вздумай выкинуть новый фортель.

Мы благополучно доехали до заводской конторы.

— Чтобы я тебя больше не видел, такой кучер, как ты, мне ни к чему, — услышал я в спину.

Так завершился мой однодневный стаж работы кучером.

Начальник цеха посмеялся надо мной и снова пристроил меня на работу. На этот раз — учеником бухгалтера. Не прошло и недели, как главный бухгалтер сказал мне:

— Вася, с таким почерком, как у тебя, делать тебе в бухгалтерии нечего.

Таким образом меня можно считать еще и несостоявшимся бухгалтером.

Мать страшно переживала за меня, но, видя такой поворот дел, сказала:

— Ладно уж, заканчивай свою трудовую деятельность, иди-ка ты лучше в восьмой класс.

Восьмой класс я окончил, будучи председателем совета пионерской дружины школы № 10, комсомольским активистом. Вероятно поэтому меня и направили пионервожатым в летний пионерский лагерь завода.

Помню, как сейчас, сразу после сдачи экзамена мы шли по лесу в пионерский лагерь, рас-

ставляли в палатах койки, тумбочки, готовились к приему пионеров. Работали до усталости, проголодаемся, а есть-то особенно и нечего, одна мелкая мороженая картошка в мундире, да черемша вдобавок. Картошку даже не чистили, прямо так и съедали.

Все с нетерпением ждали начала сезона.

И вот подошло время. Мы приняли более трехсот пионеров, построили их, провели через весь город, вышли на опушку леса и объявили:

— Кто быстрее всех добежит до лагеря, тот первым пойдет на обед. — Скомандовали — бегом марш!...

В лагере мы распределили ребят по корпусам, показали где какой отряд будет жить, дали им время на обустройство. Затем их повели в столовую и покормили обедом. Повар, кстати, у нас был замечательный, готовил великолепно буквально из ничего.

Попасть в пионерский лагерь детям рабочих в то голодное военное время считалось за счастье только потому, что там можно было не думать о еде. Руководство Гурьевского металлургического завода не жалело для этого ни денег, ни продуктов.

Среди пионервожатых, которыми работали девочки, закончившие девятый-десятый класс, я был самым младшим. После первого сезона все

они ушли на фронт, в том числе и старшая пионервожатая Шура Винникова. И я, четырнадцатилетний паренек, был назначен на ее место.

Мне поначалу было, конечно, сложновато, ведь некоторые пионеры были даже старше меня. Но что-то помогло мне сойтись со своими подопечными, я пользовался, как мне казалось, неплохим авторитетом. Добрыми советами мне помогал директор пионерского лагеря Березин, демобилизованный по ранению фронтовик.

Когда закончился летний сезон, он предложил мне остаться, чтобы помочь ему составить отчет о работе лагеря. Мы с ним проработали еще конец августа и сентябрь.

Но пора уже было подумать и об устройстве на работу. Решил пойти на металлургический завод учеником токаря. Возвращаюсь я из отдела кадров домой, хочу обрадовать мать, а она мне сообщает, что за мной приходили из горкома комсомола, просили срочно зайти.

— Зачем я им понадобился? — весь вечер недоумевал я.

Наутро я отправился в горком. Первый секретарь огорошил меня:

— Василий, ты хорошо справился с работой старшего пионервожатого лагеря. Молодец. А теперь тебе придется поработать пионервожатым в детском доме.

Детский дом был организован для ребят, эвакуированных из Ленинграда. Их было более трехсот человек разного возраста — от дошколят до десятиклассников. Горожане детдомовцев побаивались. Они были организованные, если что не так, запросто могли и побить.

Я ответил, что не пойду, потому что не смогу справиться.

— А мы тебя и не спрашиваем: можешь или нет, пойдешь или не пойдешь? Пойдешь туда, куда тебя направит комсомол. Будешь отказываться — соберу бюро горкома и быстро решим вопрос о твоей комсомольской принадлежности.

Такая угроза возымела действие. Взяв направление в гороно, я побрел в детский дом. Директор детского дома Кольчинский с сожалением посмотрел на меня.

— Знаешь, — говорит, — мне нечего тебе рассказывать. Вечером у нас состоится собрание, будем избирать детсовет. Приходи, посмотри, послушай и решай сам, как тебе быть.

После ужина воспитанники толпой потянулись на собрание. Все они были одеты в одинаковые защитного цвета рубашки и брюки, расстегнутые, кто босиком, кто обутой. Такой внешний вид произвел на меня гнетущее впечатление. Когда, наконец, все расселись по местам, появился директор и произнес:

— Сегодня мы собрались, чтобы избрать детский совет для управления нашими делами. Но сначала надо выбрать председателя и секретаря собрания.

Началось выдвижение с мест:

— Фильку Косого! Ивана Безродного!.. — кличками.

Кольчинский бормочет:

— Я что-то не знаю таких воспитанников. — Ему в ответ:

— А, жидюга, не знаешь? Как воровать с кухни продукты — знаешь, а воспитанников своих — не знаешь? — Поднялся невообразимый галдеж.

Наблюдал я за этой сценой с ужасом, думая, куда же меня занесло.

На другой день я снова явился к первому секретарю горкома комсомола и сказал, что в детский дом не пойду ни под каким видом.

— Захотел вылететь из комсомола? Я же тебя предупредил, моментом решу этот вопрос...

Меня снова охватила какая-то робость. Ладно, решил я, делать нечего, придется идти куда посылают. В полном унынии я вздумал посоветоваться с завгороно, моим бывшим учителем по литературе. Мудрый был педагог, высшего класса. Но он только развел руками:

— Чем я могу тебе, Вася, помочь? Не я же тебя направляю, а горком. Давай, иди, работай.

На всю жизнь мне запомнился первый день моей работы. Пришел я в детдом. Директор говорит: пойдешь с воспитательницей Степанидой Никитичной во вторую группу, познакомишься с детьми.

Зашли мы во вторую группу. Смотрю, сидит мальчик, обувается. Ботинки у него не по размеру, ворот рубашки расстегнут. Степанида Никитична спрашивает его:

— Борис, ты куда собираешься?

— А тебе какое дело?

После пионерского лагеря мне показалось это дико, как так с воспитателем разговаривают воспитанники.

— Ну-ка встань, когда с воспитателем разговариваешь! — Он встал.

— Руку вынь из кармана! — Он вынул. Ботинок держит...

— Ботинок-то опусти!

Видя это, как поднялись все воспитанники и начался гвалт. Смотрю, готовят одеяло, чтобы сыграть нам со Степанидой Никитичной темную. При этом выкрикивают:

— Павлов, не видишь, холуй райкомовский пришел? Встань по стойке смирно, сейчас тебя холуй райкомовский будет приводить в порядок.

Мы со Степанидой Никитичной постепенно, задом, задом выскочили из группы и бегом в преподавательскую. А нам вслед летят ботинки, крик:

— Длинноногий, длинноногий, холуй райкомовский!

Таким было мое «крещение». Думаю — на этом все. Снова иду в горком и говорю:

— Делайте, что хотите, я не могу туда больше идти.

— Ты когда перестанешь бегать сюда?...

Зашел к завгоруно. Так и так, — говорю.

— Что же ты так начал? Ведь дети остались одни без родителей, им пришлось испытать такие ужасы, а их все только ругают, уборщица, воспитательница, директор, где им получить ласку, они же — дети! И чего ты сразу начал наводить дисциплину? Ты войди вначале к ним в доверие как старший товарищ, прояви внимание, чтобы они почувствовали твою ласку, заботу, предупредительность, — вот что им нужно. И тогда у тебя все обязательно получится. Главное — ничего не бойся

На другой день подхожу к детдому. Бегут перwokлашки.

— Ребята, вы в школу?

— А тебе какое дело, холуй райкомовский!

Проглотил я это, решил вновь зайти в во вторую группу, думаю, была не была. Только зашел, как все повскакали на койки и вкрик:

— Павлов! Встать по стойке смирно, видишь, пришел холуй райкомовский!

Не помню уже, как мне удалось выкрутиться. Кажется, я стал им рассказывать о пионерском лагере, в котором работал летом. Ребята неожиданно заинтересовались: пионерский лагерь... в тайге? Наша сибирская тайга представлялась им чем-то таинственным, совершенно неизведанным.

— А можно нам сходить в тайгу? А вы бы не могли сводить нас в этот лагерь? — посыпались на меня вопросы со всех сторон.

— Будет хорошая погода, почему бы и не сходить? Меня там все знают, в воскресенье можно было бы провести день на природе.

Я рассказал директору о своем обещании ребятам. Он остался недоволен моей опрометчивостью. Дети есть дети. А если с кем из них что случится? Однако мне удалось упросить его: раз я дал обещание, надо было сдержать слово.

В одно из воскресений рано утром мы двинулись в путь. Надо было идти через весь город. И здесь меня поджидала крупная неприятность: воспитанники приступили к основательной «чистке» окрестных огородов. Наконец, когда

все добрались до опушки леса, я попросил держаться всем вместе, по деревьям не лазить, по горну собираться на место сбора и т.д. Дойдя до пионерского лагеря, они заметно приустиали. Но все равно для них было много интересного, они покачались на качелях, использовали на всю мощь аттракционы. Возвратились домой мы уже к вечеру. На обратном пути уже никто не захотел «чистить» огороды.

Так было совершено наше путешествие.

Частенько в разговорах с детьми, когда что-то обещали, мне обязательно задавали один и тот же вопрос: а не обманете? Ребята очень ревниво относились ко всем обещаниям, поэтому наш педагогический коллектив строго придерживался правила: нельзя обещать того, чего не можешь сделать.

Припоминается другой случай из жизни детского дома. Однажды ребята пожаловались мне на то, что уже третью неделю их не водят в кино, тогда как по положению мы были обязаны делать это два раза в месяц. Как раз шла хорошая кинокартина, и я им пообещал, что переговорю с директором и в ближайшее воскресенье мы обязательно сходим в кино. Пришел к директору, говорю, что я обещал воспитанникам сводить их в кино. Он на меня посмотрел и говорит:

— Прежде, чем обещать, надо было спросить на то у меня разрешение. Денег у нас сейчас нет, не на что нам водить их в кино.

— Но я же не могу обмануть детей...

— Сам обещал, сам и выходи из этого положения.

Чтобы сдержать свое слово, мне пришлось покупать билеты в кинотеатр на собственную зарплату.

Рабочий день мой начинался в семь часов утра. Я поднимал горном воспитанников, двадцать минут проводил с ними зарядку. Затем они умывались и без двадцати восемь выстраивались на линейку. На линейке воспитанник второй группы Рудик Бородушко пересказывал последние сообщения Совинформбюро и переставлял флажки, обозначающие линию фронта на большой географической карте СССР...

Возвращался я домой в одиннадцатом часу вечера, а частенько и позже, когда детдом засыпал и все успокаивалось.

Среди наших воспитанников много было талантливых ребят. Рудик Бородушко был сыном главного инженера Бадаевских складов в Ленинграде. Очень развитой, эрудированный паренек, но невероятно подвижный, шепутной, его требовалось постоянно загружать, чтобы он свою энергию направлял в дело. Стоило его немного упустить из вида, как он обязательно где-нибудь нашкодит, заберется на кухню, поругается там с поварами, подерется, что-нибудь стащит. Поэтому я всегда старался держать его под рукой.

Помню, как мы готовились к смотру детской художественной самодеятельности города. После ужина весь детский дом собирался в столовой на репетиции. Кто разучивал песни, кто танцы. Были у нас и солисты. На смотре детский дом занял первое место. Конечно, не за исполнительское мастерство, а за массовость: в нашем хоре пели все триста воспитанников, даже те, кто не имел слуха, только рот раскрывал. Эта массовость импонировала жюри и мы не были обделены вниманием.

Постепенно моя работа начала приносить плоды. Меньше воспитанников бродило ночами по огородам, улучшилась дисциплина, у нас появилось много интересных дел.

Много тревожных волнений приносили приезды родственников и родителей воспитанников. Такие дни были особенно тяжелыми для ребят. Нахлынувшие воспоминания, радость встреч и горечь расставаний выбивали их из колеи.

Не помню по какому случаю, зашел у нас разговор о блокадном Ленинграде. Об ужасах войны я знал только понаслышке, а ребята сами прочувствовали их на себе. У того же Рудика Бородушки отец с матерью ушли на фронт, он остался с бабушкой. Бабушка часть своей пайки хлеба отдавала внуку. Через некоторое время она умерла. Первый день, — рассказывал Рудик, — мне было ее жалко, на второй день я уже чувствовал отвращение к трупу, на третий день, если бы у меня были силы, я бы

ее просто выбросил на улицу. Соседи помогли ему погрузить труп на санки и он повез его на кладбище. Могил там не оказалось, повсюду лежали на снегу трупы в разных позах. Увидев такую картину,— продолжал Рудик,— я пришел в ужас, бросил санки и со всех ног побежал домой. По дороге попал под авианалет. Прижался к дому, мимо шел трамвай. Рядом с ним разорвалась бомба. Трамвай остановился, из дверей в горячке выскочил мужчина с оторванными стопами, гремя костяшками, он пробежал по мостовой метров двадцать-тридцать и упал. Из вагона ручьями стекала кровь...

Сколько же мне пришлось выслушать подобных историй, ледящих сердце и кровь. Постепенно я начал по настоящему понимать, в какой чуткости и внимании нуждаются эти несчастные дети.

Когда в конце августа 1944 года я уезжал на учебу в Прокопьевский горный техникум, детский дом в полном составе провожал меня на станции.

Так закончилось мое безмятежное детство и началась юность.

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ

Первые дни в Прокопьевске я не находил себе места. Мне остро не доставало прежнего ритма жизни, к которому я успел привыкнуть за год. С раннего утра до позднего вечера я жил жизнью своих воспитанников, я их искренно любил. И они отвечали мне взаимностью.

Память о тех ребятах я сохранил навсегда.

***

Началась учеба в Прокопьевском горном техникуме, куда я поступил без экзаменов после восьмого класса на специальность холодная обработка металлов.

Особенно тяжелыми для меня были 1944 и 1945 годы. Голодным было студенческое житье-бытье. Поднимаешься, порой, на третий этаж техникума, держишься за перила, чтобы не упасть. Так обносило голову. По карточкам получали 600 грамм хлеба на день. Дней за пять-шесть до конца месяца карточки заканчивались и тогда оставалась одна надежда на студенческую столовую. Голодные, прибежим с лекций, если у кого есть

корочка хлеба, съедим, зашьем кипяточком — и слава Богу, живы-здоровы.

Врезался в память один случай. Дело было зимой. Возвращался я как-то с товарищами со станции Дуброво, куда мы ездили за продуктами к сестре матери. Обычно она насыпала мне полтора-два ведра картошки, пшена, еще кое-чего по возможности. На последний трамвай в город мы опоздали, до общежития было неблизко. Техникум располагался на горе Тырган. Тырган в переводе с шорского — это гора ветров. Мороз стоял жуткий, а тут еще метель поднялась, буран страшный. Мы двинулись пешком и вскоре сбились с дороги. Довольно долго проплутав, мы совсем выбились из сил, легли отдохнуть на снег и стали засыпать. Хорошо, среди нас был старшекурсник, здоровый парень, он нас давай обрабатывать пинками, кулаками:

— Да вы что, с ума сошли? Вы же погибнете, замерзнете!

Так мы спаслись от верной смерти.

Едва я переступил порог общежития, как тут же повалился и замертво уснул. Потом оказалось, что половина картошки померзло, однако ничего выбрасывать не приходилось, все шло в дело. Чтобы как-то себя поддержать приходилось подрабатывать кочегарами в котельной. Несмотря на это, юность брала свое. Жизнь была ключом. Мы благоустроили территорию, приле-

гающую к общежитию, разбили скверики, участвовали в строительстве стадиона техникума, закладке парка культуры на Тыргане. По субботам до полуночи, иногда до часу ночи в общежитии устраивали танцы под духовой оркестр. Я был непременно участником художественной самодеятельности. Играл в «Женитьбе» Гоголя, «Грозе» Островского.

На втором курсе я был избран членом комитета комсомола техникума.

***

В столярной мастерской, расположенной в подвале общежития, долгое время стоял гроб. Кто-то из студентов вздумал использовать его для шалости и притащил в нашу комнату. Мы условились с музыкантами, что в 11 вечера — в самый разгар танцев — они заиграют похоронный марш и мы в этом гробу вынесем на всеобщее обозрение обернутого в простыню студента Мисюрева.

Задумано — сделано. Возможно, нам бы все сошло с рук, но на нашу беду в тот момент, когда мы вынесли гроб в зал, появились директор, секретарь парторганизации и комендант. Мы бросили гроб и убежали, а Мисюрев запутался в простынях. Его поймали и весь вечер пытали, кто организатор. Утром на лекции по литературе раздается стук в дверь, входит завуч. Наши серд-

ца забились от предчувствия беды. Так оно и вышло:

— Ситников, Прифер, Ермаков, Мисюрев, пройдите к директору.

Входим.

— Проходите, проходите,— и молча нам подает бумагу. Читаем: «Приказ. За глумление над гражданской панихидой и за нарушение правил социалистического общежития исключить из техникума без права поступления в течение трех лет. Подпись: Г.П. Ирисов». Предложил нам расписаться под приказом и в 24 часа выселиться из общежития.

Мы расписались. Вышли из кабинета директора и решили зайти в комитет комсомола. Сидит секретарь комитета комсомола.

— Нас из техникума исключили,— говорю.

— Как это исключили? За что?

— За эту шалость с гробом.

— Подождите меня здесь. Пойду схожу к директору.

Мы остались, надеясь на то, что ему удастся как-нибудь отстоять нас. Так и вышло. Он добился товарищеского суда над нами. Как решит суд, так и будет. Суд должен был состояться в ближайшую субботу. В актовЫй зал набилось сотни четыре студентов; нас посадили на первый ряд в качестве подсудимых. Два студента по сторонам с

учебным оружием стоят — караул. Судья, прокурор, адвокат, форма была соблюдена полностью. Начался допрос, как мы додумались до такого кощунства. Мы отвечали, весь зал хохотал до слез. В конце концов суд вынес такое решение: в связи с тем, что мы осознали свою вину и раскаялись в содеянном, просить директора объявить нам строгий выговор с занесением в личное дело, но в техникуме оставить. А в случае любых шалостей исключить без права поступления.

Потом эта история забылась. В 1948 году после окончания техникума я пришел на комиссию по распределению. Директор внес предложение оставить меня на преподавательской работе в техникуме. К тому времени я был заместителем секретаря комитета комсомола. Никто из членов комиссии не возражал. Тогда я напомнил Григорию Петровичу, что на втором курсе мне был объявлен строгий выговор. Он возмутился: почему до сих пор выговор не снят? За время учебы я активно участвовал в общественной жизни техникума. Осенью 1947 г. я стал кандидатом в члены партии. (Через год я стал членом партии). Кроме того практически был решен вопрос о моем избрании секретарем комитета комсомола техникума. После некоторого замешательства меня решили оставить на преподавательской работе.

Я должен был читать лекции по технологии металлов на четвертом курсе. Ребята меня хоро-

шо знали как вчерашнего студента, поэтому, готовясь к первой лекции, я страшно волновался. Первого сентября заведующий учебной частью представил меня в лекционной аудитории. Не знаю, как мне удалось справиться с волнением...

На перемене я зашел в преподавательскую. Меня тотчас обступили коллеги и наперебой стали расспрашивать, как проходит лекция. Думаю, только по одному выражению моего лица можно было понять, что все идет нормально. Может быть, это покажется любопытным, но за все время моей преподавательской работы я ни разу не делал замечание студентам. Никаких проблем с дисциплиной у меня не существовало.

Прошло два с лишним года. В 1950 году по приказу министра угольной промышленности я был направлен на Высшие инженерные курсы при Томском политехническом институте. В связи с острым недостатком инженерных кадров в угольной промышленности такие курсы были образованы для работников шахт, занимавших инженерные должности, но имевших только среднее техническое образование. Их направляли на учебу для получения высшего образования.

Моими сокурсниками оказались начальник комбината «Райчихинскуголь» Сотников, почти мой однофамилец, главный инженер комбината «Кузбассуголь» Сурначев, староста нашей

группы Тихонов управлял трестом «Киселевскуголь».

Три года прошли в упорной учебе. Я закончил институт с одной четверкой по теоретической механике. Эту четверку я получил за пропуск всего одной лекции; наш преподаватель твердо держался правила: как бы студент не отвечал, если он пропустил хотя бы одно занятие, то выше четырех баллов не заслуживает.

На первом курсе меня избрали членом комитета комсомола, на втором курсе — заместителем секретаря комитета комсомола института. Осенью секретарь комитета комсомола уехал на практику и мне пришлось исполнять его обязанности. У меня было свободное расписание. На втором курсе я женился.

В 1951 году я привез в Томск супругу. Она поступила в Томский педагогический институт. В Томске у меня родился сын.

Я старался завершить дипломный проект до Первомайских праздников. Томск — студенческий город. Когда заканчивался учебный год, выехать из Томска было крайне сложно. Порой даже с билетом попасть в вагон было невозможно. Студенты ехали на крышах вагонов, в тамбурах. Поэтому я решил заранее вывезти семью, а потом вернуться на защиту диплома. Это мне удалось. Я получил рецензии, отзыв и готов был к защите.

Мой дипломный проект был посвящен вопросам комплексной автоматизации технологического процесса погрузки угля на прокопьевской шахте им. Калинина. После защиты диплома профессор Балашов предложил мне остаться в аспирантуре и продолжить работу над темой. Но жить в Томске нам было негде; за полтора года мы с женой и маленьким ребенком так намаялись на квартирах, что я был вынужден отказаться от такой перспективы.

Тогда он посоветовал мне поступить в заочную аспирантуру. Мне эта идея понравилась.

РАБОТА В ПРОКОПЬЕВСКОМ ГОРНОМ ТЕХНИКУМЕ

Я возвратился в Прокопьевск. В техникуме мне поручили вести курс горной электротехники. Через некоторое время меня пригласил к себе секретарь горкома партии Кузьма Борисович Никитин.

— Помнишь наш уговор перед твоим отъездом в Томск? Если забыл, я тебе напомню. По возвращении мы рассмотрим вопрос о твоей работе. Так вот, первый секретарь горкома комсомола Михаил Никифорович Коноваленко уезжает на учебу. Есть мнение рекомендовать тебя на его место.

Я стал решительно отказываться под предлогом поступления в заочную аспирантуру, начал было распространяться о томском профессоре Балашове, планах заняться подготовкой диссертации, посвятить свою жизнь науке и т.д.

Кузьма Борисович меня резко оборвал:

— Выкинь все это из головы, будешь работать секретарем горкома комсомола. Надо держать слово.

Начался новый учебный год. Тогда было принято привлекать студентов на уборку урожая и я со студентами уехал в Промышленновский район. В один из выходных дней я набрался смелости написал письмо в Центральный Комитет партии, в котором задал вопрос: могут ли меня без моего личного согласия рекомендовать к избранию первым секретарем горкома комсомола? Письмо ушло. В октябре, когда я вернулся с уборочных работ, меня пригласили в Рудничный райком партии и предложили место освобожденного секретаря парторганизации горного техникума. Я подумал и дал согласие. Меня избрали секретарем партийной организации техникума. Утвердили на бюро райкома. Когда вопрос о моем утверждении встал на бюро горкома, К.Б. Никитин возмутился:

— А кто дал согласие на избрание его секретарем парторганизации техникума? Мы же решили рекомендовать его первым секретарем горкома комсомола!

Заведующая орготделом П.И. Вотякова пояснила:

— Кузьма Борисович, дело в том, что Ситникова ни секретарем парторганизации техникума, ни секретарем горкома комсомола, ни вообще куда бы то ни было, избирать нельзя.

— Это еще почему?

— Он написал письмо в ЦК будто бы без его согласия его рекомендуют первым секретарем горкома комсомола.

Никитин не на шутку рассердился и внес предложение о моем исключении из партии. На счастье вмешался присутствовавший на бюро горкома инструктор ЦК Тихомиров. Он несколько охладил пыл Кузьмы Борисовича:

— Товарищи, а за что, собственно, вы собираетесь исключать Ситникова из партии? Ведь по Уставу любой член партии имеет право обращаться с вопросами в любую инстанцию вплоть до ЦК. Устав он не нарушал, значит вы плохо ему разъяснили.

Кузьма Борисович немного поутих:

— Что же тогда нам делать? Давайте объявим ему выговор.

— И выговор нельзя объявлять.

— Но делать-то что-то надо? Давайте отложим его утверждение. Посмотрим, как у него пойдут дела в техникуме, тогда и решим.

Секретарь парторганизации хотя и числился освобожденным, оклад у него был ничтожный, да и тот я не получал. Помимо того меня перевели на полставки преподавателя и я остался совсем на грошах. Спустя два месяца я не выдержал и пошел к К.Б. Никитину.

— Кузьма Борисович, не только я, но и вся моя семья уже поняла, что нехорошо обращаться с письмами в ЦК. Мы восемь человек живем только на крошечную преподавательскую зарплату. Если я неугоден, прошу быстрее решить вопрос, я на эту работу не рвусь.

Он вызвал Вотякову и попросил ее в ближайшие дни съездить в техникум, посмотреть на меня в работе. На следующей неделе я сам позвонил Вотяковой и пригласил ее на наше партийное собрание. Приехав задолго до начала собрания, она встретилась с партактивом, членами бюро парторганизации, получила всю нужную информацию обо мне. Партийное собрание прошло без сучка и задоринки. Вскоре бюро горкома партии утвердило меня секретарем партийной организации техникума. В этой должности я проработал почти год.

В сентябре 1955 года К.Б. Никитин снова вызвал меня:

— Тебя приглашают на беседу в обком партии, бери командировку, езжай.

— По какому вопросу? Зачем?

— Поезжай, там тебе все разъяснят...

Я настроился на решительный отказ от любых предложений. Сначала со мной побеседовал о партийных делах заведующий орготделом Н.Д. Турчин. Потом мы вместе прошли к секретарю

обкома по кадрам Василию Ивановичу Карпову. Он также завел продолжительный разговор со мной. Какая в техникуме обстановка? Какие проблемы волнуют студентов? И т.д. Отвечая на его вопросы, я все ждал, когда же он сделает предложение. Вместо этого он говорит:

— Василий Иванович, посидите пока, я доложу о вас Михаилу Ильичу Гусеву, первому секретарю обкома партии.

Время, как сейчас помню, было где-то без четверти два. Думаю, минут пятнадцать мне уделит до обеденного перерыва. Провели меня к Михаилу Ильичу. Когда-то он работал в нашем техникуме, хорошо знал директора Г.П. Ирисова. Поначалу он с расспросил меня о жизни Григория Петровича после его возвращения с фронта, потом перешел к обстановке в педагогическом коллективе, настроениям и проблемам студенчества. В общем, завязался обычный разговор в непринужденном тоне. И тоже никаких предложений.

— Очень приятно было познакомиться, Василий Иванович, отмечайте командировку и езжайте домой, — попрощался со мной М.И. Гусев.

Я зашел к Н.Д. Турчину.

— Ну, что? — спрашиваю.

— Тебе же сказали: очень приятно было познакомиться. А дальше будет видно. Посмотрим, как обернутся дела.

Вернулся я в Прокопьевск в полном недоумении.

Подошло время партийной конференции Рудничного района, куда я был избран делегатом от парторганизации горного техникума. Накануне меня снова вызвали в горком партии. Вижу, в кабинет К.Б. Никитина прошел первый секретарь Рудничного райкома партии Н.Ф. Новицкий. У меня защемило сердце. Пригласили меня.

— Василий Иванович, принято решение рекомендовать партконференции избрать тебя секретарем райкома по идеологии.

— Кузьма Борисович, как же так? Я же вам говорил, что поступаю в заочную аспирантуру...

— Знаешь что, давай-ка обойдемся без торговли. Это мнение бюро обкома партии. Тебе всё ясно? Вопрос решен, свободен. И чтобы никаких вольностей!

На конференции присутствовал М.И. Гусев. Меня выбрали в президиум.

Первый секретарь райкома начал доклад. Тогда они длились часа три. Через полтора часа объявили перерыв. Я в последний раз решил попытать счастья, подошел к М.И. Гусеву:

— Михаил Ильич, хотел бы к вам обратиться.

— Слушаю вас.

— Меня решили рекомендовать избрать секретарем райкома партии по идеологии.

— Ну и что?

— Не могу я на это пойти. Я поступаю в заочную аспирантуру, у меня планы всерьез заняться научной работой...

М.И. Гусев был высокого роста, посмотрел на меня сверху вниз и говорит:

— Хорошо, если бы ты пошел «с согласия», но будешь работать и без него. — Повернулся и ушел.

Что мне было делать, бежать за ним?

Прения закончились, Михаил Ильич уехал. Уполномоченный бюро обкома партии на конференции С.В. Курышкин обратился ко мне:

— Василий Иванович, очень тебя прошу, не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус.

Итак, я вынужден был покориться. Меня избрали членом райкома. Потом собрался пленум, на котором я был избран секретарем райкома.

Так началась моя работа в Рудничном райкоме партии.

НА РАБОТЕ

В РУДНИЧНОМ РАЙКОМЕ ПАРТИИ

Помню как сейчас первый день работы в райкоме. Сижу, не знаю за что братья. Два коммуниста пришли вставать на партийный учет, три снялись с учета. Я подписал им бумаги.

Вечером пришел домой, жена спрашивает:

— Ну, как тебе новая работа?

— Да что новая работа, подписал три бумажки... Понятия не имею, что дальше будет.

Лишь спустя время я понял, насколько это непростая работа, какого она требовала напряжения сил и самоотдачи. Но то было потом, а вначале я пребывал в унынии. Переход на работу в райком больно ударил по семейному бюджету. Мой прежний заработок секретаря парторганизации и преподавателя техникума превышал 400 рублей, а в райкоме оклад составлял всего 150. Разница почти в три раза! Секретарь по идеологии!... Мать держала корову, часть молока продавала. Корова больше меня зарабатывала. Через два с лишним года я был избран первым секретарем Рудничного райкома партии. Здесь зарплата

была повыше — 220 рублей, стало немного легче. За мной был закреплен старенький автомобиль, правда такой, что его постоянно приходилось ремонтировать. Водитель все время ворчал:

— Не знаю, кто больше ездит, я на нем, или он на мне...

***

Меня избрали первым секретарем Рудничного райкома партии за месяц до районной партийной конференции. Необходимо было срочно готовить отчетный доклад о работе парторганизации района за год. Я добросовестно изучил все вопросы, которые рассматривались на бюро райкома, пленумах, партийных активах и как сумел изложил их в хронологическом порядке. Доклад получился по времени часа на три.

За три дня до конференции я изложил суть доклада на бюро райкома. Мне высказали несколько незначительных замечаний, я быстро поправил текст. Предстоял пленум райкома. Представителем от бюро обкома партии к нам был направлен В.И. Карпов. С ним приехал инструктор орготдела А.А. Иванов. Я зачитал доклад. Участники пленума обсудили его, высказали свои мнения. Дело шло к концу. Последним слово взял В.И. Карпов. И здесь произошло для меня неожиданное. Он произнес целую речь:

— Несмотря на то, что все выступающие одобрили отчетный доклад и готовы утвердить его, я считаю, что никакого отчетного доклада нет; есть перечисление вопросов и проблем, которыми занимался райком партии, а отчетности нет. Каким же образом коммунисты смогут оценить работу районного комитета? Чем конкретно занимался райком партии за отчетный период? Какие вопросы его больше всего волновали? Каково было состояние дел до их обсуждения на бюро райкома или на пленумах? Какие меры приняты для решения проблем? Какие изменения произошли после вмешательства райкома? Ничего этого нет. Отчетный доклад, который вы хотите здесь утвердить, походит на песнь киргиза, который едет по степи, что видит, о том и поет. Предлагаю доклад не утверждать, а поручить его доработать, придав ему отчетный характер.

Я был в шоке. До конференции оставалось всего три дня. Когда же я смогу переделать этот доклад? Закончился пленум. Я обратился к Василию Ивановичу:

— Наверное, надо переносить открытие партконференции. Переработать доклад после такой разгромной критики за два дня, дать полноценный анализ, просто нереально.

— Ничего страшного. Я понимаю твое положение. Это твой первый опыт работы над отчетным докладом. Оставляю тебе Александра Алексее-

вича Иванова, он поможет тебе. Вы с ним прямо сейчас садитесь и начинайте работать.

Он уехал. Я позвонил домой и предупредил, чтобы меня не ждали. Почти двое суток мы работали без продыха, вздремнем часа три-четыре, кофейку попьем и — за работу. Через два дня доклад был готов. А.А. Иванов преподал мне настоящий урок сотворения отчетного доклада, оказав мне такую неоценимую услугу, что у меня до сих пор сохранилось чувство искренней благодарности к этому замечательному человеку.

За день до конференции вновь собрался пленум. Мой доклад был утвержден. Василий Иванович даже похвалил меня, сказав, что с таким докладом мне можно смело идти на конференцию.

Этот случай не прошел для меня бесследно. Находясь долгие годы на руководящей партийной работе, я множество раз сталкивался с подобными ошибками. В таких случаях я всегда держался усвоенного принципа: отчетный доклад должен носить действительно отчетный характер.

Конференция запомнилась блестящей зажигательной речью В.И. Карпова. Это был настоящий любимец областной партийной организации. Василий Иванович прошел большую школу в Новокузнецком горкоме партии, поработал первым секретарем, затем секретарем обкома. Заканчивал свою деятельность в должности за-

ведущего орготдела Совмина Российской Федерации. Нас много лет связывает крепкая дружба. Обаятельный, открытый, отзывчивый человек. Признаюсь, я во многом старался подражать ему в работе.

Запомнился еще один эпизод. Рабочий день я обычно заканчивал часов в девять, но однажды задержался более обычного, собрался уже уходить, как в мой кабинет неожиданно вошел мужчина довольно странного вида и сходу заявил:

— Гражданин начальник, я пришел к тебе за помощью. У меня более сорока лет судимости, я решил завязать. Не хочу остаток жизни провести в тюрьме и сгнить там. Помогите устроиться на работу. Куда только я не обращался, всюду отказ. Кому я нужен с таким прошлым? Жить не на что, если ты не поможешь, я буду вынужден тебя покалечить.— Я говорю:

— К чему такие крайние меры? Постараюсь помочь.— Звоню директору шахты «Тырганские уклоны» Н.И. Яковлеву, говорю:

— Николай Ильич, здесь у меня бывший уголовник сидит, 42 года судимости. Уверяет, что твердо решил встать на путь исправления, хочет трудиться, надоело ему по тюрьмам скитаться. Я его сейчас направлю к тебе, постарайся его устроить, он согласен на любую работу.

— Хорошо, пусть приходит, определим его в проходческую бригаду.

Прошло два-три месяца. Заехал я как-то на шахту, спрашиваю директора:

— Как тут у вас мой посланец трудится? — Николай Ильич отвечает:

— Василий Иванович, работает исключительно, до седьмого пота. Увидит, кто присел, волынит, берет затяжку и лупит смертным боем. В общем навел порядок, мы его бригадиром выдвинули. Отличный шахтер.

Прошло еще немного времени. В один из вечеров он вновь является ко мне:

— Гражданин начальник, хочу тебя еще раз попросить. Сегодня я получил хорошую получку, спрячь ее в сейф. Закрутились вокруг меня старые дружки, боюсь, как бы опять не сорваться... Завтра подойдет моя мать, передай ей эти деньги.

Я взял деньги. На следующий день я передал старушке получку сына, поговорил с ней по душам. Его старые дружки, с которыми он отбывал срок, не отпускали долгое время, но он выдержал.

Уже работая в обкоме партии заведующим орготдела, я приехал как-то в Прокопьевск в командировку, возвращался с работы на трамвае в гостиницу. Дело было в декабре, мороз крепкий. Замечаю, смотрит на меня знакомый мужчина, подходит ко мне:

— Василий Иванович, вы меня не помните?

— Лицо вроде знакомое, но что-то не припоминаю.

— Вы направили меня на «Тырганские уклоны». Сейчас у меня пошла совсем другая жизнь, обзавелся семьей, жена учительница, недавно родился сын, числюсь среди лучших бригадиров на руднике. Пойдемте ко мне, я вас познакомлю с женой. Подходим.

— Знакомься, это мой наставник, — говорит жене.— Покажи-ка сына.

— Неудобно, холодно.

— Что я тебе сказал! — Таким характерным тоном, что я подумал, да, дух-то еще старый не выветрился. Когда я смотрел на ребенка, радости его не было предела.

Еще один примечательный случай остался в памяти.

Как-то мне понадобилось встретиться с директором Центральных авторемонтных мастерских (ЦАРМ). Начиналась уборочная компания, с предприятий много автомашин было привлечено на уборку урожая, требовалось обеспечить бесперебойную работу автотранспорта.

Я попросил секретаршу вызвать его ко мне. Секретарша, говорит, он не может прийти, заявил, что занят.

— Соедините меня с ним. — Соединяет.

— Приглашаю вас к одиннадцати часам на беседу.

— Не могу, у меня неотложные дела.

— Вы не понимаете? Вас в приглашают в райком партии, не на вечеринку, прошу вас подойти.

— Когда у меня будет свободное время, тогда и приду.

Меня это не на шутку возмутило. Я позвонил начальнику райотдела милиции и попросил его послать кого-нибудь к директору ЦАРМа, чтобы тот немедленно явился в райком на беседу. Он поручил это дело милиционеру у которого, как говорят, «четыре класса на двоих с братом», тот пришел, вынул пистолет:

— А ну-ка быстро к секретарю райкома!

Стою у окна, вижу, как по улице милиционер под дулом пистолета ведет директора ЦАРМа. Меня прошиб холодный пот. Думаю, всё, закончилась моя партийная карьера. Когда директор ЦАРМа вошел в кабинет, я напустил на себя невозмутимый вид и заговорил:

— Ваше поведение у меня просто не укладывается в голове. Вы же солидный человек с большим партийным стажем, должны понимать, если вас приглашает секретарь райкома, то не для того, чтобы рассказать анекдот, вероятно, в этом есть особая нужда. Раз вы решительно отказались придти на беседу, я был вынужден прибег-

нуть к крайней мере. В семье не без урода, этот милиционер — типичный службист, по-своему понял поручение, вышел неприятный для нас обоим инцидент. За это я приношу вам свои извинения. Надеюсь, вы с пониманием отнесетесь к тому, что произошло.

Выслушав меня, он также извинился и пообещал, что впредь с его стороны таких поступков не будет. Поговорив о делах, мы распрощались. Целый месяц мне было не по себе, тревога не покидала меня, вдруг напишет жалобу, всё, на мне можно ставить крест.

Ничего подобного не произошло. Перед моим отъездом на работу в Кемеровский обком партии состоялся товарищеский ужин. Среди присутствующих был и директор ЦАРМа. Когда он попросил слова, меня охватило беспокойство, я насторожился. Оказалось, однако, напрасно. Он заявил, что поднимает бокал за настоящего, творческого, подающего большие надежды, крупного в будущем партийного работника; талантливый организатор и за его дальнейшие успехи. Конечно, для меня такая оценка была очень лестной, — тем более со стороны коммуниста, с которым случилось такое непредвиденное событие.

Припоминается мне и такой случай. После демобилизации из армии приехал ко мне дядя, младший брат отца Константин Васильевич. Он служил водолазом, гражданской профессии не

имел, слышал, что шахтеры хорошо зарабатывают и решил податься в шахтеры. Но перед тем попросил сводить его в шахту, посмотреть, что это такое.

Я позвонил директору шахты Александру Михайловичу Полякову, обо всем с ним договорился. Приехали рано утром, переоделись в рабочие спецовки, спустились в шахту, прошли по вентиляционному штреку в рассечку, потом под щит. Когда спустились метров на восемь вниз по людскому ходу, дядя меня спрашивает:

— А если упасть в эту дыру, далеко лететь?

— Недалеко, метров сто.

— Тогда я дальше не пойду. Идите без меня, я подожду вас на рассечке.

Мы спустились еще метров на сто на нижний горизонт до основного штрека и возвратились к стволу, чтобы подняться из шахты. Александр Михайлович видит, дядя мой еле ноги волочит.

— Сейчас войдем к клеть, а вдруг электроэнергию отключат?

— Придется, Константин Васильевич, лезть вверх по людскому ходу.

— А сколько метров?

— Примерно, триста.

— Тогда вы будете тащить меня на себе.

Поднялись на поверхность, Александр Михайлович спрашивает:

— Ну, Константин Васильевич, какое принял решение? Согласен стать шахтером?

— Нет уж, спасибо, такой каторжный труд не по мне. Кто закопал ваш уголь, пусть сам его и откапывает. А я на поверхности поищу себе профессию.

Так мой дядя отказался от работы в шахте.

На другой день он собирался уезжать. Однако с непривычки он не то что до вокзала — до туалета чуть не на четвереньках добирался. По себе знаю, когда я долго не спускался в шахту, потом страшно болели мышцы: ни повернуться, ни сесть, ни согнуться, икры ног как будто наливаются свинцом...

Припоминается мне еще один забавный случай. Александр Николаевич Задемидко, бывший председатель Кузбасского совнархоза, позже министр угольной промышленности, баллотировался кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по нашему Рудничному округу. Во дворце культуры шахты имени Ворошилова была назначена его встреча с избирателями.

Накануне первый секретарь горкома партии К.Б. Никитин позвонил мне и попросил подыскать шахтера, работавшего с отцом Александра Николаевича. Я вызвал заведующую сектором

учета, она нашла такого шахтера на шахте имени Ворошилова. Заслуженный, почетный шахтер Е.И. Брычев. Я позвонил на шахту, узнал, что он идет на работу во вторую смену и пригласил его к себе.

— Вы знали отца Александра Николаевича Задемидко?

— Конечно, вместе работали на шахте «3/3-бис».

— Я хотел бы вас попросить выступить сегодня вечером на встрече избирателей с его сыном Александром Николаевичем Задемидко, кандидатом в депутаты, рассказать о том, как вы работали с его отцом. Это было бы интересно, высказали наказы от шахтеров.

Вечером началась встреча. Выступили доверенные лица, потом избиратели с наказами. Наконец, слово было предоставлено почетному шахтеру Е.И. Брычеву. И здесь произошло непредвиденное.

— Товарищ Динамитко... — начал он. Ему под-
сказывают:

— Задемидко.— Он продолжает свое:

— Товарищ Динамитко! Я, понимаешь, работал с твоим отцом на шахте «3/3 бис». Хороший был мужик, не одну пару рукавиц мы пропили с ним.

В зале — хохот. Первый секретарь горкома, мы сидели с ним рядом, на ногу мне жмет и желваки ходят от злости. А тот продолжает:

— Ты вот что, товарищ Динамитко, ты давай-ка выполни наше поручение. Под руководством райкома партии комсомольцы заложили парк на Тыргане, сделали пруд, запустили рыбу, строят аттракционы, но надо ж его, парк, огородить, чтобы там не вырубали березовую рощу, надо сделать другие аттракционы, площадки. Будь добр, подпиши, пожалуйста, разрешение на цемент управляющему трестом Никитину, чтобы он дал нам лесу, металл, и т.д., все, что требуется. Я скоро на пенсию выйду, буду со своей старушкой ходить на рыбалку, местечко есть там одно уж очень хорошее. Ты товарищ Динамитко исполни это, пожалуйста. И тогда мы тебя изберем единогласно, не сомневайся. Шахтеры умеют держать свое слово.

Весь зал покатился со смеху... Закончилась встреча. Не успел я войти в кабинет директора дворца культуры, как Кузьма Борисович накинулся на меня:

— Ты что наделал? Ты кого выпустил на трибуну?

Александр Николаевич улыбнулся:

— Кузьма Борисович, за что вы ругаете молодого секретаря райкома? Брычев снял напряжение, люди расслабились, повеселились, это даже

здорово. Давай-ка поедем, посмотрим, что там за парк заложили комсомольцы под руководством райкома. Захватили с собой управляющего трестом «Прокопьевскуголь» Валентина Дмитриевича Никитина.

Подъезжаем к парку, смотрим, лицевая ограда из железобетона уже сделана. А.Н. Задемидко повернулся к В.Д. Никитину:

— Вот ты куда цемент гонишь!

— Александр Николаевич, — вступился я, — это же из отходов.

— Я понимаю, какие отходы. Не первый год в партии. Секретарь райкома попросил управляющего трестом и тот из отходов выделил цемент? Не морочьте мне голову! — Разозлился основательно.

Мы прошлись по парку. Пока я рассказывал об особенностях планировки, о работе коллективов шахт по благоустройству территории, Задемидко начал понемногу успокаиваться:

— Ладно, Никитин, выпиши им сучковатого дерева, помоги с цементом, металлом...

— Слава Богу! Пусть сучковатое, было бы разрешение, остальное мы все сделаем сами.

Когда спустя много лет от имени кузбасского землячества в Москве я поздравлял А.Н. Задемидко с 90-летним юбилеем, то напомнил ему этот случай. Александр Николаевич сначала от-

некивался, но потом все же припомнил. Все присутствующие на юбилейном вечере посмеялись от души.

Я упомянул о Валентине Дмитриевиче Никитине. Это был крупный организатор, талантливый горный инженер. В свое время, работая в Осинниках, он был привлечен к уголовной ответственности. Из тюрьмы его вызволил министр угольной промышленности Вахрушев. Долгое время руководил угольными предприятиями в Осинниках, затем возглавил трест «Прокопьевскуголь», был избран секретарем обкома партии; работал заместителем, первым заместителем председателя и председателем Кузбасского совнархоза. Впоследствии Валентин Дмитриевич перешел на работу в Министерство угольной промышленности заместителем, первым заместителем министра.

Я у него многому научился. Он всегда находился в гуще людей. Шахтеры любили его за смелость, справедливость, принципиальность.

В конце месяца он обычно заезжал ко мне:

— Василий Иванович, едем выполнять план.
— Мы приезжали на восьмой разрез, нашу палочку-выручалочку, собирали шоферов, договаривались с ними об оплате (за каждый сверхплановый рейс по вывозке угля платили по три рубля) и во внеурочное время шоферы помогали сверстывать государственный план.

Считаю, мне вообще крупно везло в жизни на хороших людей. Валентин Дмитриевич был одним из них.

***

Мне очень нравилось бывать на шахтерских партийных собраниях. Вопросы ставились там не взирая на лица и перед управляющим треста, перед руководителями города, области. Критика была такая, что на месте не усидишь.

Помню того же Брычева. Выходит он на трибуну, помолчит, выискивая в зале главного энергетика и начинает его песочить:

— Слушай, тебя народ выучил, дал тебе высшее образование, ты про косинус знаешь, а всем морочишь голову... Мы что, на своем горбу должны тяжести таскать? Лебедки не работают, куда ты смотришь? Ну-ка, выскажись, как ты собираешься облегчить наш труд.

Посмотрит на начальника лесного склада:

— Ты спустись-ка с нами в шахту, посмотри, какой толстомер отгружаешь, — мы ж пупы надрываем! Ты бы попробовал сам поворочать этот лес!

Увидит главного механика — давай его критиковать за плохую работу горных машин и оборудования. Директор шахты А.М. Поляков садился

обычно не в президиуме, а среди рабочих. Он его все-таки найдет в зале:

— Александр Михайлович! Ты чего это спрятался? От народного глаза все равно не скроешься... — И ну полоскать директора шахты. Впрочем, и было за что: то перебой с мылом, то с горячей водой, то еще с чем.

От таких партийных собраний у меня остались самые светлые воспоминания.

***

Еще одна деталь из работы в райкоме. Как-то я торопился на заседание бюро горкома партии. Навстречу — похоронная процессия. Машина свернула с дороги, люди прошли, я поехал дальше. На следующий день прихожу на работу, в приемной меня ожидают шахтеры, пенсионеры.

— Товарищ секретарь, просим нас принять.

— Пожалуйста, входите, слушаю вас.

— Мы пришли выразить вам свое возмущение. Вчера мы хоронили шахтера с шахты имени Ворошилова. Вы ехали на машине, свернули в сторонку, подождали... Мы понимаем, человек вы занятой, но неужели нельзя было хотя бы выйти из кабины и отдать последнюю почеть трудовому человеку, шахтеру?

Я был смущен до крайности: они были правы. С моей стороны была допущена действительно

вопиющая бестактность. Мне ничего не оставалось, как извиниться перед ними. Я сказал, что полностью с ними согласен и пообещал, что впредь с моей стороны больше ничего подобного не повторится.

Таковыми были тогда наши шахтеры. Это был для меня серьезный урок.

***

Припоминается первая для меня районная партийная конференция Рудничного района, куда я был избран делегатом от нашего техникума. Слушаю сообщение мандатной комиссии. В адрес комиссии поступила записка о сокрытии директором шахты В.С. Евсеевым при вступлении в партию факта репрессирования его отца в 1937 г. Проверка подтвердила эту информацию, комиссия внесла предложение вывести Евсева из состава президиума, лишить его делегатского мандата и поручить парторганизации рассмотреть персональное дело. Проголосовали. Решение состоялось. Прошел перерыв, снова доклад мандатной комиссии. Поступило заявление о том, что начальник одного шахтостроительного управления по просьбе священника и прихожан Покровской церкви распорядился установить там металлическую ограду. Проверили, факт подтвердился. С начальника управления взяли объяснение и лишили делегатского мандата. В ту же

обойму попали директора заводов мельнично-элеваторного хозяйства и оборудования лампового хозяйства. На одном заводе отлили колокол, на другом никелировали люстру для церкви. Потом лишили мандатов еще двух человек за приобретение продуктов в магазинах с черного хода. Мне, недавно вступившему в партию молодому коммунисту, еще ни разу не приходилось сталкиваться с такой атмосферой строгости и взыскательности.

Это тебе не комсомольская конференция, — думал я про себя.

Но сильнее всего меня поразила острота критики первого и второго секретарей райкома. По итогам голосования ни тот, ни другой не были избраны в состав пленума. Это означало, что их секретарские карьеры на этом закончились.

Так реагировали рядовые коммунисты на просчеты в работе секретарей районных парторганизаций.

Конечно, основная деятельность Рудничного райкома партии была связана в первую очередь с задачей выполнения плана добычи угля. Огромное количество рабочего времени у меня поглощало выбивание средств и материально-технических ресурсов для реконструкции шахт. При этом вопросы социального развития, жилищного строительства всякий раз отодвигались на второй план. Весь рудник был покрыт скопи-

щем полуземлянок, бараков, ветхих домишек, построенных неподалеку от терриконов.

Однажды мы с секретарем обкома партии Е.З. Разумовым посетили ряд таких поселков Прокопьевского рудника. Он был потрясен чудовищными условиями жизни шахтеров. Этот факт вскоре стал предметом рассмотрения на бюро обкома партии. Была подготовлена соответствующая записка в ЦК КПСС, Госплан, Госснаб СССР, профильные министерства. Поднимались вопросы строительства жилья не только в Прокопьевске, но и на других рудниках.

Когда меня избрали первым секретарем Рудничного райкома партии, председателем райисполкома работал Владимир Евгеньевич Елабугин. Этот человек был наделен серьезными организаторскими способностями. Свой рабочий день он начинал с шести утра, объезжал район, связывался с руководителями шахт и предприятий, просил их оказать помощь в строительстве, ремонте или благоустройстве прилегавших к ним дорог и тротуаров. Потом приезжал ко мне, докладывал, где побывал, с кем и о чем договорился, просил о поддержке. Такое взаимодействие давало хорошие результаты. Единственным недостатком Владимира Евгеньевича была склонность к выпивке, что, конечно же, долгое время не могло не сказаться на его продвижении по службе. Впоследствии он был выдвинут предсе-

дателем городского совета Прокопьевска, затем начальником управления коммунальной службы облисполкома.

***

На работе в райкоме партии я познакомился с Евгением Петровичем Жеваго. После окончания института он трудился главным механиком на шахте «Маганак». Его заметили в горкоме и рекомендовали секретарем парткома шахты «Зиминка 3/4». Я решил съездить на шахту, посмотреть, что из себя представляет молодой секретарь парткома, познакомился с ним. Он мне очень понравился. Вдумчивый, с аналитическим складом ума руководитель, не склонный к поспешным решениям, но и без замедленной реакции, работающий, быстро сумел найти со всеми общий язык, вообще хорошо ладил с людьми. Думаю, надо бы к этому парню хорошенько присмотреться.

У нас сразу установились добрые отношения.

После избрания меня первым секретарем как-то так получилось, что старых друзей я растерял, а новых еще не приобрел. Помню, после ноябрьской демонстрации Евгений Петрович спрашивает меня:

— Василий Иванович, а где вы собираетесь отмечать праздник?

— Да где — дома.

— Я приглашаю вас, приходите, пожалуйста, жена накроет стол, пообщаемся.

Он дал мне свой адрес. Оказывается, он тоже жил на Тыргане. Мы собрались с женой в гости, подходим к дому, звоним, дверь открывает моя бывшая студентка Лариса, которой я читал лекции по технологии металлов.

— Василий Иванович? Вы к кому?

— К Жеваго... Извините, наверное, я ошибся.

— Нет, не ошиблись. Евгений Петрович живет здесь. Я его жена.

Так мы познакомились семьями. У него уже было двое детей, у меня трое. С этого дня у нас на долгие годы установилась семейная, общественная и партийная дружба. Когда меня избрали вторым секретарем горкома партии, Евгений Петрович был избран первым секретарем Рудничного райкома партии, когда я был избран первым секретарем Прокопьевского горкома партии, Евгений Петрович был избран вторым секретарем горкома. Когда я был утвержден заведующим орготдела обкома, его избрали первым секретарем Прокопьевского горкома партии. Таковы были ступени его последовательного продвижения за мной. Когда решался вопрос о моем избрании председателем Кемеровского облсовпрофа, я сказал ему:

— Евгений Петрович, продолжим нашу традицию?

— Нет уж, хватит мне гоняться за тобой...

Долгое время он проработал первым секретарем Прокопьевского горкома партии. Прокопчане его до сих пор помнят как деятельного организатора, честного, добросовестного партийного работника. Затем он возглавлял «кузбасский госснаб», был выдвинут на работу в Госснаб СССР начальником главка, затем первым заместителем председателя Госснаба. Наши дети дружат и сейчас, мы продолжаем поддерживать связи, иногда я со смехом говорю ему:

— Я тебе воспитал жену, ты мой должник на всю жизнь.

***

Еще один интересный эпизод из работы в Прокопьевском горкоме партии. Я вообще-то не рыбак и не охотник, но раз в год меня все-таки удавалось уговорить поехать на охоту или на рыбалку. Стояла очень теплая весна. После первомайской демонстрации мой сосед директор завода горного машиностроения Сергей Михайлович Мальшев уговорил меня поехать на рыбалку.

— Да я не рыбак, — пытался отговориться я...

— Какой там не рыбак! Забросим сетёнки, что-нибудь да поймаем.

Поехали с женами и детьми. Стоял хороший солнечный день, мы поймали несколько щучек, сварили уху, сидим, обедаем... Смотрим, идет мужчина. Одна нога деревянная, левого глаза нет, на правой руке три пальца. Несет громадную щуку, хвост чуть ли не по земле волочится. Остановили его, познакомились. Его звали Глебом Владимировичем. Я попросил его продать нам эту щуку. Пригласили его, угостили, и между делом поинтересовались, как идет жизнь. Мы были поражены, когда узнали, что он как инвалид Великой Отечественной войны 1-ой группы получал всего 42 рубля пенсии. И это на семью из семи человек с детьми мал мала меньше!

Начал накрапывать дождик. Мы потихоньку стали собираться в обратный путь, предложили Глебу Владимировичу подбросить его до деревни. Подъезжаем к неказистой избушке. Зашли мы с Сергеем Михайловичем посмотреть, как он живет. Такой ужасающей бедности я еще не видал. Дождь хлещет, крыша течет, детишки кто во что одеты, сбились по углам, жена в изношенном до дыр платье... С содроганием смотрели мы на эту картину нищенства. Мне стало не по себе. Людям нужна была немедленная помощь.

На другой день я обратился к управляющему треста «Прокопьевскуголь» В.Д. Никитину:

— Валентин Дмитриевич, тут такое дело, надо помочь семье инвалида войны из Шерегеша. У

него семеро детей, изба убогая, крыша течет. Поможем ему построить приличный дом? — Он согласился.

Там же в Шерегеше жил мой однокашник Володя Сивков, возглавлявший лесничество. Я его попросил выделить лесосеку для заготовки леса. Валентин Дмитриевич помог другими материалами, организовал строительную бригаду. Семью Глеба Владимировича временно поселили в пустующей квартире директора местной школы. Дом был выстроен через семь-восемь месяцев.

Собираясь в Шерегеш, мы всегда брали с собой одежду и обувь, из которых выросли наши ребята. Порой мы везли вещи целыми мешками.

У директора Зенковского парка я выпросил лодку, приобрели добротные сети. «Адмирал Нельсон», — так мы прозвали Глеба Владимировича, был растроган до слез. Начальника горотдела милиции я предупредил не трогать его: если кто из служивых-ретивых отберет у него сети, то будет серьезно наказан.

На берегу Шерегешского водохранилища «адмирал Нельсон» соорудил шалаш и практически там и жил. Приезжаем, три выстрела длинных, один короткий, — он к нам на лодочке подплывает:

— Здравствуйте, Василий Иванович! Порыбачите или моей рыбкой воспользуетесь?

Вечерком разведем костер, проверим сети, заварим уши, поговорим о том, о сем. Долгое время мы шефствовали над семьей Глеба Владимировича. Моя дружба с «адмиралом Нельсоном» продолжалась вплоть до самого переезда в Кемерово. Я поехал попрощаться с ним вместе с Евгением Петровичем. Прихватили с собой чем угостить «Нельсона» и себя не обидеть. Сварили ушицы. За ужином я ему говорю:

— Глеб Владимирович, уезжаю я из Прокопьевска... — Он в слезы.

— Я ж погибну без вас, Василий Иванович! Сколько вы сделали для меня...

— Глеб Владимирович, да не расстраивайтесь вы так! Вместо меня остается Евгений Петрович, первый секретарь горкома; обещаю, случись что, в беде тебя не оставит.

РАБОТА В ПРОКОПЬЕВСКОМ ГОРКОМЕ ПАРТИИ

В декабре 1959 года в день моего рождения я был избран вторым секретарем Прокопьевского горкома партии. Прокопьевск — третий город Кузбасса по своей численности, по своей значимости после Кемерова и Новокузнецка. Казалось бы, повышение: второй секретарь горкома! Однако, мой оклад оказался на 30 рублей меньше прежнего — всего 190 рублей. А семья оставалась все та же — восемь человек. В то время шахтеры получали по 700-800 рублей в месяц, иногда и до 1000 доходило. Да и многие другие профессии были гораздо более оплачиваемы. У нас, кадровых партийных работников, одна была привилегия — вкалывать по 12-14 часов в сутки. Мы почти не видели свои семьи, не занимались воспитанием детей. Я уходил на работу, когда они еще спали, а возвращался, когда они уже укладывались спать.

С первым секретарем Кузьмой Борисовичем Никитиным работалось непросто, человек он был сложный. Но с ним всегда можно было посоветоваться по любому вопросу, он неизмен-

но поддерживал меня во всех начинаниях. Как правило в городских комитетах партии первый секретарь занимался организационными вопросами и кадрами. За промышленность, строительство, торговлю отвечал второй секретарь. Про него обычно говорили — «рабочая лошадка».

Припоминаю первые шаги в должности второго секретаря горкома. Заканчивалось строительство драмтеатра. Смета была целиком исчерпана, достраивать здание было не на что. Мне было поручено заняться этим вопросом. Я собрал руководителей, секретарей партийных организаций, председателей профсоюзных комитетов предприятий и стал держать с ними совет, как выйти из создавшегося положения. Объем работы предстоял большой, затраты огромные. Договорились о долевом участии. За каждым руководителем закрепили тот или иной объект стройки.

Представители завода оборудования лампового хозяйства на это совещание не явились. На другой день я пригласил их и говорю:

— Вам надо перечислить на строительство драмтеатра шесть тысяч рублей. — Они мне в ответ:

— Василий Иванович, откуда у нас такие деньги? Мы и свой-то дворец культуры кое-как содержим, да и других забот-хлопот достаточно.

Я убеждал их как мог, но все было безрезультатно. Попрощался с ними. Ладно, думаю, сами

еще ко мне придете. Позвонил начальнику пожарной охраны города, попросил съездить на завод оборудования лампового хозяйства, посмотреть, как там обстоит дело с противопожарной безопасностью... Потом звоню начальнику городской санэпидстанции, прошу устроить на заводе проверочку по их части... Дня через два еду я в сторону Тыргана, навстречу мне директор завода, секретарь парторганизации и председатель профсоюзного комитета. Останавливают меня:

— Василий Иванович, согласны выделить шесть тысяч.

— Шесть было позавчера, а сегодня восемь тысяч. — Переглянулись они между собой, хорошо, говорят, будь по вашему, а то завтра будет уже десять тысяч.

На строительстве драмтеатра я превратился в «прораба». Начиная свой рабочий день на стройке, в обед заезжал, вечером — снова на строительство. Бригадиры меня знали, я всех знал в лицо и по имени-отчеству. Бывало, зайду в раскомандировку, они — ко мне:

— Василий Иванович, это безобразие, раствор не подвезли!

— Василий Иванович, облицовочная плитка закончилась...

Приходилось немедленно поправлять дела. Это была моя первая серьезная школа участия в строительстве.

***

У нас всегда было много хоккейных болельщиков. Новокузнецкий «Металлург» неплохо выступал в высшей лиге, к нам приезжали «Спартак», ЦСКА, другие известные команды. На матчи «Металлурга» прокопьевским болельщикам вечерами приходилось ехать в Новокузнецк. Поездил я поездил, и задумался: сколько же можно нашим болельщикам ездить туда-сюда! А не создать ли у нас свою команду? Ребята у нас талантливые, да и новокузнецчане помогут. Я пригласил проектировщиков и поставил перед ними задачу сделать проект хоккейной коробки на пять тысяч мест.

Когда проект был готов, мы созвали руководителей предприятий, секретарей парткомов, председателей профсоюзных организаций. Руководитель проекта выступил с изложением проекта строительства хоккейной коробки, обосновал размеры финансирования, материального снабжения и т.д. Его слушали внимательно, но с недоумением. Потом поднялся я и сказал:

— Товарищи, я предлагаю построить у нас хоккейную коробку способом долевого участия.

Кирпичный завод выделит кирпич, завод железобетонных изделий поставит железобетонные конструкции, машиностроительный завод — фермы, энергетики сделают освещение... Но давайте договоримся на берегу: все согласны? Если нет, на этом разговор и закончим.

Мое предложение встретило единодушное согласие. Хоккейная коробка была выстроена в самые короткие сроки. Эту стройку курировал я.

***

Я уже упоминал о первом секретаре горкома Кузьме Борисовиче Никитине. Это был действительно талантливый партийный работник.

Припоминается мне такой случай. На городскую партийную конференцию приехал первый секретарь обкома партии Леонид Игнатьевич Лубенников. Конференция шла своим чередом. В один из перерывов Леонида Игнатьевича окружили делегаты:

— Леонид Игнатьевич, хороший у нас первый секретарь горкома, и опыт у него большой, и трудится он много, с большой пользой, «болеет» за Прокопьевск. Этого у него не отнять. Но он уже столько лет работает в этой должности, так заматерел, что мы устали от него, да и он от нас. Может быть, его стоит куда-нибудь переместить, а избрать нового, помоложе.

К мнению коммунистов прислушались и через три месяца Кузьма Борисович был утвержден заведующим административным отделом обкома партии.

Я уже говорил о том, что в середине 1950-х гг. в Прокопьевске развернулось жилищное строительство. Город остро нуждался в новом жилье

К осени стало ясно, что ввод нескольких жилых домов в эксплуатацию оказался под угрозой срыва. Оставлять дома недостроенными ни в коем случае было нельзя.

За каждым таким домом закрепляли членов бюро горкома и райкомов. Мне достался дом, где был возведен только первый этаж. Приехал я под вечер, смотрю, сторож ходит. Я его спрашиваю:

— Когда же строители работу закончили?

— Давно закончили. А чего вы интересуетесь?

— Я закреплен за этим домом. Его надо обязательно достроить в этом году.

— Ничего у вас не получится....

— А давай поспорим!

— Руку даю на отсечение — не получится.

— Придется лишиться тебе руки.

С самого утра я уже был на стройке. Заезжал в течении рабочего дня, как только удавалось выкроить свободное время, после работы. Органи-

зовал массовые субботники с участием будущих жильцов... В середине декабря я заметил, что сторож стал от меня прятаться. Неимоверными усилиями дом был сдан. 31 декабря буквально за несколько часов до нового года Государственная комиссия подписала акт о приемке дома.

***

Я любил ходить в шахту в ночную смену. Мне казалось, что люди как-то лучше раскрывались, рассказывали о недостатках в торговле, благоустройстве, снабжении... Для меня это было очень важно.

На шахте «Зиминка» трудился бригадиром Герой соцтруда, член Центрального союза угольщиков К.Я. Ворошилов. Со временем у него вошло в привычку: вернется с пленума, дня два-три в шахте не показывается. Бригада это долго терпела, но чем дальше, тем больше стала воспринимать его с неприязнью. Ему начали высказывать претензии, пошли крупные неприятности.

Совершенной противоположностью К.Я. Ворошилову был бригадир шахты «3/3 бис», кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, Н.Г. Кочетков. Он отвлекался от работы не реже, чем К.Я. Ворошилов, кроме того часто выезжал за границу, но в его бригаде царил иной климат.

Мне необходимо было выяснить, почему к нему относились иначе.

Я пошел в бригаду Кочеткова, когда он находился в заграничной командировке. Уселись шахтеры перекусить и я с ними завел разговор.

— Ребята, скажите откровенно, как вы относитесь к тому, что Николай Григорьевич часто отвлекается от своих прямых обязанностей? Вам ведь приходится брать на себя дополнительную нагрузку.

— Василий Иванович, мы же понимаем, что он ездит не по своей воле. Ему и отказываться как-то неудобно. А когда он возвращается из командировки, то сразу всю черновую работу берет на себя. Это настоящий труженик и очень скромный, отзывчивый человек, всегда откликается на любую нужду членов бригады, если надо — защищает. Нам с ним легко работать, мы его ценим и уважаем.

Он мне рассказал одну историю. В составе делегации он был в Италии. Итальянцы приняли его за сотрудника комитета госбезопасности, чересчур интеллигентный для шахтера. Решили его проверить, попросили показать, как он работает на углепогрузочной машине. Он спустился в шахту, сел за рычаги и показал им такой класс, что все были поражены. И тогда поняли, что это шахтер, никакой не разведчик.

Потом Николай Григорьевич закончил ускоренные курсы в Прокопьевском горном техникуме, получил диплом горного техника. Через некоторое время он был назначен директором шахты. Трудновато ему было, но работал он добросовестно. Грамотный шахтер, скромный, обаятельный, интеллигентный человек. Впоследствии он работал председателем Комитета народного контроля области.

Многое связывало меня с этим замечательным человеком. Мы дружили семьями. Моя жена его будущую невестку, сын женился на дочери Л.А. Горшкова, первого секретаря обкома.

Так шли годы моей работы в Прокопьевске.

***

В Кемерове была построена телевизионная станция. Ленинск-Кузнецкого ретранслятора еще не существовало, а желающих посмотреть телевизор было много. Новинка для Кузбасса. Любители находили литературу, сооружали на крышах самодельные антенны. Я тоже заразился этой болезнью, купил телевизор. Вечерами припаду к нему, кручу ручки — на экране мельтешит белая крошка, хрип. Бывало, намучаюсь, настрою кое как изображение, только появится картинка, наш диктор Галина Скударнова, интересная была женщина, сообщает:

— На этом наши передачи закончены, спокойной ночи, товарищи. — И все.

Председатель горисполкома В.Е. Елабугин приобрел телевизор, заказал антенну, попросил помочь установить ее. Мы с ним залезли на крышу, стали крепить антенну, налетел сильный ветер, мы не справились, антенна рухнула, порвала электрические провода, дом остался без света. Пришла с работы жена, мы сидим при свечах, обмываем установку антенны. Посмеялась она над нами: «Вижу, в копеечку обойдется нам этот телевизор». На следующий день мы все же поставили антенну. С этого вечера он беспрестанно звонил мне:

— Василий Иванович, какую ручку прокрутить*, у меня что-то лица вытянутые во весь экран. — Я даю совет.

Через какое-то время опять звонок:

— Слушай, что-то все мельтешит, совершенно невозможно смотреть.

— Частоту строк посмотри, покрути.

Так я сделался у него консультантом. Однажды на сессии городского совета подходит ко мне главный инженер шахты «3/3 бис»:

— Василий Иванович, слышал, вы занимаетесь телевизионными делами. Я купил телевизор, не посоветуете мне специалиста, нужна консультация.

Решил я подшутить над ним и порекомендовал обратиться к Владимиру Евгеньевичу Елабугину как самому крупному специалисту в этом деле.

После сессии он подходит к нему:

— Владимир Евгеньевич, не могли бы вы мне помочь настроить телевизор? Мне сказали, что лучше вас никто не разбирается.

— Кто это вам сказал?

— Василий Иванович Ситников...

— Да вы что? Я же сам каждый день без конца ему звоню, не знаю, за какую ручку хвататься.

Встречает он меня:

— Василий Иванович, зачем же ты подводишь людей, ко мне обращаются, просят помочь. — Я улыбнулся и мы оба расхохотались...

***

После отъезда Кузьмы Борисовича на работу в Кемерово первым секретарем Прокопьевского горкома партии был избран П.Д. Свириденко, ранее работавший первым секретарем Осинниковского горкома. Это был добросовестный, трудолюбивый, взыскательный к себе человек, беспощадно боролся с пьянством, нарушением трудовой дисциплины, однако по уровню развития он совсем не был подготовлен для руководства крупной партийной организацией.

К тому времени я проработал вторым секретарем более двух с половиной лет. На бюро обкома партии рассматривалась моя кандидатура, но она не прошла из-за отсутствия у меня производственного стажа. Меня «завернули».

Хотя коммунисты городской партийной организации воспринимали П.Д. Свириденко скорее негативно, — он был груб, имел низкий уровень интеллекта, допускал серьезные ошибки, — работал я с ним неплохо, помогая ему освоиться на новом месте. Его промахи надо было чуть не ежедневно поправлять.

Я решил поехать в обком партии, объяснить с первым секретарем Л.И. Лубенниковым. При встрече я высказал ему свою просьбу:

— Леонид Игнатьевич, за мной всю жизнь будет тянуться хвост, — у меня нет опыта производственной работы. Я прошу поправить положение в моей биографии, разрешите мне поработать на шахте имени Калинина. Я выполнял дипломный проект по этой шахте.

Он тут позвонил же председателю Кемеровского совнархоза Л.Е. Графову и говорит:

— Леонид Ефимович, Ситников у меня с просьбой назначить его начальником шахты имени Калинина. Шахта хорошая, только закончила реконструкцию, думаю, пусть он там поработает. Как ты на это посмотришь?

Будучи членом бюро обкома, Л.Е. Графов находился в курсе моей проблемы и тут же подписал распоряжение. По возвращении из Кемерово я ездил несколько раз на шахту как будущий начальник. Об этом было известно всему инженерно-техническому руководству шахты. Прежний начальник уходил на пенсию, его переводили в трест на руководящую работу. Все домашние радовались: наконец-то, пойдешь работать на шахту, хоть немного улучшится материальное положение семьи. Начальники шахты получали прилично, особенно, если выполнялся план, а шахта имени Калинина именно такой и была. Но моей мечте не суждено было сбыться.

В это время проходила велосипедная гонка по городам Кузбасса. По графику ночевка спортсменов была предусмотрена в недавно построенном у нас Дворце спорта. Надо же было случиться, что работники горотдела милиции вздумали провести там какое-то мероприятие с участием П.Д. Свириденко. Под вечер в самый разгар торжества подъезжают велосипедисты, стучат в дверь, выходит милиционер:

— Кто такие? Вам чего?

— Мы участники гонки, у нас здесь предусмотрена ночевка.

— Дворец закрыт на спецобслуживание... Здесь находится первый секретарь горкома Свириденко.

— Пригласите, пожалуйста, его.

Свириденко вышел уже подвыпившим, брякнул велосипедистам какую-то грубость и ушел. На этом весь разговор с ним и закончился. Ребятам пришлось искать для ночлега гостиницу.

Председатель областного спорткомитета С. Иванов доложил Лубенникову об этом инциденте. Лубенников выслушал его, позвонил Свириденко. Тот вынужден был все подтвердить. Немедленно собралось бюро обкома партии и его сняли с работы.

Вечером у меня раздался звонок Лубенникова:

— Василий Иванович, извини за беспокойство, но ситуация изменилась. Бюро обкома просит тебя принять другое предложение. Действительно, у тебя нет производственного стажа, но мы считаем, что это обстоятельство не должно служить препятствием твоему продвижению по партийной линии. Ты ведь уже достаточное время на партработе... Короче говоря, принято решение рекомендовать тебя первым секретарем Прокопьевского горкома.

На пленум приехал второй секретарь обкома В.И. Залужный. Пленум освободил Свириденко, а меня избрали первым секретарем горкома партии.

На следующий день, проводив В.И. Залужного, я пришел на работу, направляюсь в свой рабочий

кабинет второго секретаря. Секретарша останавливает меня:

— Василий Иванович, Свириденко просил вас зайти. — Захожу.

— Давай, занимай свое место. — Сели мы с ним друг против друга, и он мне вдруг заявляет:

— Ну что, добился своего?

— Павел Дмитриевич, как тебе не стыдно такое говорить? Ты же прекрасно знал о моем назначении начальником шахты, зачем же мне заниматься подсиживанием? Что ж я, буду рубить сук, на котором сижу, как кума из присказки? Ты сам во всем виноват. Я делал все, чтобы помочь тебе. Я и Лубенникову говорил, что ты человек трезвый, никогда не позволял себе вольности, пьянки. Случилась такая беда, что ж делать?...

Кстати, и до этого случая в обком партии не раз поступали жалобы на его грубость и необузданность. Был такой случай. Ехал он как-то по городу, дорога перекрыта, идут ремонтные работы, надо сворачивать...

Шофер вышел, стал объяснять, что в машине первый секретарь горкома партии, попросил пропустить.

— Дорога на ремонте, поезжайте в объезд. — Шофер говорит Свириденко:

— Ничего не поделать, надо объезжать.

— Сейчас я сам распоряжусь. — Вышел из машины:

— Ну-ка, немедленно освободить дорогу!

Женщины в ответ:

— Сказано же, нет проезда, сворачивай в объезд!

Он вступил с ними в перепалку, слово за слово, стал их отталкивать, те вкрик:

— Ты чего это нас за груди лапаешь? — Люди идут с рынка, смотрят на эту сцену, хохочут:

— Да что с ним разговаривать!? Бейте его лопатами по морде!

Совершенно дикий инцидент.

— Ох и натерпелся я сегодня позора, — рассказывал потом шофер. — Женщины нас не пропустили, да еще лопатой по капоту получил. Все равно пришлось объезжать.

Рано или поздно снятие Свириденко с должности было неизбежно. Он явно оказался не на своем месте. Это был очевидный кадровый просчет. Для Прокопьевска этот случай явился исключением из правил. Мы всегда отличались сильными первыми секретарями. Все они имели большой авторитет не только в городе, но и в области. Они умели отстаивать как интересы городской партийной организации, так и жителей нашего города.

Как бы то ни было, мне так и не удалось поработать на шахте.

***

Состоялось постановление ЦК КПСС и совмина «О дальнейшем развитии угольной промышленности Кузбасса». Афанасий Федорович решил провести пленум обкома партии по этому вопросу в Прокопьевске. Собрались в здании нового драмтеатра. Пленум подходил к концу, объявили последний перерыв, я занимался гостями. Ко мне подошел помощник Ештокина и попросил пройти в директорский кабинет, где меня ожидал Афанасий Федорович. Вхожу.

— Василий Иванович, я бы хотел переговорить с вами вот по какому поводу. На бюро обсуждалась ваша кандидатура на должность заведующего орготдела обкома партии. Понимаю, это предложение для вас неожиданно и может показаться вам не вполне верным, но прошу отнестись к нему с пониманием.

— Афанасий Федорович, я ведь всего год работаю первым секретарем. У меня только стало что-то получаться.

— Обстановка складывается так, что я прошу вашего согласия занять должность заведующего орготделом.

— Афанасий Федорович, я все же прошу рассмотреть другие варианты. — Он неожиданно перевел разговор в другую плоскость:

— Интересно, а как ваша жена отнесется к переезду в Кемерово?

— Как? Куда муж, туда и жена, куда иголка, туда и нитка.

— Соедини-ка меня с ней. — Я набрал номер домашнего телефона:

— Анна, с тобой хочет поговорить Афанасий Федорович.

— Анна Сергеевна, здравствуйте, хотел бы с вами посоветоваться. Сейчас на пленуме обсуждается один очень важный кадровый вопрос. Мы решили вашего мужа пригласить на работу заведующим орготдела в обком партии. Это ведущий отдел. Как вы относитесь к этому?

— Афанасий Федорович, если честно, мне уже надоело за ним гоняться. То мы жили на Тыргане, потом на «Зиминке», сейчас в центре города. Не успел он поработать первым секретарем горкома — опять новое предложение. Знаете, пусть едет куда хочет! — Поговорили.

— С характером у тебя жена.

— Афанасий Федорович, разве она не права? Мне совсем нелишне было бы поработать здесь.

— Я понимаю, но другого выхода нет.

Перед самым закрытием пленума, когда уже был утвержден проект постановления, Афанасий Федорович попросил вне повестки дня рассмотреть организационный вопрос.

— Бюро обкома партии вносит предложение утвердить заведующим орготдела обкома партии Василия Ивановича Ситникова.

Все прокопчане в полном недоумении разом уставились на меня. Тем не менее за меня проголосовали единогласно.

Закончился пленум, меня окружили коллеги:

— Василий Иванович, в чем дело? Как вас понимать? Почему вы молчали...?

Что я мог им ответить? Пришлось рассказать о разговоре с Ештокиным.

ний. Принес Афанасию Федоровичу на подпись. Он прочитал, внимательно посмотрел на меня и спросил:

— И как тебе самому этот текст?

— Я старался с возможной полнотой учесть все критические замечания и включил их в постановление. Предлагалось даже лишить шахту звания коммунистического труда.

— Да-а, мудро вы поступили, сами себя высекли. Это же наш флагман! Сколько труда стоило, чтобы заслужить это звание! Теперь значит ходатайство обкома было ошибкой? Ты же горный инженер, должен понимать... Ну что ты тут понаписал? Знаешь что, иди-ка, переделывай.

Пришел я второй раз. Афанасий Федорович прочитал документ:

— Опять какая-то чушь, переделать.

Третью редакцию постановления я уже завизировал у всех секретарей обкома. Он снова его возвратил. В общем, переделывал я это постановление двенадцать раз. Наконец, я не выдержал:

— Афанасий Федорович, вероятно, я не в свои сани впрягся, отпустите меня обратно в Прокопьевск. — А у самого чуть ли не слезы на глазах. — Нет у меня дара заниматься писаниной, сами видите, у меня ничего не получается. Дайте мне возможность поработать на производстве. — Он усмехнулся:

— Все в порядке... — подправил кое-где и поставил подпись.

В первые годы я приходил к нему с проектами постановления бюро минимум по шесть раз. Прочитает и бросит:

— Что за чепуху написал? Иди, переделывай.

Такая была школа взыскательности к партийным документам, такую школу я прошел при Афанасии Федоровиче... Мой «крестник» заведующий угольным отделом Сергей Васильевич Курышкин говорил мне:

— Василий Иванович, ты здесь научишься уважать документ, будешь нести его на вытянутой руке со страхом в глазах и с болью в сердце.

Это изречение на всю жизнь запало у меня в памяти.

Как-то приношу я проект постановления на подпись, Афанасий Федорович прочитал и подписал. От неожиданности я рассмеялся.

— Ты чего смеешься?

— Афанасий Федорович, сегодня у меня большой праздник, вы впервые с первого захода подписали постановление бюро обкома.

— А помнишь, как ты говорил, что не в те сани впрягся, просился обратно в Прокопьевск? — Мы оба рассмеялись.

Часто дело было так. Готовлю документ и чувствую, в этом месте что-то не так. Думаю, а, на-

доело уже, и так проскочет. Как дойдет до этого места:

— Василий, надо переделать.

Сколько бы документов я не приносил ему на подпись, ни разу не бывало, если я в чем-то сомневался, чтобы я проскочил, обязательно он обнаружит. Конечно, это была школа не только для меня, но и для всех секретарей обкома, заведующих отделов. Зато на семинарах в ЦК наши документы — постановления пленумов, активов, бюро обкома — постоянно ставились в пример другим. Я всегда не без удовольствия говорил об этом Афанасию Федоровичу:

— Видишь, — отвечал он мне, — зря ты поначалу расстраивался, на все требуется практика.

Вернусь еще к одному событию времен моей работы первым секретарем Прокопьевского горкома партии. Афанасий Федорович, только приступивший к работе в должности первого секретаря промышленного обкома партии, приехал на городской партийно-хозяйственный актив. До своего назначения в Кузбасс он был вторым секретарем Свердловского обкома партии.

Сельский обком партии возглавлял П.И. Лубенников. Это были два абсолютно противоположных человека. Лубенников — прирожденный оратор, легко мог зажечь любую аудиторию, свободно овладеть ею, подчинить себе. Он никогда не выступал по бумажке, в карман за словом не

лез. К такому стилю наши коммунисты уже привыкли.

Когда слово было предоставлено Афанасию Федоровичу, он вышел на трибуну, опустил голову и углубился в чтение. Прошло полчаса. Чувствую, в зале поднимается ощутимый шумок.

— Позвольте еще остановиться на парочке вопросов. — Из зала раздаются выкрики:

— Заканчивайте! — Он продолжает чтение, в зале нарастает шум...

— Товарищи, прошу извинить, хотел бы остановиться еще на одном вопросе... — Ему кричат:

— Заканчивайте! — Зал уже хлопает во всю.

Афанасию Федоровичу пришлось скомкать конец выступления. За ужином наблюдаю, как он страшно расстроен. Сидит мрачный, как туча. Ест механически, без всякого аппетита.

— Василий Иванович, никак не пойму, что произошло? Меня же чуть с трибуны не согнали!

— Афанасий Федорович, зря вы так переживаете. Наши коммунисты привыкли к ораторскому стилю Лубенникова. А вы подняли вопросы, требующие обстоятельного анализа; я слушал вас с большим вниманием, почти весь блокнот исписал... Людям надо просто привыкнуть к вам.

Кое-как успокоил его. Утром за завтраком смотрю, он еще не отошел, сидит хмурый, молчит...

Поехали мы в шахтостроительное управление, он снова за свое:

— Василий Иванович, скажи честно, что случилось вчера, почему меня так приняли?

— Афанасий Федорович, да не переживайте вы так! У вас было очень дельное выступление, все ваши предложения включены в постановление актива, мы будем использовать их в нашей практической деятельности...

Такая была у него высочайшая степень выскательности к самому себе.

Потом прошло время, к нему постепенно привыкли и знали заранее, что если Афанасий Федорович идет к трибуне, то жди не безответственного витийства, а изложения серьезных, программных положений. Ко всем своим выступлениям он относился дотошнейшим образом. Как правило их готовили в отделах, потом секретарь обкома З.В. Кузьмина буквально вылизывала текст, чтобы не оставалось ничего лишнего, — только анализ с предложениями. Все его доклады на бюро обкома, касались ли они вопросов строительства или образования, здравоохранения или перспектив развития химической промышленности, отличались таким знанием дела, что, порой, приводило меня в изумление.

Я все время думал, ну не бывает же у человека семь пядей во лбу! Откуда у него все это?

Как-то мне нужно было срочно встретиться с Афанасием Федоровичем, спрашиваю секретаршу:

— У себя?

— Нет. В зале заседаний бюро на совещании.

Ни о каком совещании я ничего не знал. Пришлось выяснять. Оказывается, он собрал специалистов госгортехнадзора, чтобы выслушать их мнения по поводу повышения безопасности ведения горных работ. Совещание явно затягивалось и я, помню, еле дождался тогда Афанасия Федоровича.

А потом он выступил на пленуме обкома с такими квалифицированными предложениями по вопросам безопасности, что все были поражены. В следующий раз на бюро намечалось обсуждение вопросов здравоохранения. Я заметил, он вновь собирает у себя профессионалов... Так я понял его мудрость, желание и умение глубоко, обстоятельно подходить к насущным проблемам развития Кузбасса.

По должности заведующего орготдела я раза по три-четыре в день встречался с Афанасием Федоровичем, ведь все кадровые вопросы шли через мой отдел. Помню, как он меня воспитывал:

— Василий Иванович, ошибку инженера можно исправить, а ошибись мы с тобой в кадрах, это

дорого обойдется государству. Войдет в обойму, потом трудно будет его посадить на свое место.

Министр угольной промышленности Борис Федорович Братченко тоже мудро высказался:

— Привезу я нового директора шахты, через год он или ее поднимет, или опустит до своего уровня.

Такая степень взыскательности к кадрам требовала от меня самой тщательной проработки каждой кандидатуры. Особенно привлекателя меня в Афанасии Федоровиче обстоятельство, неспешность изучения кадров.

Другой его отличительной чертой было умение выдвигать молодых, активных, толковых людей, работающих с большой отдачей. Помню, приехал он с завода «Прогресс», где познакомился с директором Владимиром Владимировичем Листовым:

— Василий Иванович, поизучай-ка этого директора, уж очень он мне понравился. Молодой, энергичный, въедливый парень, мне показалось, талантлив. Возьми его в резерв, может быть, в нем в ближайшее время появится нужда.

Вскоре возник вопрос о кандидатуре на должность первого секретаря Кемеровского горкома партии. Ештокин попросил вызвать Листова.

Я возразил:

— Афанасий Федорович, нельзя этого делать. У него партийный стаж всего два года, а для секретаря горкома требуется не менее трех лет.

— Ничего, вызывай. — Пришлось подчиниться.

На предложение Афанасия Федоровича поработать первым секретарем горкома Листов упорно отказывался:

— Во-первых, у меня нет опыта партийной работы, во-вторых, я совершенно не вижу себя в этом качестве.

— Ничего, жизнь сама тебя наставит, пройдешь практику... — Я за свое:

— Афанасий Федорович, нельзя его избирать первым секретарем горкома, у него нет даже трех лет партийного стажа.

— Перестань, Василий...

Бюро обкома приняло решение рекомендовать Листова. На пленуме горкома состоялось избрание. Документы на утверждение отправили в Москву. Прошло несколько дней. Мне звонит заместитель заведующего орготдела ЦК Воронов:

— Василий Иванович, ты же глаза и уши Центрального комитета. Почему Листова избрали первым секретарем Кемеровского горкома партии? У него же партийного стажа не хватает. Как ты мог допустить такую грубейшую ошибку?

Я же не мог сказать, что на этом настоял первый секретарь обкома партии. Говорю:

— Виноват, исправлюсь, недосмотрел.

— Такие ошибки непростительны, ты не должен допускать нарушения Устава.

Я получил очень серьезное взыскание.

Конечно, поначалу Владимиру Владимировичу было трудно, ведь он возглавил горком, не имея опыта работы даже в первичной партийной организации. Но талант организатора взял свое. Затем он был выдвинут в министерство химической промышленности, потом в ЦК заведующим отдела химии, затем возглавил министерство химической промышленности СССР.

Помню такой случай. Я занимался вопросом подбора кандидатуры первого секретаря Куйбышевского райкома партии Новокузнецка. Изучил резерв. Мое внимание привлек Николай Спиридонович Ермаков, начальник крупного шахтостроительного управления. Он находился на заметке и в горкоме партии. Я остановился на нем.

Прежде, чем принять серьезное кадровое решение, Афанасий Федорович неизменно лично интересовался мнением о намеченной кандидатуре у максимально возможного количества людей. При этом он никогда не довольствовался односторонними характеристиками, считая их поверхностными. Выслушав меня и следуя своему

принципу, он обзвонил человек восемьдесят, знавших Н.С. Ермакова по совместной работе.

— Что вы можете сказать о нем положительного? — Ему рассказывают, какой он обстоятельный, вдумчивый...

— А как насчет недостатков? Только откровенно.

— Да вроде никаких, хороший парень...

— Людей без недостатков не бывает. Скажите, склонен ли он принимать скоропалительные решения, может быть он груб, невыдержан? И т.д.

Только взвесив все «за и против», он пригласил меня:

— Люди высказываются о Ермакове положительно, но есть у него и недостатки. Бывает высокомерен, не всегда способен терпеливо выслушать человека. Езжай, беседуй с ним.

Я выехал в Новокузнецк, пригласил его в горком, беседую с ним, он говорит:

— Нет, я не могу дать согласия, у меня нет опыта, к тому же у меня в семье сложное положение, больна дочь...

— Это дело поправимое. — Побеседовали в горкоме, потом пригласили его в обком партии. Он приехал в обком.

— Что решили, Николай Спиридонович?

— Я не могу дать согласия. У меня очень больна дочь...

Я вызывал заведующего финансово-хозяйственным отделом А.А. Иванова:

— Александр Алексеевич, поможем подлечить дочь Николая Спиридоновича?

— Нет вопросов, путевку дадим куда надо, поедет с матерью. Понадобится консультация — сделаем без проблем в цеховской больнице.

Привожу я его к Афанасию Федоровичу:

— Ну, какое приняли решение?

— Спросите у Василия Ивановича.

— Я ведь вас спрашиваю, а не Василия Ивановича.

— Он мне объяснил, как нужно относиться к предложению обкома...

Мы не ошиблись в нем. Его избрали секретарем Куйбышевского райкома партии, потом вторым секретарем, затем первым секретарем Новокузнецкого горкома партии, потом секретарем обкома, был приглашен замзавотдела тяжелой промышленности ЦК, вернулся в Кемерово, был избран первым секретарем обкома партии. На всех постах он проявил себя незаурядным партийным руководителем. К сожалению, страшная болезнь рак преждевременно унесла его из жизни.

Можно было бы привести много примеров выдвижения молодых, способных руководителей, ко-

торые проявили себя как хорошие организаторы. Во многом благодаря этому качеству Афанасия Федоровича область стала расти, как на дрожжах.

***

В мае 1963 года я был утвержден заведующим орготдела промышленного обкома партии. Тогда обкомы были разделены на промышленный и сельский. Промышленный обком возглавил А.Ф. Ештокин, сельский — Л.И. Лубенников. При двух первых руководителях в партаппарате начались трения, сложности. Угодить сразу обоим первым секретарям было делом непростым. Надо было проявлять гибкость. Этим качеством в полной мере обладал заведующий финансово-хозяйственным отделом (одним на два обкома) А.А. Иванов. Он как никто другой сумел расположить к себе и Лубенникова, и Ештокина. Мы удивлялись его способности в сложнейшей обстановке находить правильные решения и притом никого не обидеть.

После смещения Н.С. Хрущева состоялось постановление Центрального Комитета об объединении обкомов. Оргкомитет по объединению возглавил Л.И. Лубенников, его первым заместителем стал А.Ф. Ештокин.

В Кемерово приехал уполномоченный ЦК Егор Кузьмич Лигачев, работавший тогда заместите-

лем заведующего орготдела ЦК. Первого пригласил меня.

— Василий Иванович, секретариат ЦК рекомендует вас на должность заведующего орготдела объединенного обкома.

До разделения обкомов эту должность занимал Илья Федорович Копылов. В сельском обкоме он работал секретарем по пропаганде и агитации. Сознавая такое положение, я говорю:

— Егор Кузьмич, может быть, лучше будет утвердить И.Ф. Копылова? Он долгое время работал в этой должности, а я готов возглавить отдел школ и вузов. — Он посмотрел на меня с таким характерным прищуром, и говорит:

— Ты разве не слышал, что я тебе сказал?

— Я высказал свое мнение.

— Не морочь мне голову, заканчивай свои предложения и размышления. Лучше садись рядом, займемся делом.

В короткое время мы с ним укомплектовали аппарат.

Так состоялось мое знакомство с Егором Кузьмичом Лигачевым.

***

Подготовленные кадровые предложения необходимо было утвердить на секретариате ЦК.

Существовало два варианта состава аппарата объединенного обкома. Один подготовил А.Ф. Ештокин, другой принадлежал Л.И. Лубенникову. И здесь мне пришлось выступить «слугой двух господ».

Я приехал в ЦК, прошелся по всем отделам, согласовал оба варианта. А.Ф. Ештокину доложил, что согласовал его вариант, Л.И. Лубенникову — его. Приезжает в Москву Л.И. Лубенников. Я его встретил и доложил о том, что все предложения по объединенному обкому партии прошли согласование. Он как-то рассеянно выслушал меня:

— Хорошо, держи со мной связь.

Прошло два дня. Лубенников не появляется. Проходит три дня. Лубенникова по-прежнему нет. Я забеспокоился. Встретил его, кажется, на четвертый день. Оказывается, ему предложили подходящую должность в Москве и он дал согласие. Идти на секретариат Лубенников отказался наотрез. Теперь по всем вопросам мне предстояло информировать одного Ештокина. В орготделе ЦК мне посоветовали идти с председателем облисполкома П.В. Гузенко, который находился в московской командировке. Я разыскал Парфентия Васильевича, обрисовал ему ситуацию. Тот страшно разволновался.

— Что я буду докладывать? Я же не в курсе дела, — говорил он мне.

В орготделе ЦК решили так: докладывать буду я, а Гузенко будет просто присутствовать. Мы так и сделали.

Я доложил вариант Афанасия Федоровича. В отличие от докладчиков из других областей, выступавших на секретариате по три-четыре раза из-за несогласованности, наши предложения прошли без сучка и задоринки. Когда Ештокин узнал об этом от меня, он воскликнул:

— Наконец-то правда восторжествовала!

Коллеги потом в шутку поздравляли меня со сдачей экзамена на аттестат политической зрелости.

***

Еще несколько слов об Л.И. Лубенникове. В характере его была одна черта, которая мне всегда импонировала. Он терпеть не мог наушничества. Закончился как-то пленум обкома партии. Чтобы снять сильное напряжение и усталость коллеги решили поужинать в ресторане «Сибирь», как у нас тогда говорили — «на каторге». За ужином немного выпили, поговорили по душам, короче говоря, отдохнули. Об этом тут же донесли Лубенникову:

— Леонид Игнатьевич, вчера после пленума первые секретари горкомов и райкомов собрались в «Сибири», выпивали...

— За чужой счет?

— Сами расплачивались.

— Нарушали порядок, вели себя непристойно?

— Да нет, все было нормально. — Он возмутился.

— Зачем же вы тогда пришли ко мне с такой информацией? Чтобы я больше такого не слышал!

Конечно, нам стало известно об этом доносе. К сожалению, такие случаи были нередки. Прошло немного времени. Решили мы от греха подальше поехать на природу. Взяли спиртного, закуски. Недалеко от Крапивино свернули на берег Томи. Только расположились на травке, к нам подъезжает сам Лубенников с заведующим финансовым отделом:

— Ребята, вы что, решили теперь отдыхать на лоне природы? — Я говорю:

— Леонид Игнатьевич, от вашего глаза никуда не скроешься...

Он рассмеялся. Предложили ему выпить с нами по рюмочке.

— Почему бы и нет?

Потом еще по парочке. Хорошо посидели, поговорили. На этом все закончилось. Он поехал по делам в Новокузнецк, а мы вернулись домой.

О Лубенникове у меня сохранились самые добрые воспоминания. Однако гораздо более глубоким, обстоятельным человеком и руководителем был Афанасий Федорович Ештокин. Тут я ничего не могу сказать.

***

Возвращаюсь к стилю и методам работы Афанасия Федоровича. Мудрость его, порой, казалась мне беспредельной. Кажется, на второй год работы он предложил мне принять участие в партконференции Кузнецкого металлургического комбината, одной из самых крупных парторганизаций Кузбасса. Коммунисты там боевые, взыскательные, признавали далеко не всех.

— Выдержишь этот экзамен — перед тобой откроется будущее.

Я приехал на КМК. Доложил в горкоме партии, сел вместе с секретарем парткома Б.И. Окушко, прочитал отчетный доклад и в соответствии с прежней наукой, которую мне когда-то преподали А.А. Иванов и В.И. Карпов, попросил переделать его. Б.И. Окушко воспринял мою просьбу, мягко сказать, без восторга, но потом согласился. Доклад получился приличный, коммунисты его оценили. Конференция прошла на хорошем уровне. Я удачно выступил *. А.Ф. Ештокину доложили, что экзамен я выдержал успешно.

Так поступал Афанасий Федорович, когда надо было проверить человека не на словах, а на деле, в работе.

***

Еще несколько слов вдогонку о Леониде Игнатьевиче Лубенникове. Он существенно отличался от своего предшественника Степана Марковича Пелипца. Тот брал решение всех, даже мелких вопросов на себя. Никому из секретарей и работников аппарата не позволялось звонить в ЦК и обсуждать там свои вопросы. Он полагал, что на это имеет право только первый секретарь.

Л.И. Лубенников практиковал совершенно другой подход. Он заявлял:

— Чем больше вы решите вопросов в Москве самостоятельно, тем меньше проблем останется решать мне. Если нужно, используйте меня только в качестве тяжелой артиллерии.

Поэтому с его приходом стиль руководства аппаратом резко изменился.

Л.И. Лубенников стал первым секретарем после крупной аварии на Кузнецком металлургическом комбинате. Тогда сменился почти весь секретариат. Вторым секретарем обкома стал Владимир Иванович Залужный, секретарем по идеологии — Евгений Изотович Разумов, секретарем по сельскому хозяйству — П.В. Гузенко.

Когда они вместе появлялись где-нибудь в президиуме, сразу чувствовалось, люди крепкие, солидные, положению и опыту.

С В.И. Залужным я был знаком еще по работе в комитете комсомола горного техникума. Он был первым секретарем обкома комсомола. Степенный, мудрый, справедливый мужик, совершенно неспособный обидеть человека.

***

Как человек и руководитель Афанасий Федорович обладал многими замечательными качествами. Мне он всегда импонировал тем, что всячески поощрял личную инициативу. Чем больше вы решите вопросов самостоятельно, — постоянно повторял он, — через ЦК, министерства, главки, тем меньше оставите проблем мне. Важнейшие проблемы я беру на себя. Остальное — ваше, будьте самостоятельны, изобретательны, рискуйте при определенных обстоятельствах, а я найду возможность и поддержать вас, и, если понадобится, защитить. Никому не давая в обиду свои кадры, он сам спрашивал со всей строгостью, беспощадно карал лень, безответственность, нарушение партийной и государственной дисциплины, не взирая на прошлые заслуги.

Такая взыскательность в сочетании с заботливым отношением к людям позволяла полнее раскрывать им свои способности.

Еще одна интересная черта Афанасия Федоровича, которую я старался использовать в работе. Сам основательно готовясь к московским командировкам, он и всех приучал к этому. Кто бы ни ехал в Москву для решения каких-то вопросов, он обязательно требовал их самой тщательной проработки. Перед его поездками на пленум ЦК или сессию Верховного Совета, все заведующие отделов работали над подготовкой документов для совмина, Госплана, Госснаба, министерств и т.д. На основе этих документов он составлял план своей командировки. Помощник вел реестр поручений по этим письмам. По возвращении из Москвы Афанасий Федорович докладывал на бюро обкома, у кого был, какие вопросы поставил, получил ли поддержку, кому поручено исполнение и кому контролировать прохождение дел по инстанциям. Ото всех, начиная с председателя облисполкома, секретарей обкома, заведующих отделами он требовал соблюдения такого порядка. Что особенно примечательно: он приучил решать свои вопросы в Москве и первых секретарей горкомов, райкомов партии.

Будучи чрезвычайно взыскательным к себе, он требовал дисциплины и порядка среди аппарата. Никаких послаблений он не терпел. Пока Афана-

сий Федорович находился у себя в кабинете, никто из заведующих отделов не имел права уйти с работы. Мы покидали свои рабочие места только когда он уходил домой. Но такое случалось не ранее девяти часов вечера. Так было заведено.

Помню один интересный случай. Улетал в отпуск второй секретарь обкома Василий Сергеевич Евсеев. Мы с заведующим угольным отделом Е.И. Юловым проводили его. Возвратились из аэропорта в город, я поехал в обком, а Юлов решил завернуть домой, поскольку рабочий день уже закончился. Только я вошел в свой кабинет, раздается звонок секретарши:

— Василий Иванович, вас Афанасий Федорович разыскивал, зайдите к нему. — Захожу.

— Где был?

— Афанасий Федорович, мы с Юловым съездили в аэропорт проводить в отпуск Василия Сергеевича Евсеева.

— А почему вы не поставили меня в известность?

— Я считал неудобным беспокоить вас по такому поводу.

— Нет, ты лучше бы меня побеспокоил.

— Афанасий Федорович, прошу меня извинить, больше этого никогда не повторится.

С тех пор я никогда не позволял себе ничего подобного. Если мне надо было отлучиться по де-

лам, я звонил Афанасию Федоровичу и просил на это разрешение.

Выйдя от Ештокина, я сразу позвонил Юлову:

— Слушай, тебя шеф искал, быстро в обком. — Он приезжает и сталкивается с Афанасием Федоровичем на лестнице...

— Афанасий Федорович, вы меня искали? — спрашивает Юлов.

— Кто тебя искал? Я? Много чести для тебя...

Юлов ко мне:

— Василий Иванович, дай бумагу, пишу заявление об увольнении. Ештокин мне сейчас такого наговорил...

— Да не пори ты горячку! — говорю я ему. — Человек он отходчивый. Завтра утречком пораньше зайдешь к нему, извинишься, он все поймет. — Пересказал ему свой разговор с Афанасием Федоровичем. Он немного успокоился.

Утром он забежал в буфет за сигаретами, задержался в очереди, а в это время Ештокин опять его искал. Столкнулись они опять где-то на лестничной клетке.

— Я же тебе сказал: видеть тебя не хочу! — И снова его отчитал по полной программе. Тот снова приходит ко мне и говорит:

— Всё, пишу заявление, оставляю его у тебя, занесешь куда надо.

— Да не горячись ты, подожди...

Вернулся Афанасий Федорович. Я говорю:

— Теперь иди.

Думаю, тот разговор с Афанасием Федоровичем Юлов запомнил надолго. Вышел он от него красный, как рак.

***

По субботам Афанасий Федорович приходил на работу часам к десяти. В полдень или ближе к обеду у меня раздавался звонок:

— Василий Иванович, пойдем-ка, сходим на рынок. — Идем по рынку. Он просит меня:

— Узнай, пожалуйста, почему торгуют мясом, говядиной, свининой, бараниной.

— Посмотри, почему яблоки, картофель, овощи... Теперь пойдем по магазинам, посмотрим, чем там торгуют.

За время работы Афанасия Федоровича снабжение Кузбасса продовольствием поднялось на порядок. Он жестко требовал, чтобы овощи и фрукты всегда лежали на городских прилавках в полном ассортименте круглый год. Это по его настоянию в крупных городах были построены современные хранилища. Осенью целая делегация Кузбасса во главе с первым заместителем председателя облисполкома Н.Я. Мирошничен-

ко, курировавшим торговлю, выезжала в южные республики — Киргизию, Казахстан, Молдавию, на Украину, заключать договоры на поставку фруктов и овощей.

Однажды я оказался случайным свидетелем разговора Афанасия Федоровича. Вхожу в кабинет, смотрю, он разговаривает по ВЧ. Только я собрался притворить за собой двери, он мне вслед машет рукой:

— Василий Иванович, останься! — Я вернулся. Он с кем-то разговаривал, причем, в довольно повышенным тоном:

— ... даже в годы войны Кузбасс находился на особом положении. Даже тогда не допускались таких перебоев! Прошло столько лет, а мы до сих пор не можем шахтерам даже на тормосок выдать колбасы, сала, мяса, дать им полноценное питание, ведь у них тяжелейший труд. Как можно доводить до такого состояния индустриальный Кузбасс! Я не понимаю такого отношения ЦК. Это возмутительно! Новосибирский и Омский обкомы, Алтайский крайком допускают вольности, задерживают поставки мясомолочных продуктов...

Когда он положил трубку, я спросил, с кем он разговаривал.

— С товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. — Ничего себе, думаю.

— Афанасий Федорович, как же так с Генеральным секретарем можно разговаривать?

— Василий Иванович, а как еще прикажешь разговаривать? Я же не для себя прошу, для Кузбасса.

Действительно, интересы Кузбасса вошли в его плоть и кровь, он никому не позволял к ним относиться с вольностью. В этом отношении он был непреклонен.

Я помню, приехал на шахту министр угольной промышленности Борис Федорович Братченко. Шахтеры стали высказывать справедливые претензии по снабжению. Выступая перед ними, он начал выворачивать карманы:

— Видите — пустые карманы! Для вас у меня нет ничего. Все до копейки распределили Госплан с Госснабом.

— А зачем ты тогда сюда приехал? — говорят шахтеры, — с пустыми карманами нечего у нас делать.

По возвращении у Афанасия Федоровича состоялась неллицеприятная беседа. Б.Ф. Братченко ему стал жаловаться: на встрече с шахтерами Леонид Александрович подставил меня основательно.

— А что случилось? — Горшков рассказал о заявлении Бориса Федоровича, которое вызвало у шахтеров естественное возмущение.

Афанасий Федорович поддержал Леонида Александровича:

— Борис Федорович, ты, конечно, министр, но с пустыми карманами к нам лучше не приезжай, мы и без тебя здесь разберемся, как больше добывать угля. Если у тебя нет поддержки в правительстве, Госплане, Госснабе, зачем тебе тогда возглавлять министерство?

Афанасий Федорович не стеснялся в этих делах. Интересы Кузбасса он готов был отстаивать насмерть.

По долгу службы мне не раз приходилось беседовать со многими министрами и все они без исключения с огромным уважением относились к Афанасию Федоровичу. На встречах с ним они всегда информировали его о цели и программе своего посещения Кузбасса, перед отъездом — докладывали о принятых ими решениях, о том, кому и какая будет оказана помощь, за чем следует проследить, как организовать ту или иную работу.

Не случайно Кузбасс при Афанасии Федоровиче был дважды награжден орденами Ленина.

Особое внимание Афанасий Федорович уделял развитию сельского хозяйства. Он неоднократно заявлял, что надеяться на соседей дело неблагодарное. Надо самим увеличивать производство мяса, молока, овощей, картофеля и т.д. Была разработана программа строительства на

селе. При Афанасии Федоровиче были пущены в строй крупные свинокомплексы в Новокузнецке, других городах, построены животноводческие помещения. Особое внимание стало уделяться кормовой базе. Существовала четкая программа, сколько надо заготавливать сена, силоса, комбикормов. Все это держалось под особым контролем. Начало расти поголовье скота, увеличиваться надои молока, привесы крупного рогатого скота. Увеличилось производство овощей. Были ежегодные объезды по районам, что должно быть построено в каждом хозяйстве, районе, сколько должно быть построено жилья, какие животноводческие помещения, зерноточка, машинно-тракторные помещения.

Причем от района всегда присутствовали первый секретарь райкома, председатель райисполкома, руководители колхозов, совхозов, заведующий сельхозотдела, секретарь обкома по селу, обязательно шефов приглашали. Расписывалась четкая программа строительства на год. Через полгода подводились итоги. Второй объезд. Через год подводились итоги: что сделано за год, что намечается, какую помощь надо оказать другими материалами. С этими вопросами ездили в центр, добивались их разрешения.

За время работы Афанасия Федоровича сельское хозяйство области зримо изменилось. Доля области в производстве и снабжении трудящихся

ся мясомолочными и другими продуктами резко возросла. О торговле фруктами я уже говорил.

На посту второго секретаря и мне довелось внести свой скромный вклад в улучшение питания кузбассовцев.

Первый секретарь обкома Л.А. Горшков направил меня в Молдавию для заключения договоров на поставку и отгрузку овощей и фруктов в Кузбасс.

Я приехал в Кишинев и сразу попросился на прием к первому секретарю ЦК компартии Молдавии С.К. Гроссу. На встрече я ему заявил сходу:

— Вы должны отправлять овощи и фрукты в первую очередь в Кузбасс. — Он удивился:

— Вот как? А почему вы так настойчиво разговор ведете?

— Потому что я выращиваю «морозостойких» молдаван.

— Как это понимать?

— Мой старший сын женат на молдаванке. Невестка закончила Московский технологический институт, защитила диссертацию, была направлена в Кемерово. Вышла замуж.

внучка и внук родились в Сибири, вот мне и приходится выращивать «морозостойких» молдаван. — Он улыбнулся:

— Занимаетесь растаскиванием наших национальных кадров?

— При чем здесь я? Это центр помог Кузбассу...

— Раз так, делать нечего. — Посмеялись...

Смех смехом, а помощнику было дано поручение предупредить районное руководство благожелательно отнестись к нуждам Кузбасса. За мной закрепили автомобиль, чтобы я смог на местах проследить, как будет организована отгрузка. В тот год из Молдавии в Кузбасс поступило такое количество фруктов, как ни в один другой.

По возвращении из Молдавии Л.А. Горшков мне сказал:

— Раз у тебя такие родственные связи, будешь ездить туда каждый год.

Кстати, родители моей невестки жили в Единецком районе, потом они переехали в Кишинев. В Кишиневе также живет еще сестра моей жены, племянница... Так что у нас действительно крепкие родственные связи.

Я уже отмечал, что особенностью работы Афанасия Федоровича была активная защита отстаивание интересов Кузбасса на всех уровнях. Я помню один случай, который поразил меня. Наша футбольная команда «Кузбасс» играла в первой лиге. Спортивный сезон не сложился, команда бесконечно проигрывала и в результате выбыла

из первой лиги. Афанасий Федорович пригласил меня, я уже в то время работал председателем совпрофа, и второго секретаря обкома партии Л.А. Горшкова, и устроил такой разнос, что **.

Афанасий Федорович обладал поразительным чутьем вычленять актуальные проблемы, которые надо решать в области. Тщательно велась проработка и принятие решений с учетом мнений специалистов, научных кадров. Особое внимание уделялось социальному развитию области. В то время в Кузбассе существовала большая проблема с трудоустройством женщин. Потому что женщин вывели из шахт. Кузбасс представляет угольную промышленность, металлургию, химическую промышленность, где женский труд ограничен. Вот почему перед Кузбассом встала проблема развития легкой, пищевой, обрабатывающей промышленности. Тогда и были приняты решения о строительстве в Прокопьевске швейной фабрики и фарфорового завода, в Кемерово — комбината по производству шелковых тканей, ряда предприятий в Белово, Киселевске, Осинниках и других городах области. Все это позволило в Кузбассе смягчить крупную социальную проблему.

Меня всегда подкупала потребность Афанасия Федоровича советоваться с учеными. У нас неоднократно проводились научно-практические конференции с участием видных ученых страны. В

поисках разрешения социально-экономических проблем Кузбасса, в разработке комплексных программ перспективного развития отраслей экономики области нам активно помогал академик А.Г. Аганбегян, другие ученые Сибирского Отделения Академии наук,

Безусловно, в центре внимания Афанасия Федоровича всегда находилось угольная промышленность. Наряду с этим он уделял большое внимание развитию металлургии. При нем был введен в строй Западно-Сибирский металлургический завод. А сколько новых производств появилось в химической отрасли, машиностроении, стройиндустрии! Наряду с этим в поле его зрения всегда входило развитие науки и высших учебных заведений. При его активном участии в Кемерово был открыт Технологический институт пищевой промышленности, дальнейшее развитие получили Кузбасский политехнический и Кемеровский педагогический институты (с 1973 г. — госуниверситет), Сибирский металлургический институт в Новокузнецке, другие вузы.

Несомненно, этот человек работал на большую перспективу.

РАБОТА В КЕМЕРОВСКОМ ОБЛСОВПРОФЕ

В 1967 году председатель Кемеровского облсовпрофа перешел на работу в ВЦСПС. Встал вопрос о новом председателе. Я был членом Президиума облсовпрофа. У меня появились хорошие шансы занять эту должность.

Но шло время, а ситуация так и оставалась неопределенной. Муссировались слухи о том, что возоблагодало мнение избрать главой профсоюзов человека, имевшего опыт работы на производстве. Такого опыта у меня не было.

Как-то за ужином я поделился своими мыслями по этому поводу с инструктором орготдела ЦК Степаном Васильевичем Карнауховым, который находился в Кемерово в командировке. Очевидно, сказал я ему, отсутствие производственного стажа становится для меня непреодолимым препятствием в продвижении по службе. Он удивился и пообещал уладить этот вопрос в ЦК.

Прошло еще немного времени. В один из вечеров у меня в кабинете раздался звонок Афанасия Федоровича. Я зашел к нему.

— Тебя срочно вызывают в Центральный Комитет, надо лететь.

— Афанасий Федорович, время позднее, у меня нет ни билета, ни денег на командировку.

— Иванов все обеспечит. Открою тебе секрет. Тебе будут предлагать должность инструктора орготдела. Я вот что думаю. В ЦК ты еще успеешь поработать, а я тебе предлагаю другое. Мы на бюро советовались и решили рекомендовать тебя председателем областного совета профсоюзов. Я очень тебя прошу принять это предложение.

Утром я улетел в Москву. Меня принял заведующий сектором орготдела ЦК Леонид Федорович Пузанов. Он действительно предложил мне должность инструктора орготдела ЦК, но заметил, что Афанасий Федорович настоятельно просил оставить меня в области.

— Вы не торопитесь, подумайте, а завтра сообщите ваше решение.

Вышел я от него, думаю, надо с кем-нибудь посоветоваться. Решил зайти к старому знакомому В.И. Залужному. Он работал первым заместителем председателя Комитета народного контроля.

— Конечно, сейчас посоветуемся, — сказал мне Владимир Иванович, соединяясь по вертушке с А.Н. Шелепиным:

— Александр Николаевич, у меня на беседе находится Василий Иванович Ситников из Кемерова, я его хорошо знаю еще по комсомолу, — начал он. Подробно рассказав обо мне, он спросил:

— Как вы полагаете, на чем ему следует сделать выбор, на должности инструктора орготдела ЦК или председателстве в Областном совете профсоюзов?...

Разговор закончился, Владимир Иванович сказал мне:

— Шелепин хотел бы с тобой встретиться. Я тебе сейчас дам машину, поезжай.

Подъехал к зданию ВЦСПС на Ленинском проспекте. Раньше я в нем ни разу не был. Помощник встретил меня, проводил в кабинет А.Н. Шелепина. Там находились секретари ВЦСПС. Александр Николаевич обратился ко мне:

— Василий Иванович, мне известно мнение насчет тебя Афанасия Федоровича. И совет я тебе дам такой — поработать председателем облсовпрофа. — Он повернулся к секретарю ВЦСПС В.И. Прохорову:

— Через неделю открывается съезд профсоюзов. Пожалуйста, выпиши ему пригласительный билет. — Я говорю:

— Александр Николаевич, мне ничего не надо выписывать, я избран делегатом на съезд как член президиума облсовпрофа.

— Тогда и этот вопрос решен. Я потом Афанасия Федоровича проинформирую о твоём решении. Пока у тебя есть время до съезда, походи по отделам, познакомься с заведующими, секретарями...

рями ВЦСПС, в общем не теряйся. Поучаствуешь в работе съезда, вернешься в Кемерово, на пленуме облсовпрофа тебя изберут председателем и — сразу на трибуну с докладом об итогах съезда и задачах областной профсоюзной организации.

Все произошло по сценарию Шелепина. По возвращению домой меня избрали председателем областного совета профсоюзов. Я выступил с докладом об итогах съезда и задачах областной профсоюзной организации.

Так началась моя деятельность в облсовпрофе.

Первым делом я организовал встречу со всеми заведующими отделов облсовпрофа. Затем встретился с председателями и секретарями отраслевых профсоюзов области, председателями горкомов профсоюзов на местах, посетил некоторые крупные профсоюзные и первичные организации. Все эти встречи позволили мне уяснить проблемы и задачи, которые предстояло решать в самое ближайшее время. Постепенно я определился с основным направлением моей новой работы.

За время работы в облсовпрофе у нас появилось много хороших начинаний. Одним из них было движение за экономию материально-технических ресурсов.

На Президиуме областного совета профсоюзов я выступил с предложением развернуть сорев-

нование за экономию материально-технических ресурсов. Суть его заключалась в следующем. На каждого рабочего, каждую бригаду, смену, цех и в целом на предприятие заводятся лицевые счета с указанием нормы расхода, фактических расходов, плюс-минус перерасход или экономия. За экономию полагается доплата, за перерасход (условно) — вычеты из зарплаты. Пленум облсовпрофа и бюро обкома партии поддержали эту инициативу.

Развернулась большая, кропотливая работа. Соревнование приняло широкий размах и прямо на глазах стало приносить свои плоды. Опыт и результаты его находили широкое освещение в средствах массовой информации. Наше движение заметили в Москве. На заседании секретариата ВЦСПС было принято решение представить материалы соревнования в Кузбассе на ВДНХ. В павильоне «Труд» была организована выставка, на которой демонстрировались наши начинания, раскрывалась борьба за экономию и бережливость материально-технических ресурсов.

Выставку открывал секретарь ВЦСПС И.М. Владыченко. На открытие приехало все руководство области. На базе нашей выставки в течение месяца работал всесоюзный семинар по обмену опытом организации соревнования. Выставка и семинар вызвали большой интерес и прошли с успехом. О нас писали в газетх. Решением правления ВДНХ Кузбасс был награжден золотой ме-

далью ВДНХ. За активное участие в этом деле меня также наградили золотой медалью. На следующий год на ВДНХ наша выставка состоялась вновь, продолжил работу семинар. Кемеровская область второй раз была награждена золотой медалью ВДНХ. Я тоже получил вторую медаль.

***

Во время моего председательства облсовпроф проводил широкую организаторскую работу по многим направлениям — обеспечение здоровых и безопасных условий труда, строительство и распределения жилья, подготовка летнего отдыха детей в пионерских лагерях, детские сады и многое другое. Сейчас трудно представить, какими правами и возможностями располагали советские профсоюзы. Взять хотя бы тот факт, что без согласия профсоюзной организации нельзя было не уволить, ни наказать, ни поощрить работника.

Помнится, после моей поездки в Западную Германию была достигнута договоренность о проведении международного семинара по проблемам обеспечения прав рабочих на социалистических и капиталистических предприятиях. Из ФРГ в шахтерский Междуреченск прибыла представительная делегация от молодежной фракции Свободных немецких профсоюзов. На семинаре между нами развернулась весьма острая дискуссия. Немцам все было в дико-

винку. Ничего подобного своими глазами им еще не приходилось видеть. О многом из повседневной трудовой жизни наших рабочих и деятельности наших профсоюзов они имели или совершенно искаженные представления, или вообще не имели понятия. Мне хорошо запомнились лица молодых немцев, на которых заметно отражалось искреннее удивление теми реальными полномочиями и правами, какими располагали советские профсоюзы.

Нынешние профсоюзы абсолютно бесправны. Я даже в мыслях не мог себе представить, чтобы рабочим или служащим на два-три дня задержали зарплату. А что делается в наши дни? О каких защитных функциях профсоюзов можно говорить?! Это просто издевательство. Проезжая в подмосковное Мусино, где у меня домик, я видел пионерские лагеря, где жизнь была ключом. А сейчас там все разграблено, разрушено, находится в запустении...

***

В первый год моей работы в облсовпрофе я занялся изучением вопроса: на какое время года большей частью и в каком количестве выделяются профсоюзные путевки трудящимся Кузбасса? Выяснилось, что сибирякам почему-то все время доставалась зима, в то время как Донбассу путевки выделялись преимущественно на летнее время. По количеству путевок соотношение было

также далеко не в нашу пользу. Я посчитал это несправедливым. Эту проблему я поднял в отделе социального страхования ВЦСПС. С мной не согласились, заявив, что и по количеству, и по срокам путевки всем выделяются равномерно. Пришлось идти на прием к секретарю ВЦСПС. У него удалось кое-что поправить, но принципиально вопрос не был разрешен. Спустя время, я пригласил заведующего сектором социального страхования ВЦСПС в Кузбасс. Приехали мы с ним в Прокопьевск, спустились в шахту на крутое падение. Через пять минут с него пот потек градом.

— Василий Иванович, не убеждайте больше меня... — Почувствовал на себе, каков он, шахтерский труд.

Мы побывали у металлургов, он увидел, в каких условиях работают доменщики, прокатчики; посетили предприятия химической промышленности. Вот тогда он понял, что такое рабочий класс Кузбасса. На следующий год отношение к нам резко изменилось. Нам выделили чуть не вдвое больше путевок на санаторно-курортное лечение в весенне-летнее время.

Так мы защищали права наших трудящихся.

***

Значительное внимание я уделял развитию сети профсоюзных здравниц Кузбасса. По за-

данию облсовпрофа геологи провели изыскания месторождения минеральных источников на Терзинке. Экспертиза Всесоюзного института курортологии показала, что по своим целебным свойствам вода из этих источников не уступает знаменитой «Боржоми». Зачем же ехать за тридевять земель, когда под боком имеется богатый источник? Так возник замысел построить на Терзинке санаторий. Впоследствии аналогичный санаторий минвод был построен и в с. Борисово (Крапивинский район).

***

Кемеровский стадион «Химик», построенный еще в 1950-е годы, к середине 1970-х находился в беспризорном состоянии и имел довольно примитивный вид, часто выходило из строя освещение. В то же время кузбасский хоккей с мячом и футбол находились тогда на подъеме. На матчи чемпионата страны собиралось огромное число болельщиков, значительно превышавшее количество посадочных мест на трибунах. Как ярому болельщику мне было ясно, что стадион необходимо расширять, реконструировать, приводить в должный порядок. Перед проектировщиками была поставлена задача запроектировать современный стадион на 25—30 тысяч мест.

Когда проект был готов, я попросил Афанасия Федоровича собрать руководителей крупных

объединений и предприятий, и посоветоваться с ними на предмет долевого участия в реконструкции стадиона. На этом совещании все получили конкретные, расписанные по деталям и срокам, задания. Реконструкцию курировали мы вместе с Филиппом Васильевичем Поповым. Чтобы поставить себя в жесткие рамки, я договорился с председателем спорткомитета СССР о проведении в Кемерово международного турнира по хоккею с мячом на приз газеты «Советская Россия» с участием национальных сборных Норвегии, Швеции, Финляндии и Советского Союза.

До открытия турнира оставалось меньше года. Помимо строительства как такового нужно было установить и оборудовать мощные прожекторы, которые давали бы возможность транслировать матчи в цветном изображении, оснастить современной аппаратурой пресс-центр, места для теле- и радиокomentаторов, провести международные линии связи... Без большого преувеличения можно сказать, что на стадионе я дневал и ночевал. Не раз проходили субботники и воскресники с участием шефских коллективов предприятий, спортсменов, активно помогал в этом деле комсомол. Стадион получился великолепный. Зарубежные эксперты признали его отвечающим всем международным стандартам.

Турнир удался на славу. Это было яркое, красочное, незабываемое зрелище, свидетелями

которого кузбассовцы были впервые. В многочисленных интервью наши гости из Скандинавии неизменно подчеркивали не только высокий уровень организации турнира, но и обстановку сибирского радушия и гостеприимства, которая его сопровождала от начала до конца. Они впервые столкнулись с таким приемом за рубежом.

За участие в проведении реконструкции стадиона меня наградили грамотой и ценным подарком.

По сложившейся традиции в обязанности председателя облсовпрофа входила опека футбольных и хоккейных клубов. С хоккеем с мячом дела обстояли более или менее прилично, кемеровский «Кузбасс» неплохо выступал в высшей лиге чемпионата страны, находился в числе крепких середняков. В один из сезонов мы играли успешнее обычного, турнирная ситуация сложилась таким образом, что у нас впервые появился реальный шанс завоевать «бронзу». Все решалось в последнем матче на выезде с московским «Динамо»: в случае победы «Кузбасс» получал бронзовые медали. При ином результате медали доставались ульяновской «Волге». Я в это время оказался в московской командировке. Афанасий Федорович позвонил мне:

— Василий, обязательно сходи на хоккей, «поболей» за наших, привези «бронзу».

Я пришел «поболеть» на стадион «Динамо», наши играли здорово, даже московские болельщики стали нас поддерживать:

— Шахтеры, давай! Жми!

С большим трудом «Кузбасс» выиграл этот матч и стал бронзовым призером чемпионата. Моему ликованию не было предела!

После игры секретарь Ульяновского обкома партии, проходя мимо меня, бросил с обидой:

— Купили «бронзу»... — Я покраснел от возмущения:

— Да вы что! Побойтесь Бога!... Мы же еле-еле удержались.

С футболом было сложнее. Помню, когда «Кузбасс» не удержался в первой лиге и «вылетел» во вторую, Афанасий Федорович устроил нам с Л.А. Горшковым чудовищный разгон, я получил такое количество упреков, какого не получал от него никогда.

***

Работа в профсоюзах меня увлекла. Это была действительно самостоятельная сфера деятельности, формировавшая меня как руководителя. Профсоюзы обладали огромными средствами и

возможностями, но и ответственность у нас была огромная. Внимание к нашей областной профсоюзной организации со стороны ВЦСПС было весьма значительным.

Предстоял мой отчет на пленуме ВЦСПС по итогам соревнования за экономию и бережливость. По времени он совпадал с началом отпуска и я попросил Афанасия Федоровича разрешения вылететь в Москву с женой:

— Отчитаюсь на пленуме и вместе с ней поеду отдыхать на юг.

— Вполне разумно. Вернешься из отпуска, проведешь пленум, обсудите постановление пленума ВЦСПС.

Мы с женой прилетели в Москву. Я спросил в орготделе, нельзя ли ей поприсутствовать на пленуме во время моего отчета. Оказалось можно. Ей выписали пропуск, мы сели вместе во втором ряду. Отчитался председатель ЦК профсоюза работников химической промышленности, потом отчитался я. Ответил на все вопросы. Вслед за обсуждением докладов приняли проект постановления. После окончания пленума Александр Николаевич Шелепин попросил меня задержаться на денек и принять участие в доработке проекта.

Звоню Афанасию Федоровичу, рассказываю ему, как прошел мой отчет и что по просьбе Ше-

лепина участвую в доработке проекта решения пленума. Завтра вылетаю на юг.

— Нет, куда это ты вылетаешь? Оставляй жену в Москве, а сам возвращайся в Кемерово, отчитайся на бюро обкома и президиуме облсовпрофа. Потом и поедешь отдыхать с чистой совестью. Когда вернешься, проведешь пленум.

Не спорить же с первым секретарем! Вернулся я в Кемерово, рассказал о том, как прошел пленум ВЦСПС по отчету облсовпрофа. Только после этого Афанасий Федорович разрешил мне ехать в отпуск.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ГДР

Еще несколько эпизодов из воспоминаний о работе в областном совете профсоюзов.

В апреле 1970 года по решению Президиума ВЦСПС я возглавил делегацию советских профсоюзов на праздновании Первого мая в ГДР по приглашению Свободных немецких профсоюзов (СНП). Взаимообмены профсоюзными делегациями тогда очень широко практиковались.

Ожидались многочисленные встречи. Поэтому перед отъездом из Кемерово я запасся сувенирами и определенными продуктами, которые обычно рекомендовались для подобных поездок. ВЦСПС дополнительно по этому случаю выделили продукты и винно-водочные изделия.

28 апреля я прилетел в Москву. Познакомился с членами делегации. В ее состав входили Антонина Сергеевна Губанова, швея из Горького (сейчас Нижний Новгород), Герой социалистического труда, член Исполкома городского совета, и Герой социалистического труда, слесарь вагоностроительного завода из Полтавы.

Это была моя первая поездка за границу. Надо ли говорить, с каким волнением я летел в Берлин!

Конечно, все мои представления о нем в первую очередь были связаны с Великой Отечественной войной.

Когда я руководил орготделом Кемеровского обкома партии, моим заместителем был Николай Ефремович Вологдин. Года за два до этого его направили в Берлин слушателем Высшей партийной школы. Перед вылетом из Кемерова я ему позвонил и предложил встретиться меня в аэропорту.

Мы прилетели в Берлин 30 апреля. Пройдя в зал для почетных гостей, знакомясь с немецкими товарищами, я все волновался: где же Николай Ефремович? Наконец, я заметил его в толпе. Я попросил охрану пропустить его, он присоединился к нам и в качестве переводчика значительно упростил мое общение с немцами. Мы договорились с ним о встрече.

Нас поселили в пансионате под Берлином. Отношение к нам было в высшей степени предупредительным, мы были окружены исключительным вниманием.

Мы устроились, немного отдохнули. Потом была экскурсия по Берлину. Побывали на знаменитой телебашне, откуда осмотрели панораму города с высоты птичьего полета. Впечатляющая картина! Побывали у Бранденбургских ворот, поднялись на видовую площадку, посмотрели на Западный Берлин, как западноберлинские по-

граничники несут службу. Начальник погранза-
ставы провел нас в музей, где нам показали кино-
фильм о борьбе с западными контрабандистами.
Поздним вечером мы вернулись в гостиницу.

В номере я обнаружил приглашение на демон-
страцию и военный парад. Меня крайне удиви-
ло приглашение на центральную трибуну. Нахо-
диться на центральной трибуне вместе с членами
Политбюро СЕПГ! Какая честь! Члены нашей де-
легации были приглашены на гостевые трибуны.

Переводчица прихватила плед, термос, бу-
терброды. Мы подъехали рано, когда у трибуны
почти никого не было. Одним из первых приехал
Вальтер Ульбрихт с супругой — сублильной жен-
щиной в кожаной курточке. Переводчица пред-
ставила меня и мы обменялись поздравлениями.

Супруга Ульбрихта спросила меня:

— А откуда вы родом?

— Из Кемеровской области.

— А где это?

Такой вопрос меня не удивил. У нас и в Союзе
она была мало кому известна. Я ей разъяснил.
Она слышала только о Новосибирске, Алтае,
Томской области...

— А по времени у нас с вами какая разница?

— Шесть часов. Мы ложимся спать по-
берлинскому времени, а утром встаем по кеме-
ровскому, — пошутил я.

Обмениваемся с ними, они интересуются, как мы себя чувствуем. Подъехал Эрих Хонеккер с супругой. Переводчица меня представляет, я их поздравил. Один за другим подъезжают члены Политбюро, я знакомлюсь с ними, поздравляю.

Минут за десять до начала демонстрации подъехал советский посол Семенов. Я подошел, поздравил его. Он спросил меня:

— Василий Иванович, вас на какую трибуну пригласили?

— На центральную.

— В первом ряду — члены Политбюро, а вы вставайте во второй, только не где-нибудь позади всех.

К восьми утра все члены Политбюро заняли свои места. Церемония военного парада та же, что и у нас в Москве. Я заметил, как вдоль Берлинской стены барражировали два вертолета, западногерманский и ГДР.

Закончился военный парад, многие члены Политбюро спустились в палатку за трибуной расслабиться, выпить кофе, перекусить. Пошли колонны демонстрантов. Я помнил о просьбе Николая Ефремовича помахать ему рукой, когда будет проходить колонна Высшей партийной школы. Но разве в такой толпе усмотреть его! По радио диктор произносит лозунг, демонстранты ему в ответ: «Хоп, хоп, хоп!» Для меня все выглядело

необычно, особенно барабанщицы-девчата в красочной униформе и фанфаристы, возглавлявшие колонны.

Переводчица мне рассказывает, кто идет, какие предприятия. Впереди нас стоял член Политбюро, он поворачивается ко мне и говорит:

— Становись-ка рядом со мной.

— Вы знаете,— говорю я ему,— мне неудобно, подойдет кто-нибудь из членов Политбюро, а его место занято...

— Ты не понял меня: я тебя приглашаю..! Я тебе гораздо лучше расскажу о демонстрации, чем твоя переводчица.

Я представился. Он мне начинает рассказывать, кто проходит. Перед входом на трибуну каждому в петлицу вставлялась гвоздичка. Он смотрит, — я без гвоздички, где-то ее потерял.

— Почему у тебя нет гвоздички? Сегодня я даже своим офицерам, которым не положено по форме, разрешил носить гвоздички.

Переводчица отдала мне свою гвоздичку.

— Теперь ты в порядке!

И продолжает мне рассказывать. Я стесняюсь, чувствую себя неловко, непривычно мне так стоять. Решился попросить его:

— Разрешите встать на свое место.

— Стой здесь, если кто подойдет, я скажу, что я тебя пригласил.

Подошел к нему какой-то генерал. Я — моментально на второй ряд к переводчице. Спрашиваю у нее:

— А кто это такой?

— Это шеф нашего КГБ.

Этого мне еще не хватало! Генерал ушел, он поворачивается — меня нет. Поискал меня глазами, нашел:

— Ты чего убежал? Ну-ка иди сюда!

Снова продолжает свои комментарии, кто проходит, обмениваемся с ним впечатлениями. Подходит еще один военный. Я подаюсь было снова во второй ряд. Слышу:

— Ты плохо себя ведешь, я же могу и послу пожаловаться на тебя. Раз я тебя пригласил, стой рядом, чего ты туда-сюда прыгаешь?

Я подчинился и простоял рядом с ним до конца демонстрации.

После демонстрации Н.Е. Вологдин с друзьями приехал в общежитие. Включили телевизор, готовят стол. Вдруг раздается крик Николая Ефремовича:

— Ребята, смотрите, мой шеф среди членов Политбюро!

Хотели налить по рюмке...

— Наливай по стакану, выпьем за твоего шефа, молодец, прорвался на центральную трибуну к членам Политбюро!

Демонстрация окончилась, нам предложили пройтись пешком по Берлину. Гуляем. Вижу, идет молодая пара и девочка годика три-четыре. Вдруг она оторвалась от родителей, подбежала к мусорной урне, подобрала брошенный мимо окурок и бросила его в урну. Как немцы воспитывают своих детей! С молоком матери они впитывают любовь к чистоте и порядку. Не устаю поражаться этой чистоте. Закончилась демонстрация, тут же прошли уборочные машины — город идеально чист. На площадях играют духовые оркестры, выступают артисты...

Зашли в ресторанчик. Обстановка необычная, но уютная: в большом очаге горит огонь, вокруг расположены столики. Можно самому поджарить мясо на шомполах, тут же множество специй. Мы превосходно провели время, потом прошли по вечернему Берлину и вернулись в пансионат.

На другой день члены президиума Центрального совета СНП во главе с Г. Варнтке давали прием профсоюзным делегациям в большом банкетном зале. Я сел рядом с Варнтке.

— Василий Иванович, — обратился он сразу ко мне, — если каждому руководителю делегации давать слово, то мы и к утру не закончим. Скажи-

те от имени всех делегаций. Затем уже пойдут лояльные тосты, свободное общение, праздничный настрой, кто пожелает, пожалуйста — волейбол, бадминтон, городки, прогулка по озеру на теплоходике. Мы все продумали до мелочей.

Выступил Варнтке. У меня активно заработали мозги. Слово предоставляют мне. Я высказался экспромтом:

— Позвольте мне от имени всех присутствующих здесь делегаций выразить благодарность Свободным немецким профсоюзам, которые удостоили нас высокой чести вместе с ними встретить праздник пролетарской солидарности, праздник мира и труда. Я поднимаю бокал за то, чтобы мы лучше осуществляли главную нашу задачу — защищать интересы трудящихся.

И все. В общем, что надо было, то и сказал. Аплодисменты. Выпили. Варнтке мне под столом руку жмет:

— Спасибо, Василий Иванович, выручил.

К нам тут же потянулись руководители делегаций с поздравлениями. Пригублю немножко с одним, другим, третьим... Чтобы остаться в форме, контролирую себя: надо выстоять. Варнтке не отпускал меня от себя ни на шаг.

Наконец, мы поднялись из-за стола, вышли на свежий воздух, посмотрели на игру в бадминтон, теннис, сами сыграли одну партию в волейбол,

прокатились на теплоходе, осмотрели все живописные окрестности. Играл духовой оркестр, официанты разносили выпивку, закуски. Помню, тогда меня очень впечатлило обилие берез по берегам озера. Мы считаем березку русским национальным символом, воспеваем ее красоту, а в этих местах их было столько, что меня взяла оторопь. Немцы на это иронически улыбались.

Празднование завершилось поздним вечером.

3 мая все делегации разъезжались по разным городам ГДР. Нашей делегации предстояла поездка в Галле. Я спросил у Варнтке, почему программой не предусмотрено посещение монумента советского солдата в Трептов-парке. Тем более, что реальный солдат, совершивший подвиг в 1945 году, по фамилии Мосолов — наш земляк, родом из деревни Листвянки Тисульского района. Варнтке пообещал исправить это упущение.

Ранним утром перед отъездом в Галле мы поднялись к подножию памятника в Трептов-парке и под звуки приглушенной музыки возложили венки к вечному огню. Когда мы спускались по лестнице, Антонина Губанова, у которой отец погиб в последние дни войны, не сдержалась и заплакала. Еще в самолете, когда мы летели в Берлин, она мне говорила, что ее мать была настроена против этой поездки. — «Почему?» — спросил я ее. «Твой отец погиб под Берлином, — сказала ей мать, — а ты будешь сидеть с немцами, выпивать...». Я как

мог попытаться ее успокоить: «Антонина Сергеевна, не все же немцы одинаковы, одни слепо подчинялись воле Гитлера, другие насмерть боролись с фашизмом. К тому же прошло столько лет! Сегодня совершенно другая обстановка».

Тут откуда ни возьмись налетели репортеры с микрофонами, появились телекамеры, газетчики. У нее взяли интервью. С большим трудом мы отбились от этого пиара.

Приехали в Галле поздно вечером. На другой день у нас было запланировано знакомство с городом и посещение вагоностроительного завода. Во время прогулки руководители Галле пригласили нас на площадь, где выступал ансамбль песни и пляски Советской армии. Ансамбль нравился немцам, на его концертах всегда царил столпотворение... Когда хор запел «Хотят ли русские войны?» началось что-то невообразимое, крики, шум, громовые аплодисменты, песню несколько раз просили повторить.

6 мая заканчивалась наша командировка, мы должны были улетать. Немцы мне говорили:

— 8 мая мы отмечаем день освобождения Европы от фашизма. В празднике участвуют все делегации, а вы вдруг улетите. Как мы это объясним? Вас никто не поймет.

Они настоятельно просили меня связаться с руководством ВЦСПС в Москве и выяснить, как

нам поступить, чтобы исключить недоразумения.

Я очутился в неловком положении. Я позвонил нашему послу и рассказал ему о просьбе профсоюзных руководителей ГДР.

— Василий Иванович, не беспокойтесь, я позвоню Шелепину и мы с ним обо всем договоримся, — заверил он. Переоформим ваши билеты, улетите девятого числа. Оставайтесь и действуйте по программе.

Я обрадовался тому участию, с которым наш посол отнесся к возникшей несогласованности.

8 мая мы возложили венки к мемориалу жертвам фашизма и советским воинам-освободителям, захороненным на городском кладбище. Затем состоялся теплый импровизированный ужин.

Но перед этим мы побывали на вагоностроительном заводе.

Первое, что мне сразу бросилось в глаза и не переставало изумлять: идеальная чистота, никаких груд ржавеющего металла, бесхозно брошенных залежей стройматериалов, рабочие одеты так, что приятно смотреть. Высочайшая культура производства, высочайшая организация труда, высочайший порядок. Второе: я испытал чувство восхищения от филигранной работы рядовых немецких мастеров. Третье наблюдение. Идем по цеху, замечаю, рабочий наклонился, поднял

какую-то гайку, сунул ее в карман. Мне объяснили: каждый рабочий получает заготовку по весу, по весу же сдает готовую деталь и стружку. Существует норма потери металла, положим, три процента. Уйдет в стружку больше, это считается браком, меньше — предусмотрена премия. Таким методом стимулировалась бережливость, экономия материалов.

Не могу умолчать об одном инциденте. В обеденный перерыв рабочие собрались на митинг. С краткой речью перед ними выступил профсоюзный руководитель, поприветствовал от имени собравшихся нашу делегацию. Я чувствовал себя приуставшим от разного рода речей и попросил нашего вагоностроителя из Полтавы сказать несколько слов благодарности за приглашение посетить завод своим немецким коллегам. Тем более он находился в своей стихии, найдет, что еще сказать.

Ему дают слово, он начинает:

— Дорогие товарищи! Уже восьмой день мы находимся на немецкой земле и чувствуем себя, как дома...

С задних рядов послышался ропот, я замечаю там какое-то волнение. Появились полицейские с дубинками... Видимо, кому-то из немцев не понравилось выражение: *мы чувствуем себя, как дома*. Впрочем, все быстро успокоилось, митинг закончился нормально.

Под вечер 8 мая мы вернулись в Берлин. С Варнтке я договорился о том, что вечером наша делегация даст прием от ВЦСПС в честь президиума Центрального совета СНП. До приема я успел съездить в общежитие к Н.Е. Вологдину, встретиться с его сокурсниками; они мне рассказали, как увидели меня по телевидению 1 мая, стоявшего среди высшего руководства ГДР.

Вечером состоялся прием. Мы выставили нашу мариинскую водку. Смотрю, со стола куда-то исчезли рюмочки, из которых пьют немцы, официанты выставили полуфужеры.

— Вы начинаете праздновать по-русски, — замечаю я.

Произнес тост. Варнтке произнес ответный тост, и — пошло-поехало. Где-то к середине приема я сказал:

— За дружбу у нас принято пить до дна, — и опрокинул фужер.

Немцы уставились на меня. Я им жестом объясняю, мол, делайте, как я. Они рассмеялись и выпили вслед за мной. Среди них находилась одна женщина довольно мощной комплекции. Она сделала глоток и поставила фужер на стол. Мне стало любопытно, что будет дальше.

— Пей, как я! — говорит ей Варнтке.

Она выпила, но такую дозу не смогла перенести и почти мгновенно опьянела. Подошли двое

мужчин, взяли ее под руки, посадили в автомобиль и в отпустили Берлин.

Продолжалось. Помня о том, что произошло у памятника в Трептов-парке, я попросил Варнтке предоставить слово Антонине Губановой. Она была очень откровенна:

— Когда я собиралась в эту поездку, мама была против... Я попробую объяснить почему. В первые дни войны отец ушел на фронт, у нее на руках осталось шесть девок, шесть дочерей. Работала она по двенадцать часов в сутки. Вам трудно себе представить, сколько она натерпелась, сколько перенесла горя и лишений. Отец погиб под Берлином. Она получила похоронку уже после победы... Я обязательно расскажу маме о том, с каким гостеприимством нас принимали немцы... За мир, за дружбу между нашими народами...

Слово взял Варнтке.

— Дорогая Антонина, мы полностью разделяем чувства вашей матери. Фашизм принес народам много страданий, бед, крови, разрухи... Мы вам клянемся, что пока в наших сердцах бьется кровь, мы сделаем все возможное, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила война.

Красивый тост.

Время уже час ночи. Всю водку выпили. Я намекаю Варнтке, что пора заканчивать. Тут откуда-то появился шнапс и задушевная беседа

продолжалась. Только часам к двум мы еле-еле проводили наших хозяев...

Полвосьмого утра мы уже выехали в аэропорт. Ладно, дома отоспимся.

Президиум СНП приехал провожать нас всем составом. Каждому из нас вручили букет алых роз. Варнтке обратился к Антонине Губановой:

— Передайте вашей матери памятную золотую медаль дружбы ГДР и СССР. Передайте ей также наши поздравления и все то, о чем мы говорили вчера. Мы полностью разделяем ее чувства.

Еще раз выпив за день Победы, мы вылетели в Москву.

Так состоялась моя первая поездка за границу. После этого я много раз бывал в ГДР, но память об этой поездке осталась неизгладимой.

ТРИ НЕДЕЛИ В МОНГОЛИИ

Обычно я проводил отпуск в Крыму. Заказал путевку в санаторий ЦК «Россия». Меня приглашает Пименов и говорит:

— Василий Иванович, у тебя я слышал, что отпуск намечается?

— Через неделю собираюсь лететь в Ялту.

— Наверное, не получится у тебя. Съезди по обмену в Монголию, нам очень надо.

— Да у меня уже путевка на руках...

— Путевка путевкой, это не только отдых, это еще и политика. Съезди, я тебя очень прошу. Не пожалей. наших там принимают очень хорошо. Не одна делегация побывала у них на отдыхе.

Как я не отнекивался, ничего у меня не вышло. Ничего, съездишь в Монголию, — говорил Пименов, — а на следующий год мы тебе подберем в более подходящее место.

Я позвонил жене. Что же делать, — сказала она, — в Монголию так в Монголию... Мы ведь дальше Новосибирска никогда не бывали. Хоть немножко познакомимся с Востоком.

Не знаю, случай это был или нет, но, как показало время, для меня он стал вещим.

Поехали в Монголию на поезде. Был конец июня, с нами в вагоне ехали домой на каникулы монгольские студенты, учившиеся в СССР. Мы познакомились с одной студенткой, она хорошо говорила по-русски. Рассказала много любопытного о некоторых обычаях. Когда она сказала, что у них в семье семеро детей, мы очень удивились. Дело заключалось вот в чем. До революции 1924 г. в Монголии 70 % мужчин были ламами, у которых существовало безбрачие. Население страны было малочисленным, а после революции оно стало резко сокращаться. Все монастыри были ликвидированы, осталась всего около сотни монахов. Сравнительно в недавнее время монгольское руководство повело курс на увеличение деторождаемости. Одной из мер в этом направлении было введение запрета на противозачаточные средства.

***

Прибыли в Улан-Батор. Вышли на перрон, никого из обещанных встречающих не видать. Время идет. Наконец, замечаю, бегут несколько человек, явно опоздавших. Рыщут туда-сюда. Я их спрашиваю:

— Вы, случайно, не меня встречаете?

— А как ваша фамилия?

— Ситников.

— Да, конечно, вас. Извините. Как доехали? Где ваш багаж?...

Нас поместили в шикарный люксовский номер гостиницы «Улан-Батор». Договорились встретится в два часа и за обедом обсудить программу нашего пребывания. Мы с женой немного отдохнули, собрались, ждем. Два часа — никого нет, полтретьего — никого. В три часа мы не выдержали, вышли из номера на улицу, видим — бегут, платками вытирают пот со лба: извините, задержались на совещании... и т.д. Монголы не отличаются пунктуальностью. Положим, намечена встреча на восемь часов, надо обязательно им назначать как минимум на полвосьмого. Тогда появлялся шанс вовремя сделать дело. В этом отношении особенно грешил наш сопровождающий.

Пошли обедать в ресторан. Познакомились с монгольской кухней. У монголов не принято есть жареного, мясо — только отварное. Потом прогулялись по Улан-Батору.

На следующий день нас принял председатель Центрального Совета профсоюзов Монголии. Рассказывая о своей работе, я пошутил, что у нас число членов профсоюзов больше, чем все население Монголии

вместе взятое. На другой день рано утром по холодку нас отвезли в профсоюзный санаторий. Живописное место, кругом лес, скалы, чистая речка. Тут же отдыхали иностранцы: французы, бельгийцы, чехи, немцы. Нас поселили в отличном номере, закрепили переводчика. Все десять дней, которые мы здесь провели, стояла отличная погода. Мы чувствовали себя хорошо. Сервис не отличался изысканностью, но питание не было однообразным. Единственное, что нас не вполне устраивало: где бы мы ни были, везде нас преследовал запах баранины. Особенно переживала по этому поводу пара из Чехословакии:

— Ждем не дождемся, когда вернемся в Москву. Мечтаем о вашем борще!

Нашим соседом был один бельгиец, заядлый рыбак. Он нас все время угощал пойманной им рыбой. Отдавал свой улов поварами и они нам готовили по нашему заказу. Хотя в монгольских реках полно ценной рыбы, ее не ловят и не едят, — не позволяют буддистские обычаи.

Как-то наш сопровождающий повел нас в кино. Демонстрировался фильм о Сухэ-Баторе и Ленине. Отказаться, понятно, было неудобно. Просидели мы в кинотеатре минут пятнадцать, в зале распространился такой дух, что святых выноси:

у монголов не принято особенно часто мыться. Жена не выдержала:

— Василий, я так больше не могу, ты оставайся, а я пойду.

У меня самого голова пошла кругом. Я говорю сопровождающему:

— Вы потом нам потом обязательно расскажете, о чем фильм, а мы пойдем освежимся.

Из-за довольно высокой степени радиации загорать было нельзя. Мы просто гуляли, наслаждались природой.

Сидим, как-то, отдыхаем, к нам подходит директор санатория:

— Василий Иванович, едем.

— Куда?

— Едем.

Останавливаемся в красивейшем месте у родничка. Открыли сумки с провизией, развели костер, давай шашлыки жарить. Чудесно провели время. Такие поездки на природу мы совершили еще несколько раз.

Каждое утро на наш стол выставлялось большое количество выпивки — пиво, разнообразные сорта вин, водки. В обед и ужин — та же полная сервировка. Перед обедом я иногда выпивал бокал немецкого пива «Бергер», жена к спиртному вообще не притрагивалась. Всю оставшуюся выпивку переводчик забирал с

нашего стола к себе в номер. Вечером, когда мы с женой уходили отдыхать, монголы собирались у него и употребляли это спиртное. Каждое утро он приходил с опухшей физиономией.

— Ты с нами алкоголиком станешь, — невесело шутил я.

Отпросился он как-то на день съездить к себе в аул. Почти три четверти городского населения Монголии говорило или понимало по-русски и он не особенно-то был нам нужен. Вернулся наш переводчик и захватил с собой местной самогонки из кумыса. Уговорил меня попробовать. Я взял в рот — проглотить не могу, а выплюнуть неудобно. Такая жуткая дрянь, что я диву давался, как они ее пили. Вообще по моим наблюдениям монголы довольно пристрастны к горячительным напиткам. Пьют всё подряд, лишь бы валило с ног.

Незаметно пролетели десять дней. Накануне 11 июля, празднования годовщины образования МНР, мы переехали в дом отдыха под Улан-Батором.

Демонстрация трудящихся поразила нас большим количеством детей. Идет мужчина, двое ребятишек у него на плечах, третий за штанину держится... После демонстрации мы посетили стадион, где наблюдали массовые соревнования — до тысячи участников

— по национальной монгольской борьбе. Потом побывали на скачках. Соревновались в основном дети, подростки, как мальчики, так и девочки. Жена у меня увлеклась и «болела» отчаянно вместе монголами. Потом мы принимали участие в государственном приеме.

Так состоялось первое знакомство с Монголией, где мы провели двадцать один день.

Перед отъездом у нас оставалось довольно много тугриков. Мы с Анной прошлись по универмагу, но купить там практически было нечего. Нам сказали, что тугрики можно обменять на сертификаты или рубли. Идти в банк я отказался. Пошла Анна, ее спросили:

— Что будете брать — сертификаты или рубли? — О том, что такое сертификат она не имела никакого понятия. Поэтому ответила:

— Какие еще сертификаты? Давайте рубли.

Ей отсчитали рубли. Летим домой. Слышим, стюардесса объявляет:

— Товарищи, кто из вас имеет сертификаты, пожалуйста, приобретайте сувениры, спиртное, икру...

Цена всех товаров в сертификатах оказалась намного дешевле, нежели в рублях.

— Ах, что ж я наделала?! — сокрушалась Анна...

Такая была нам наука по возвращении.

***

Будучи председателем Областного совета профсоюзов, я не раз возглавлял профсоюзные делегации Кузбасса в Ноградскую область Венгерской народной республики с которой мы были побратимы. Эти поездки невозможно забыть. Я возвращался домой, полный самых разнообразных впечатлений и планов.

Мы делились опытом работы профсоюзов Кузбасса в области охраны и безопасности труда, оздоровления, строительства и обслуживания санаториев-профилакториев и т.д. Венгры интересовались всем, причем весьма дотошно, в деталях, подробностях. В свою очередь они предоставляли возможность оценить накопленный ими опыт. Мы посещали предприятия, знакомились с условиями труда рабочих, работники профсоюзов рассказывали нам об организации соревнования, о системах поощрения, о том, что делается для улучшения социальной инфраструктуры на производстве (качество обслуживания в столовых, устройство моек, туалетов, раздевалок и проч.,) чтобы полнее обеспечить жизненные потребности трудящихся.

Между нами установился откровенный обмен мнениями, завязывались дружеские отношения.

Запало в памяти участие нашей делегации в праздновании Дня шахтера в Нограде. На открытой эстраде шел концерт, выступали лучшие коллективы артистов, вокруг были накрыты столы, шахтеры расположились с семьями, выпивали, закусывали. Все было предельно просто, душевно, без всяких церемоний. Звучали прочувствованные выступления, слова благодарности шахтерам за их нелегкий труд...

В моей трудовой биографии годы работы в профсоюзах занимают яркое место. Для меня они были самыми благодатными, оставив по себе добрую память.

***

В июле 1974 года перед отпуском Афанасий Федорович проходил диспансеризационное обследование в Москве. Человек он был чрезвычайно впечатлительный. На врачебном консилиуме у него произошел инсульт. Не приходя в сознание, он скоропостижно скончался. Это известие вызвало в Кузбассе чувство серьезной утраты и горечи. Все отчетливо понимали, что сделал для области Афанасий Федорович за 13

лет работы. При нем область во многом преобразилась.

Хоронили Афанасия Федоровича на Новодевичьем кладбище. Проститься с ним, отдать дань уважения приехали не только многочисленные делегации кузбассовцев, но и секретари Центрального Комитета партии, руководители министерств и ведомств.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РАБОТУ В ОБКОМ ПАРТИИ

Спустя некоторое время после смерти Афанасия Федоровича меня пригласили в ЦК и сообщили, что секретариат рекомендует меня секретарем обкома партии по промышленности. Такой поворот дел для меня был неожиданным.

После избрания я приехал на пленум ВЦСПС, проходивший в Доме Союзов. Пленум уже заканчивался. Александр Николаевич Шелепин поднялся на трибуну и, высказав мне слова признательности за плодотворную работу в профсоюзах, вручил мне грамоту и ценный подарок.

— У нас как-то сложилось такое правило — идет дело к пенсии, партийного работника направляют на работу в профсоюз, — добавил он. — Но такого еще никогда не было, чтобы из профсоюзов снова выдвигали на партийную работу. С легкой руки Василия Ивановича открывается новая эра в истории наших профсоюзов. Надеюсь, что и в других областях и краях нашей страны на партийную работу будут выдвинуты руководители профсоюзов.

Действительно, после моего избрания десятка полтора секретарей обкомов и крайкомов профсоюзов были выдвинуты на руководящую партийную работу.

Пленум завершился. Спускаюсь я в гардероб, меня догоняет помощник Шелепина:

— Василий Иванович, вас приглашает к себе Александр Николаевич. Собрались все члены президиума ВЦСПС.

Захожу за кулисы, Александр Николаевич мне говорит:

— Ты чего это убежал? Думал, мы так просто тебя отпустим? Давай с нами по рюмочке коньяка... Знаешь, мы уже было подготовили предложение выдвинуть тебя на профсоюзную работу рангом повыше, но Центральный комитет опередил нас. И все же я рад за тебя, успехов тебе, удачи и всего самого доброго.

Так закончилась моя профсоюзная деятельность.

***

Когда решался вопрос о выборе первого секретаря Кемеровского обкома партии рассматривалось несколько кандидатур. Однако главным кандидатом на этот пост согласно традиции являлся второй секретарь обкома партии. Им был Леонид Александрович Горшков. Он прошел хорошую

школу партработы в Кузбассе — секретарь первичной партийной организации, начальник шахты, строительного управления, первый секретарь Киселевского горкома партии, заведующий угольным отделом обкома партии, секретарь, затем второй секретарь обкома. В течении тринадцати лет он бок о бок работал с Афанасием Федоровичем. ЦК принял решение рекомендовать Л.А. Горшкова первым секретарем Кемеровского обкома партии. Он должен был обеспечить преемственность руководства областью.

Безусловно, в первые годы своей работы он испытывал определенные трудности. Ему явно не доставало четкости стиля руководства, если угодно, мудрости, характерных для А.Ф. Ештокина. Но надо отдать ему должное, он старался, как мог. Все, чему мы, ученики Афанасия Федоровича, научились у него, он использовал в полной мере.

Кроме того, ему помогало то обстоятельство, что при Афанасии Федоровиче сформировался сильный состав заведующих отделов и в целом аппарата обкома. Об этом говорит тот факт, что многие заведомов впоследствии были делегированы в Центральный Комитет партии и госаппарат. Упомяну в связи с этим Г.А. Навасардянца (промышленный отдел), В.Л. Соколова и Е.И. Юлова (отдел угольной промышленности), М.Л. Карпенко (отдел пропаганды), Шабурову и В.И.

Кудрявцева (отдел школ и вузов), В.В. Листов впоследствии министр химической промышленности.

Да и среди первых секретарей горкомов, райкомов было немало способных, инициативных людей, впоследствии выдвинутых на руководящие должности в центральных органах управления.

Таким образом, опора на сильный состав ведущих отделов позволила Л.А. Горшкову удерживать планку руководства областью на высоком уровне

Конечно, той пробойной силы при решении вопросов в центре, какой обладал А.Ф. Ештокин, Леонид Александрович не обладал. Но большое доверие к секретарям райкомов, горкомов партии позволяло ему более полно использовать возможность руководства Кемеровской областью.

После избрания первым секретарем обкома партии Л.А. Горшкова изменилось и мое положение. Меня избрали секретарем обкома партии промышленности. Я курировал угольную промышленность, металлургию, химию, машиностроение, энергетику, связь, транспорт, — все ведущие отрасли народного хозяйства Кузбасса. На мне лежала колоссальная ответственность. В работе с Леонидом Александровичем у нас сложилось полное взаимопонимание. Он всецело

мне доверял, я в свою очередь старался оправдать его доверие.

По поручению Леонида Александровича мне приходилось сопровождать министров, посещавших предприятия Кемеровской области. К нам приезжали министр угольной промышленности Борис Федорович Братченко, министр машиностроения Сергей Александрович Афанасьев, министр металлургии Иван Павлович Казанец, его первый заместитель Борисов, выходец из Кузбасса, и многие другие. Общение с министрами позволяло мне накопить необходимый опыт решения острых вопросов, общения с самыми разными людьми. Естественно, все это сказалось на моей будущей работе.

Многие вопросы развития народного хозяйства области решались в министерствах, Госплане, Госснабе. Тщательная подготовка позволяла мне находить понимание в этих органах и успешно решать поставленные задачи.

Неоценимый опыт я приобрел участвуя в подготовке проекта постановления ЦК и совмина «О комплексном развитии угольной промышленности Кузбасса». Я прожил в Москве более полугода.

Если проект отправить в соответствующие министерства и ведомства, то время согласования могло затянуться, утонуть в канцеляриях. Мне было поручено в Москве обойти министер-

ства и ведомства, и завизировать проект. Я побывал более чем в 30 министерствах и ведомствах. За это время я целиком вошел в курс экономических проблем, стоящих перед министерствами, чтобы обеспечить выполнение постановления. Мне пришлось использовать опыт Афанасия Федоровича, настойчиво, пробойно, не считаясь ни с чем, доводить дело до конца.

Больше полугода я потратил на то, чтобы обойти все министерства, ведомства и завизировать проект.

Широкое обсуждение этого постановления состоялось на пленуме обкома партии, во всех городских, районных комитетах партии, в первичных партийных организациях. Были разработаны конкретные меры по осуществлению и претворению в жизнь этого уникального постановления.

Памятны мне и другие поездки в Москву с председателем облисполкома Парфентием Васильевичем Гузенко. Обычно такие поездки практиковались в конце года для согласования финансового и экономического плана по отраслям народного хозяйства области. Мы посетили Госплан России, Госплан СССР, все отделы, прежде чем состоялась беседа у председателя Госплана. Посетили большинство министров.

Одно посещение осталось у меня в памяти особенно. Наши геологи открыли богатое месторож-

дение гранита и мрамора различной расцветки. Использование этих уникальных возможностей в Кузбассе гранита и мрамора преобразило бы нашу стройиндустрию. Мы взяли с собою образцы и справку об объемах геологических запасов, которые имеются в Кузбассе. Мы пришли к председателю Госснаба Вениамину Эммануиловичу Дымшицу, показали образцы, рассказали об открытии наших геологов. Он посмотрел и сказал, что дело это подходящее. Пригласил к себе своего первого заместителя Мыльников и говорит:

— Председатель облисполкома товарищ Гузенко и секретарь обкома партии товарищ Ситников пришли к нам с интересным предложением. Посмотри, какой высококачественный гранит и мрамор открыт в Кузбассе. Им нужны импортные камнерезательные машины. В этом году уже все распределено. Я вступал в партию в Кузбассе, это край близкий моему сердцу. Постарайся сделать все возможное, чтобы выполнить мое поручение.

Завизировал наше письмо.

Вышли мы от Дымшица, я говорю:

— Парфентий Васильевич, завтра надо обязательно проследить, какую резолюцию наложил Мыльников.— Гузенко мне в ответ:

— Нам что, делать нечего? Ну что мы будем попусту терять время! Дымшиц — заместитель

председателя Совмина! Им дано четкое поручение...

Ругал он меня на чем свет стоит, но утром я все-таки настоял на поездке в Госснаб. Я напомнил Мыльникову о вчерашнем поручении Дымшица и попросил его сообщить о решении по нашему письму. И тут выяснилось, что с той резолюцией, которую наложил Мыльников, наши шансы получить машины равнялись нулю; не то что машины, мы и болта не получили бы. Пришлось ему сочинять другую резолюцию.

На мой разговор с Мыльниковым Парфентий Васильевич взирал с изумлением. Он никак не ожидал от первого заместителя председателя Госснаба такого уровня исполнительской дисциплины. Напоследок Мыльников дал нам совет:

— Немедленно вызывайте управляющего трестом «Стройиндустрия» и пусть он непосредственно занимается комплектацией оборудования. Иначе у вас ничего не получится. Имейте в виду: ваша работа закончится только тогда, когда он завершит всю отгрузку оборудования в Кузбасс.

После этого случая Парфентий Васильевич стал относиться ко мне совсем по другому. Рассказав Л.А. Горшкову о наших визитах к Дымшицу и Мыльникову, он добавил:

— Леонид Александрович, надо Василия Ивановича почаще отправлять в Москву. Я своими глазами увидел его пробойную силу.

Должен оговориться. Покидая Москву, я откровенно поделился наболевшим с заведующим отдела тяжелой промышленности ЦК Иваном Павловичем Ястребовым. Рассказал ему случай с Мыльниковым, о той неэффективной бюрократической системе централизованного снабжения, которая сложилась у нас... Он мне ответил:

— Василий Иванович, не от вас первого я слышу об этом. Мы давно уже ставили вопрос о реформе системы госснабжения, но воз и ныне там.

***

Вспоминаю свои первые шаги в качестве второго секретаря обкома. По поручению Л.А. Горшкова я возглавил областной партийный штаб на Запсибе, где проводилась уникальная работа: метрах в 150-ти от действующей доменной печи была построена новая печь в два раза большей мощности. Старая домна была разобрана и на ее место необходимо было передвинуть новую. Такого опыта в мире еще не было. Строительство возглавлял начальник «Сибметаллургстроя» Иван Михайлович Звездов.

Филиппу Васильевичу Попову как председателю облисполкома заниматься этим делом было уже не с руки. Хотя я не строитель и не металлург, на Запсиб пришлось ехать мне. Я отправлялся в Новокузнецк с сомнениями: смогу ли я разобраться в этом деле, чем должен заниматься партийный штаб?

На Запсибе мне пришлось провести более полутора месяцев. Большую помощь мне оказал секретарь парткома Иван Григорьевич Белый. В первые дни я обошел с ним все рабочие места, увидел все своим глазами, познакомился с секретарями первичных парторганизаций, побеседовал с партгруппорганами, секретарями цеховых парторганизаций, председателями комитетов комсомола и профсоюза, бригадирами комсомольско-молодежных бригад. Вошел в курс дела. Ежедневно я бывал на планерке, где заслушивались руководители о выполнении графика строительства. И.М. Звездов спрашивал, есть ли у меня вопросы. Первые замечания я высказал на пятый день. Они касались дополнительных мер по соблюдению правил техники безопасности.

С главным инженером Б.И. Ашпиным мы забрались на самую верхотуру доменной печи — калашник. Посмотрев на землю, я почувствовал, что меня буквально потянуло вниз. Заметив это, Б.И. Ашпин сказал мне:

— Василий Иванович, не вздумай смотреть вниз, у тебя высотная болезнь, монтажником-высотником тебе не работать.

После этого на калашник я уже больше не забирался.

***

Мне припомнился один разговор с Владимиром Ивановичем Долгих, который курировал угольную и горнорудную отрасли. Как-то звонит он мне из Москвы:

— Василий Иванович, как вы готовитесь к Дню шахтера? — Я ему рассказал.

— А что у вас с выполнением плана? Какая обстановка складывается по трестам? — Я был не готов к ответу и «забуксовал». Пришлось сознаться, что не владею такой информацией. Попросил дать немного времени на выяснение данных. Когда я ему перезвонил, он мне сказал:

— Василий Иванович, квалифицированное руководство требует постоянного владения всей полнотой информации о состоянии дел, готовности к исчерпывающим ответам на любые вопросы.

После этого замечания я завел папки по отраслям: «угольная промышленность», «машиностроение», «химическая промышленность», «металлургия», «оборонная промышленность»,

«легкая промышленность» и т.д. Заведующим отделов я поручил вести мониторинг и периодически обновлять данные. После этого случая я всегда был готов в деталях информировать ЦК о складывающейся обстановке в тех или иных отраслях промышленности Кузбасса.

***

Посещение секретаря ЦК Г.В. Романова было непростым делом. Секретари обкомов вообще старались избегать его.

Попросишься к нему на прием, он обычно отвечает:

— Договорились, Василий Иванович, я вас приму, о времени вам сообщит помощник.

Тот звонил мне вечером и сообщал о дне и часе приема. За это время по поручению Романова он успевал подготовить выкладки о социально-экономическом положении Кузбасса. На приеме начинаю разговор по определенным проблемам. Послушав меня несколько минут, он прерывал меня:

— Василий Иванович, хорошо, я внимательно рассмотрю все ваши вопросы. Давайте лучше побеседуем. Меня интересует, как вы оцениваете обстановку с выполнением плана по таким-то отраслям?

Собеседование с Романовым превращалось чуть ли не в экзамен. Но надо ему отдать долж-

ное. Все его поручения по нашим письмам ставились на строгий контроль, меня информировали о ходе решения тех или иных вопросов.

***

Поддержка Леонида Александровича позволяла мне успешно трудиться в должности секретаря, а потом второго секретаря обкома партии.

Продолжались встречи с бригадирами шахт, угольных разрезов, обогатительных фабрик, которые начал практиковать Афанасий Федорович. Среди бригадиров было развернуто соревнование за право участвовать во встрече передовиков угольной промышленности Кузбасса. Польза от этих встреч была немалая. Бригадиры откровенно делились своим опытом, проблемами, трудностями. На этих встречах присутствовали заведующие отделов, руководители угольных трестов и объединений.

Каждый из выступающих рассказывал о взятых в новом году обязательствах и призывал всех бригадиров принять участие в соревновании. Такие обязательства публиковались в печати, а сам ход соревнования широко освещался в средствах массовой информации.

***

После избрания Филиппа Васильевича Попова председателем облисполкома мне, как второ-

му секретарю обкома партии, приходилось ежегодно выезжать с ним в Москву на утверждение планов развития области на предстоящий год. Готовились письма обкома, облисполкома о выделении средств, материальных ресурсов на решение крупных народнохозяйственных задач.

Поездки с Филиппом Васильевичем отличались от поездок с Парфентием Васильевичем Гузенко. Филипп Васильевич обладал громадной пробойной силой, его не зря называли «бульдозером». Если он за что брался, то никогда не останавливался на полпути, всегда доводил дело до конца. Он умел убедить любого министра, любого крупного чиновника в необходимости решения поднятого им вопроса. Но была у него одна странная особенность. Он совершенно не считался с тем, что москвичи — люди занятые, у них каждая минута на счету. Он же незаметно для самого себя всякий раз углублялся в мелочные, несущественные, порой посторонние подробности. Беседы невероятно затягивались, принимавший нас чиновник начинал нервничать...

Однажды за ужином я не выдержал:

— Филипп Васильевич, ты не мог бы покороче? Что у тебя за манера отнимать у людей время!

— Согласен, водится за мной такая привычка. Давай так поступим. Когда я увлекусь, ты мне наступи на ногу. Только полегче.

На другой день нас принимал председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков. Филипп Васильевич напрочь забыл о нашем разговоре, как всегда увлекся и чрезмерно затянул разговор. Вижу, Байбаков начинает ерзать, поглядывать на часы. Я потихоньку наступаю на ногу Филиппу Васильевичу, мол, прекращай разглагольствовать. Он вдруг резко поворачивается ко мне с нескрываемым раздражением:

— Василий Иванович, ты чего?! — Байбаков улыбнулся... Пришлось нам рассказать ему о нашей договоренности. Посмеялись...

***

Расскажу о несостоявшейся рекомендации меня вторым секретарем ЦК компартии Киргизии.

В начале 1982 года я неожиданно был приглашен в Центральный Комитет партии. Встретился с С.В. Карнауховым, потом с первым заместителем заведующего орготдела. Ничего определенного они мне не сообщили. Только на встрече с секретарем ЦК И.В. Капитоновым я был поставлен в известность, что на секретариате обсуждался вопрос о моей рекомендации на должность второго секретаря ЦК компартии Киргизии. Такого я никак не ожидал. Киргизия — это не Куз-

басс. Справлюсь ли я? Меня охватили сомнения, но я сказал:

— Иван Васильевич, если такое решение состоится, я выполню волю Центрального Комитета.

До завтра, — попрощался со мной И.В. Капитонов, — встреча будет уже на высшем уровне.

Я позвонил домой, известил жену о возможных переменах в нашей жизни... Под десятого утра меня пригласил к себе в кабинет заведующий орготдела ЦК и рассказал, что накануне вечером прилетел первый секретарь ЦК компартии Киргизии Т.У. Усубалиев со своим предложением. Его принял Генеральный секретарь. В итоге прошла кандидатура Усубалиева. У меня отлегло от сердца. Потом И.В. Капитонов мне говорил:

— Василий Иванович, может быть, это даже и к лучшему. Усубалиев человек сложный, работать тебе с ним было бы очень непросто. Ты остаешься в «горячем» резерве ЦК, в ближайшее время мы подберем тебе работу, которой, надеюсь, ты останешься доволен.

Так я не стал вторым секретарем ЦК компартии Киргизии.

***

Еще один эпизод из моей практической деятельности заведующего орготдела. Мне пришлось

заниматься формированием делегации Кузбасса на XXIII съезд партии. Я учел пожелания Афанасия Федоровича, подготовил свои предложения, согласовал их с горкомами и райкомами партии, готовился доложить о них на бюро обкома. Афанасий Федорович просмотрел список делегатов, поворачивается ко мне и говорит:

— Василий Иванович, а почему ты себя не включил в список? — Я говорю:

— Лицом не вышел. — Он рассмеялся.

— У нас не было еще случая, чтобы заведующий орготдела включался в состав областной делегации. Едут первый и второй секретари обкома, председатель облисполкома, председатель облсовпрофа, первые секретари крупных горкомов, райкомов, рабочие. Все же расписано — сколько героев, женщин и т.д.

Возвратился Афанасий Федорович со съезда, пригласил меня и хитро так улыбается:

— Зря ты считаешь, что лицом не вышел. Заведующий орготдела Челябинского обкома К.Ф. Фомиченко был делегатом съезда.

— Хорошо, Афанасий Федорович, в следующий раз я учту это обстоятельство и включу в состав делегации заведующего орготдела. — Он расхохотался.

Еще один момент. Я уже говорил, насколько скрупулезно, глубоко и тщательно Афанасий Фе-

дорович относился к подготовке любых своих выступлений. Предположим, едет он на партийное собрание в первичную парторганизацию, уровень вроде небольшой. Но насколько въедливо он вчитывался в текст, над которым уже поработало несколько заведующих отделов, а за ними секретарь обкома Кузьмина. Она всегда участвовала в подготовке выступлений Афанасия Федоровича.

Коснусь своего выступления на XXIV съезде партии, на который я был избран делегатом. По вечерам, кто из нашей делегации спешил в театр, кто на концерт, а секретари обкома Л.А. Горшков, Кузьмина с другими товарищами, собирались у кого-нибудь в номере и все вместе занимались правкой текста предстоящего выступления на съезде Афанасия Федоровича. Его очередь была далеко не первой, до него в прениях выступили десятка полтора делегатов. Кое-какие моменты нуждались в замене, повторяться было никак нельзя, а при известном отношении Афанасия Федоровича к публичным выступлениям это было вообще невозможно. Поэтому первоначальный текст нуждался в каждодневной корректировке. До тех пор, пока он не выступил, у нас в делегации царил напряженная атмосфера. От выступления первого секретаря во многом зависел авторитет области. Афанасий Федорович выступил удачно, его речь приняли тепло и с пониманием. Напряжение сразу спало, мы почув-

ствовали облегчение и начали жить полнокровной жизнью.

Таким был первым в моей жизни XXIV съезд партии.

Стать делегатом съезда была заветная мечта любого коммуниста. Я уже как-то смирился с тем, что для меня она останется несбыточной, не суждено мне побывать на форуме такого уровня... И вот, возглавив облсовпроф, я неожиданно был избран делегатом XXIV съезда партии. С этого момента волнение, которое трудно передать словами, не покидало меня.

В московском аэропорту прямо у трапа самолета нас ожидал автобус. Афанасий Федорович с секретарями разместились в «Волгах». Нас сопровождал милицейский эскорт, в небе — вертолет ГАИ. Это производило сильное впечатление. Делегации размещались в гостинице «Россия». Нам вручили временные удостоверения, канцелярские принадлежности. У выхода из гостиницы — фотографирование прибывающих делегаций. Предсъездовская обстановка вызывала у меня сильный душевный, эмоциональный подъем.

Гостиница целиком находилась в распоряжении делегатов. Для обслуживания в ресторанах собрали лучших поваров и официантов страны. Сервис был на высочайшем уровне, без задержки исполнялось всякая просьба. Такая продуман-

ная организация и порядок поначалу меня просто шокировали.

И вот наступил день открытия съезда. Мы зарегистрировались, нашли свои места. В составе нашей делегации был первый секретарь Кемеровского горкома партии Г.А. Навасардянц, армянин, но коренной сибиряк. Его посадили на стыке с делегацией Армении рядом с прикрепленной табличкой «Армянская ССР». Его и фотографировали в составе армянской делегации, что неизменно вызывало смех у нас и наших товарищей из Армении.

Съезд открылся, отчетный доклад, выступления, работа. Это были незабываемые дни. Мечта моя сбылась. Я старался записывать все свои впечатления, переживания, чтобы потом рассказать об итогах съезда живым человеческим, а не казенным языком протоколов.

Потом я был делегатом XXVI съезда партии, (XXV-й я пропустил), XXVII, XXVIII, Всесоюзной партконференции. Но по сравнению с XXIV съездом партии все шло по нисходящей степени эмоционального заряда и организации.

***

Расскажу о коллегах, с которыми мне пришлось работать в Кемеровском областном комитете партии и о которых у меня сохранились

самые теплые воспоминания. Афанасий Федорович как никто знал толк в подборе кадров. Немало одаренных, способных работников, «рабочих лошадок», было выдвинуто на должность заведующих отделами. Именно они формировали авторитет областного комитета партии.

Заведующий отделом промышленности Георгий Адамович Навасардянц. Прежде он работал замредактора газеты «Кузбасс», человек пишущий, глубоко эрудированный, профессионал в своем деле. Умнейший организатор. Затем он работал секретарем горкома партии. Был выдвинут на работу в аппарат ЦК. Благодаря выдержке и твердости характера он трудился с большой отдачей.

М.Н. Жаворонков возглавлял легкую, пищевую промышленность, торговлю. Очень живой, общительный человек, с большим умением разрешавший многие непростые вопросы в нашей работе. Правда, немало ему доставалось от Афанасия Федоровича. Поинтересуется он, к примеру, показателями снабжения населения мясом, Жаворонков тут же ответит, не проверив нужные данные. У Афанасия Федоровича это не проходило. Логическая память у него была изумительная. Он сопоставит, взвесит и сразу определяет: что-то тут не то. По этой части Жаворонков частенько подвергался упрекам А.Ф. Ештокина.

Об Иванове я уже упоминал. Он был словно рожден для финансово-хозяйственной деятельности. При нем в обкоме существовал образцовейший порядок, дома и квартиры обкомовцев были под его неусыпным контролем. После смерти А.Ф. Ештокина он был выдвинут на работу в административные органы. Его всегда отличала работоспособность, честность, добросовестность, умение ладить с людьми.

С заведующим угольным отделом Курьшкиным мне пришлось работать недолго. Это был человек по-своему оригинальный, с большим чувством юмора. Он превосходно владел всеми проблемами угольной промышленности, умел правильно выделить ключевые задачи. Его сменил не менее опытный специалист Евгений Юлов, с которым мы пришли в обком практически одновременно. Очень скоро он был выдвинут на работу в отдел тяжелой промышленности ЦК партии. Евгений никогда не принимал поспешных решений, продумывая и взвешивая каждый свой шаг, всегда советовался с ведущими специалистами.

Юлова сменил Леонид Александрович Горшков, бывший секретарь Киселевского горкома партии, заведующий угольным отделом. За отказ ехать в Топки первым секретарем горкома партии его чуть не исключили из партии. Потом выговор был снят, он был рекомендован на должность заведующего угольным отделом. Когда в ЦК узнали о партийном

взыскании Горшкова, мне сделали замечание: почему этот факт его биографии скрыли, да еще и выдвинули его на руководящую должность.

После Горшкова угольным отделом заведывал В.Л. Соколов. Въедливый, обладавший аналитическим умом, прилежный, скромный работник. Потом он перешел на работу в аппарат ЦК, работал в Госплане, административных органах.

Филипп Васильевич Попов считал меня своим крестником. У нас с ним сложились добрые отношения не только по работе. Мы дружили и семьями. Он возглавлял крупное строительное объединение. В Кузбассе многие крупные стройки связаны с его именем. Афанасий Федорович сделал его заведующим строительным отделом. Пробивная способность у него была невероятная. Его и прозвали за это «бульдозером». В этом отношении он был уникален. Он постоянно пропадал на работе и в командировках, в семье его почти не видели...

Владимир Ильич Кудрявцев. Поработал в комсомоле, потом секретарем райкома, закончил высшую партийную школу, был заведующим отделом школ и вузов. Вдумчивый, хороший работник, очень порядочный человек. В последнем я не раз убеждался. Когда встал вопрос о направлении на работу советниками в Афганистан, мне посоветовали обратиться к Кудрявцеву. Время было сложное. Перед этим один человек ехать отказался. Я спросил у Владимира Ильича:

— Как ты смотришь на то, чтобы тебе поехать в Афганистан?

— Нет вопроса! Поеду.

Он долгое время работал в Афганистане, зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Заведующая отделом школ и вузов Шабурова. Добросовестная, исполнительная, аккуратная женщина, ладила со всеми ректорами.

Петр Михайлович Дорофеев работал после меня заведующим орготдела. Это был особенный человек, организатор высшего класса, он обладал каким-то чутьем в подборе кадров. Когда я его обстоятельно посвятил в детали работы заведующего орготдела, он сказал:

— Если бы ты мне раньше рассказал об этом, я бы ни за что не согласился на эту должность.

Между тем ему удалось побить мой рекорд пребывания в должности заведующего орготдела. Я восхищался человеческими качествами своего преемника. Прекрасный товарищ, которого не задумываясь можно брать в разведку, интересный поэт, что среди нас редко встречается.

***

Время рассказать о том, как я стал первым секретарем Иркутского обкома партии.

Я уже писал о том, сколько вложил сил в подготовку постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «О комплексном развитии угольной промышленности Кузбасса». Прошел год и мне стало ясно — постановление не выполняется. Московские чиновники или избегали меня, или что-то обещали, или просто отнекивались: нет средств, лимиты исчерпаны... Я вспомнил, как Н.К. Байбаков предупредил меня:

— Василий Иванович, постановление принято, но радоваться рано. ЦК напринимал уже столько постановлений, что это не вписывается ни в какой бюджет. Конечно, я буду делать все, что в моих силах. Однако судьба постановления по Кузбассу напрямую зависит от ваших действий. К нему надо «приложить ноги». Вам претворять его в жизнь. Ни в коем случае нельзя спускать дела на самотек.

Нужно было выправлять ситуацию. Я попросил Леонида Александровича позвонить В.Э. Дымшицу, который курировал выполнение постановления. Получив соответствующую информацию, он решил собрать руководителей всех ведомств, задействованных в выполнении постановления по Кузбассу и подвести итоги их работы за год. Я вылетел в Москву.

Совещание проходило в Кремле. Выступил министр угольной промышленности Б.Ф. Братченко, затем еще два министра. Эти выступления

меня совершенно не удовлетворили. Я попросил слова. Начал разлагать все по полочкам. Если дело так пойдет и дальше, — говорил я, — на этом постановлении надо ставить жирный крест; если страна не может обойтись без кузбасского угля, то надо отбросить все объяснения и включаться в выполнение постановления... Я увлекся, говорил горячо, темпераментно. В этот момент мне на трибуну приносят записку из Президиума. Я развернул ее и прочитал: «Василий Иванович, кончай ораторствовать, тебя срочно вызывают в орготдел ЦК».

Я прервал выступление, повернулся к В.Э. Дымшицу.

— Раз вызывают, надо идти.

Из Кремля, где проводил совещание Дымшиц, я направился на Старую площадь к Степану Васильевичу Карнаухову.

— Василий Иванович, скажу вам по секрету, только не выдавайте меня, — сказал он. — Освобожден от должности первый секретарь Иркутского обкома партии Н.В. Банников. Область серьезно запущена. Секретариат принял решение рекомендовать вас на эту должность. Есть уверенность, что с вашим приходом дела там будут поправляться.

В том же ключе со мной говорили Н.А. Петровичев и И.В. Капитонов. Затем меня принял К.У. Черненко. Он начал припоминать подробности

своей работы первым секретарем Восточно-Сибирского крайкома, как летал на самолете, сбрасывая листовки с призывом организованно провести весенний сев... Спросил, знаю ли я Иркутскую область. Я ответил, что был в Иркутске всего один раз, этим все мои познания и ограничены.

— Понятно. Ну, ничего, думаю, все будет нормально. Край богатый, интересный, вам будет где размахнуться, приложить свои силы. Очень надеюсь, что вы поработаете там с большой пользой. Вы немного побудьте в орготделе у Петровичева, вас примет Юрий Владимирович.

Я дожидался вызова допоздна. Наконец, раздался звонок. Мне сообщили, что Юрий Владимирович занят и примет меня завтра перед заседанием Политбюро. Я вернулся в гостиницу, позвонил жене, рассказал ей, что со мной сегодня произошло и что меня ожидает завтра. Ночь прошла беспокойно.

В девять утра я был уже у Н.А. Петровичева. Через час мне сообщили, что Юрий Владимирович не сможет со мною побеседовать, а задаст вопросы на заседании Политбюро. Не лучший для меня вариант. В половине одиннадцатого мы с Петровичевым выехали в Кремль. Волнение мое возросло неопишимо. Впервые быть на заседании Политбюро — святая святых! Зашли в прием-

ную. В ожидании там расположились министры, военные. Петровичев неожиданно говорит:

— Товарищи, знакомьтесь, первый секретарь Иркутского обкома партии Василий Иванович Ситников. — И показывает на меня.

— Николай Александрович, — говорю я, — какой первый, еще нет решения.

— Ничего, сейчас состоится.

Знакомые министры, здороваясь, говорили:

— Василий Иванович, ты человек опытный, знающий, не волнуйся, все будет хорошо.

Заведующий общим отделом А.И. Лукьянов провел меня в зал заседаний Политбюро, показал место, куда следует сесть, когда пригласят. Объяснил все мои действия. В одиннадцать часов началось заседание Политбюро. Мое волнение было на пределе.

Наконец, меня пригласили в зал заседаний. К.У. Черненко зачитал мои анкетные данные, характеристику и сообщил о моей рекомендации секретариатом на должность первого секретаря Иркутского обкома партии.

Первым задал вопрос Ю.В. Андропов:

— Василий Иванович, как вы сами отнеслись к такому предложению?

— Юрий Владимирович, мне сложно ответить, область я не знаю. Мне только известно, что там многое запущено. Трудно соизмерить свои воз-

возможности и опыт, но если мне будет оказано доверие, я сделаю все, чтобы его оправдать.

— Спасибо.

Дальше задавали вопросы В.И. Долгих, А.П. Бирюкова, А.А. Громыко. Юрий Владимирович поставил вопрос на голосование.

Проголосовали. Решение состоялось. Ю.В. Андропов спросил Петровичева:

— Когда намечен пленум в Иркутске?

— Думаем, в субботу.

— Хорошо. Завтра хорошо бы вам, Василий Иванович, повстречаться с секретарями ЦК, а вечером вылететь в Иркутск. Принимайте дела, начинайте работу. Какая нужна помощь — обращайтесь, будем помогать.

Он пожелал мне успеха.

После заседания Политбюро мы с Н.А. Петровичевым вернулись в ЦК.

В пятницу я побывал на приеме у Александры Павловны Бирюковой, с которой я был знаком еще по профсоюзной работе. Она мне дала несколько деловых советов и рекомендаций по направлению дел в Иркутской области, в частности, в торговле продовольственными товарами.

В середине дня мне сообщили, что меня приглашает К.У. Черненко. Он пожал мне руку и поздравил меня с решением Политбюро.

— Хотел бы сообщить тебе кое-что важное, — сказал он. Когда ты вышел из зала заседаний, Юрий Владимирович обратился ко всем присутствующим членам Политбюро, секретарям ЦК, министрам, руководству центральных ведомств и организаций. Иркутская область серьезно запущена. Если не окажем Василию Ивановичу помощь, ничего к лучшему не изменим. Считайте поручением Генерального секретаря и Политбюро оказывать ему на первых порах всяческую помощь.

Так что имей в виду, — продолжал К.У. Черненко, — тебе выдан солидный аванс, используй его на всю мощь. Не теряй времени, не стесняйся, готовь нужные документы, приезжай в Москву и действуй по горячим следам. Области будет оказана любая помощь, какая потребуется. Такое, Василий Иванович, мое тебе напутствие.

Я поблагодарил его за участие. В оставшееся время побывал у Владимира Ивановича Долгих. После демобилизации по ранению он поступил в Иркутский политехнический институт, там познакомился с супругой. Хорошо знал Иркутск. Он рассказал мне о положении дел в области, высказал свои пожелания.

Так что секретари ЦК отнеслись ко мне очень доброжелательно, старались мне помочь в меру своих возможностей.

В пятницу вечером я с Н.А. Петровичевым и С.В. Карнауховым вылетели в Иркутск. До этого я по телефону предупредил жену о своем положении.

Она меня спросила:

— Ты что, даже в Кемерово не заедешь?

— Какое Кемерово! Лечу в Иркутск. Даже не знаю, когда смогу на пару деньков вырваться домой.

Конечно, я сильно волновался. Как-то меня воспримут иркутяне? Со вторым секретарем Иркутского обкома партии А.Ф. Маловым мы были знакомы, встречались на семинарах, совещаниях в ЦК. Немного знал заведующего орготдела Семенова. Вот и все. Остальные кадры были мне неизвестны. Приходилось все начинать с чистого листа.

В аэропорту Иркутска нас встречали члены бюро обкома. Первым из самолета выходил Н.А. Петровичев, за ним С.В. Карнаухов. Когда на трапе появился я, раздался глубокий вздох стоящих поодаль встречающих. Всё ясно. Поздоровались, нас отвезли в коттедж. Перед сном я набросал текст выступления на пленуме и бюро обкома. Надо было уложиться максимум в десять минут, объяснить четко, внятно, с чем приехал... Но в ту ночь я так и не смог заснуть.

Утром я предложил Петровичеву с Карнауховым прослушать мое выступление. Они отказались.

— Что подготовил, с тем и выступишь.

В десять часов собралось бюро обкома партии. Петровичев доложил о решении Политбюро. Зачитал мою анкету. В составе бюро был рабочий. Он задал вопрос:

— А разве в нашей области не нашлось человека, которого бы можно было избрать первым секретарем обкома?

Петровичев ответил мудро.

— Конечно можно! Чего стоит один ваш директорский корпус! ЦК его ценит, однако считает, что все это достойные представители трудятся на своих местах. Василий Иванович пользуется особым доверием Политбюро, которое полагает, что ему по плечу вывести Иркутскую область в число ведущих в стране. Конечно, человек он для вас новый, но готов трудиться с большой отдачей.

Больше вопросов не задавали.

В половине одиннадцатого Петровичев представил меня секретарям горкома и райкомов партии. Прозвучали тот же вопрос и тот же ответ. Меня еще спросили, как я сам отношусь к такому выдвигению. Я сказал, что по заявлению на эту работу не нанимаются, работа вторым секретарем Кемеровского обкома партии меня вполне

устраивала. Если вы мне окажете доверие, то я вместе с вами, с вашей помощью сделаю все, чтобы Иркутская область стала мне родной, восстановила свое доброе имя...

Пленум закончился. Петровичев попросился съездить на Байкал. В воскресенье 31 марта я проводил его в Москву, а сам поехал на «23-й километр» посмотреть дачу первого секретаря. Залив Ангары, красивейшее место! Лед чистый, прозрачный. Постоял я недолго на берегу, лицо покрылось загаром...

РАБОТА В ИРКУТСКОМ ОБКОМЕ ПАРТИИ

Понедельник. Первый день работы первым секретарем. Водитель подъехал к восьми часам. Прошу проехаться по магазинам, посмотреть, чем и как торгуют. Магазин «Овощи-фрукты», — на прилавках одни банки с консервированным зеленым горошком.

— А картофеля нет?— спрашиваю продавщицу.

— Еще в декабре закончился.

— А морковь, свекла, капуста?

— Да ты что, с неба свалился?...

— Чем же вы тогда торгуете?

— Глаза разуй... Да кто ты такой?

— Первый секретарь обкома партии.

Она была поражена, чуть не креститься кинулась: свят, свят, свят, — прямо светопреставление какое!

— О проверке нас всегда предупреждали по крайней мере за неделю. Мы все здесь мыли, драили, по такому случаю нам «подбрасывали» запасы...

Мне стало неприятно от такой откровенной показухи.

Поездил еще по магазинам. Совсем плохо с молочными продуктами, мясом. Заехал на рынок. Гнетущее впечатление. Помещение страшное запущенное до предела. Вокруг грязища, подхода к рынку нет...

Приехал в обком. Меня дожидался Владимир Федорович Малахов.

— Василий Иванович, переговорить бы.

— Разумеется. И у меня есть необходимость разговора свами.

— Вы знаете, Банников не поддерживал меня, отношения у нас с ним были сложные, натянутые... — Я прервал его:

— Владимир Федорович, давай договоримся так. Мое жизненное кредо: я никогда не обсуждаю своих предшественников. Оставим ваши отношения с Банниковым в прошлом. Начнем с чистого листа. Проясним отношения. Коли Политбюро решило, так тому и быть. Сейчас для меня самая большая сложность — незнание кадров. В Кузбассе я был свой человек, знал, кого приструнить, кого поощрить. Здесь я человек новый, практически никого не знаю. Поэтому я очень рассчитываю на тебя, на твою помощь. Мне надо знакомиться с областью, быстрее вникать в дела. Ты можешь положиться на меня, я обещаю

тебе всяческую поддержку. Но имей в виду: независимо от наших отношений, я терпеть не могу лени, недобросовестности, нарушений партийной и государственной дисциплины... Тогда уж не взыщи. А про Банникова забудь. Чтобы я больше про него не слышал.

— Василий Иванович, я все понял...

Следующим входит председатель облисполкома А.Е. Соколов. Начинается та же песня про Банникова: не сложились отношения, не было поддержки, расхождения... Я ему говорю:

— Прошу вас больше никогда не ссылаться на работу с Банниковым. Начинаем с чистого листа. — Рассказал ему о беседе с В.Ф. Маловым.

После ухода Соколова я задумался: это какая-то хроническая болезнь. Надо что-то срочно предпринимать. Решил собрать на встречу работников аппарата обкома и облисполкома. На завтра, во вторник, такая встреча состоялась. Излагая свою программу действий, я подчеркнул:

— Прошу вас всех никогда больше не вспоминать о работе с Банниковым. Давайте дружно впрягаться в работу. Нам предстоит многое сделать, чтобы восстановить доброе имя Иркутской области, времени на раскачку нет... Буду поощрять инициативу, самостоятельность, изобретательность, творческий оправданный риск. Никого не дам в обиду, чем больше вы будете решать вопросов, тем лучше. Но, независимо от ва-

ших прошлых заслуг буду беспощадно карать за лень, пьянство, безынициативность, нарушение государственной и партийной дисциплины.

В зале воцарилась тишина.

Я спросил у кого есть какие вопросы.

— Все ясно.

Навстречах с городскими и районным партийно-советским активом я также стремился внести ясность. Среди местных руководителей было множество любителей охоты, рыбалки. Выезды на природу как правило сопровождались пьянками. Я всех попросил: давайте хотя бы в первые два года — никаких рыбалок, охот и тому подобных развлечений на природе. Сосредоточим усилия на том, чтобы выправить положение дел. Кто ослушается и уедет — пусть не возвращается.

В зале — мертвая тишина.

Прошло непродолжительное время. По реакции я понимал, что люди отнеслись к моим словам без понимания.

Через неделю на мой стол легла рапортчика: первый секретарь одного из райкомов и председатель райисполкома, возвращались изрядно выпившими с рыбалки на райкомовской машине. Попали в аварию, машина перевернулась... Я попросил заведующего орготдела Семенова проверить эту информацию. Все в точности подтвердилось. Собираю внеочередное бюро обко-

ма партии. Пригласили виновников, выслушали их объяснения. Они во всем признались.

— Вы помните наш разговор: кто уехал на охоту, на рыбалку, больше не возвращайтесь, так там и оставайтесь. Вношу предложение: освободить от обязанностей первого секретаря райкома партии и председателя исполкома с объявлением им строгого выговора.

Не все члены бюро меня поддержали: как это так, освободить от должности сразу двух первых руководителей? Такого в местной практике никогда не бывало.

— Не было, будет!

Настоял на своем. Состоялось решение бюро обкома партии. Я понял, что на пленум райкома надо ехать самому. Собрал секретарей парторганизаций, провел с ними беседу. Они высказали такое же сомнение, менять сразу первых руководителей не следует. Мне удалось настоять на своем. Пленум райкома избрал первым секретарем второго секретаря райкома, а сессия райсовета избрала первого зампреда райисполкома — председателем. Я заявил, что надо наводить порядок, без этого положение дел в области нам не выправить.

Пригласил журналистов, представителей средств массовой информации и попросил их, чтобы как можно шире осветить решение бюро обкома и пленума райкома. По области пошла

волна. Не только словом, но и делом за нарушения партийной и государственной дисциплины люди будут серьезно наказываться. Это был мой пробный камень. Я отчетливо понимал, что без дисциплины и единого для всех порядка, рассчитывать на успех было невозможно.

***

Вспоминается первая поездка на весенне-полевые работы. Эхерит-Балагатский район (Бурятский автономный округ). Приехал на поле. Рядом начальство района и совхоза. Вижу полное безобразие: все семена просто рассыпаны по земле, стаи птиц их клюют. Мне еще подсказывают, что птицы погибнут: семена отравлены химикатами. Интересуюсь, кто агроном? Руководители переглядываются: что-то не видно, наверное, уехал в Иркутск. Я еле сдержал себя от гнева:

— Приедет, соберите бюро райкома, накажите его вплоть до снятия с работы. За такое отношение к земле... Это же преступление, его под суд надо отдать. — Разошелся не на шутку.

Поездил по другим хозяйствам, посмотрел, как идет посевная, побеседовал с людьми. Приезжаю на обед, на стол выставляется две бутылки водки. Я спрашиваю:

— Что за праздник, по какому поводу?

— Василий Иванович, так принято, для аппетита.

— Немедленно уберите! И чтобы впредь этого никогда больше не было! Какие сейчас выпивки?! За это буду наказывать строжайшим образом.

Убрали. Пообедал, спросил у официантки, сколько я должен. Она пожалала плечами:

— Василий Иванович, за все заплачено.

— Не знаю, я не платил. — Просмотрел меню, подсчитал, выложил деньги... — Смотрю, все положили деньги...

На другой день я был в другом районе. Приезжаю на обед — никаких намеков на выпивку, все расплачиваются за обед. Сработала телефонная связь.

Во время поездок в районы я завел порядок: все вопросы, просьбы которые ставили местные руководители, мой помощник записывал. По возвращении давал поручения, устанавливал сроки, что и когда надо сделать, какие решения принять. У меня был порядок: я записывал в календаре, кто, когда, по какому вопросу должен мне доложить и с первых дней установил жесточайший спрос. Если кто-то не доложил в срок, я его вызывал по телефону и высказывал серьезные претензии:

— Вы имейте в виду, я не менее вас занят и не позволю нарушать наши договоренности. Раз уж

я обещаю, то обязательно позвоню и расскажу, как решаются ваши вопросы. Но и вы не имеете права вольно относиться к моим поручениям.

Сразу установился определенный порядок. Я перенял многое из работы аппарата ЦК. Секретарше вменено было в обязанность: если я уезжал, меня не было на месте и кто-то звонил, она вела запись, кто звонил и по какому вопросу. Когда я возвращался, она клала мне рапортчику на стол. Я попросил придерживаться такого порядка всех секретарей обкома, председателя облисполкома, заведующих, заместителей. Нужно было добиться повышения исполнительской дисциплины.

Намечалась поездка председателя облисполкома на сессию Верховного Совета РСФСР. Перед вылетом я пригласил его к себе:

— Алексей Емельянович, какие вопросы вы планируете решать в Москве, какие подготовлены письма, какие думаете посетить министерства? — Он с недоумением отвечает:

— Какие письма? Василий Иванович, я же лечу на сессию Верховного Совета.

— А разве у нас в области нет проблем, которые надо решать в центре? Как же так? Такого порядка я больше не потерплю. У нас по горло проблем! Немедленно займитесь подготовкой писем. По возвращению доложите на бюро где вы побывали, с кем встретились, какие вопросы решили, кому поручено контролировать исполнение.

— Василий Иванович, у нас никогда не было такого.

— Это не страшно. Не было, теперь будет.

***

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР я собрал заведующих отделов, попросил подготовить письма. Набрал большой перечень вопросов. Проинформировал всех членов бюро, председателей, заместителей, секретарей горкомов, райкомов партии о поручении Генерального секретаря. У кого потребность решать вопросы в центре — езжайте без стеснения, берите командировки и сами там все пробивайте. На бюро обкома я рассказал, где и какие вопросы собираюсь решать.

Прилетев в Москву я к девяти часам утра приходил в ЦК и по правительственной вертушке договаривался о встречах с нужными мне людьми. Весь день у меня был расписан по часам, а то и по минутам. Никогда не возвращался ранее десяти вечера.

Знаменательным было первое посещение председателя Госснаба В.Э. Дымшица в качестве первого секретаря Иркутского обкома.

— Вениамин Эммануилович, вы серьезно помогали Кузбассу, теперь помогите Иркутской области. Область предельно запущена, без вашей помощи мне будет тяжело работать.

Он рассмеялся:

— Ну и дела, как времена меняются! Разворот на 180 градусов!

Пригласил к себе всех своих заместителей:

— Товарищи, вы хотя бы раз видели у меня на приеме первого секретаря Иркутского обкома партии Банникова?

— Что-то не припоминаем.

— Тогда знакомьтесь: Василий Иванович Ситников, вновь избранный первый секретарь обкома партии. Передаю вам личное поручение Генерального секретаря ЦК КПСС открыть Иркутской области зеленую улицу. Все просьбы Василия Ивановича, конечно, в пределах разумного, должны выполняться четко, без промедления и бюрократических проволочек. Всем ясно? Можете быть свободны.

— Вениамин Эммануилович, спасибо за поддержку.

Заместители В.Э. Дымшица неизменно с пониманием относились ко всем моим просьбам. Искренняя им за это признательность. Постоянную помощь в моих начинаниях мне оказывал Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков.

***

Остановлюсь на самых насущных задачах, стоявших тогда перед Иркутской областью.

Самые серьезные претензии к прежнему руководству предъявлялись за запущенность сельского хозяйства. Поэтому один из самых главных наказов, полученных мною в ЦК, относился в первую очередь к исправлению положения дел на селе. Мое первое знакомство с состоянием иркутской деревни оставило у меня тяжелейшее впечатление. Десятки тысяч голов скота содержалось в так называемых «помещениях траншейного типа». Когда-то строительство таких помещений было одобрено на бюро обкома партии как передовой опыт. Тракторами рылись траншеи, вместо крыши их накрывали лесом и соломой, осенью туда загоняли скот, где он содержался до весны. Скудный корм сбрасывался сверху. К лету от животных оставались шкура да кости, стояли они еле живые по брюхо в грязи. Падеж был страшный. Эта самая настоящая дикость возмутила меня до глубины души. Кроме того, надо было немедленно кончать с другой крайностью — практикой строительства животноводческих комплексов из бетона.

В срочном порядке требовалось приступить к массовому строительству современных животноводческих помещений на 150—300 голов. Работа предстояла колоссальная. Выбрали одну из колоний, доставили туда потребное количество пилорам, организовали производство заготовок, которые потом легко можно

было собрать на месте. Хозяйствам оставалось только построить фундамент и произвести сборку конструкций. Через месяц-полтора первые такие помещения были готовы. Этого было мало. Необходимо было организовать механизированную уборку навоза, устроить кормушки и т.д., чтобы все по уму. Мы приступили к этой работе. Конечно, такую модернизацию невозможно было провести за один год, но когда я уезжал из Иркутска, на селе не осталось скота, который бы содержался в траншеях.

Второй задачей стояло обеспечение кормовой базы. По статистическим данным в области на голову крупного рогатого скота приходилось по 8-10 кормовых единиц при норме не менее 20-25. О какой продуктивности скота могла идти речь! Каждому хозяйству была поставлена задач обеспечить такую норму. С этой целью была разработана целевая программа заготовок сена, соломы, силоса, комбикормов. Постепенно положение дел стало меняться.

Разумеется, без создания условий для закрепления кадров на селе, в первую очередь молодежи, все наши начинания вылились бы в латание дыр. Здесь я использовал кемеровский опыт. Была разработана программа строительства ежегодно не менее двадцати домиков в каждом

хозяйстве. Кроме жилья надо было строить начальные школы, торговые точки, магазинчики, короче говоря, все то, что называется социальной инфраструктурой.

Не у всех и не все сразу получалось. В хороших хозяйствах программа стала выполняться с первого года. В отдельных хозяйствах сначала строилось по десять-двенадцать, пятнадцать домиков. Но таких хозяйств были единицы. Многие руководители отнеслись к этой программе ни шатко, ни валко. Пришлось ломать их психологию. Понемногу села стали оживать.

В первый год работы я много тратил времени на поездки по области. Сколько я повидал безлюдных деревень, заколоченных, брошенных домов!

Мне понравился колхоз «Парижская коммуна». Руководил им мудрый человек, настоящий, крепкий хозяин. Когда я приезжал в этот колхоз, то всегда отдыхал душой и телом. Все у него содержалось в образцовом состоянии, чистенькие, ухоженные поля радовали глаз. Колхоз рос как на дрожжах. Председатель никого не принимал со стороны. Призывался молодой человек в армию, с ним заключался контракт: возвратишься в домой, задумаешь жениться — тебе гарантируют ссуду на постройку дома. У него не было вопросов с кадрами. Всех пьяниц разогнал, заасфальтировал дороги, построил

школу, детский сад с лягушатником, прекрасный дворец культуры... Я не ошибся, не клуб, а именно дворец!... Там, где руководитель проявлял заботу о людях, вел дело по-хозяйски, все получалось и дела спорились.

Следующая программа, которую мы начали проводить на селе — строительство механизированных дворов. Посмотрев, в каком состоянии содержалась техника, я пришел в ужас. По окончании уборочных работ ее буквально бросали, она зарастала крапивой, бурьяном, ржавела, приходила в негодность. Собрал я первых руководителей городов, районов, шефствующих предприятий, договорились в каждом хозяйстве построить механизированный двор. Разработали типовые проекты таких дворов и развернули эту работу. Там, где появились такие дворы, продолжительность срока службы сельскохозяйственных машин и механизмов увеличилась почти в два-три раза. После проведения сельхозработ комбайны, плуги, сеялки, вся техника сдавалась по акту начальнику механизированного двора вымытой, вычищенной, смазанной, ставилась под навес. Было сделано великое дело. Этот опыт потом нашел одобрение и в ЦК.

Без укрепления кадров на селе было немислимо решение поставленных задач. Пришлось окунуться в эту работу, выяснять кто

на что способен, как ведет хозяйство. Пищу для размышлений давали посещения хозяйств. Затевать поголовную замену кадров было бессмысленно и опасно. Но там, где все было видно невооруженным глазом, приходилось прибегать к хирургическому вмешательству. Неспособных руководителей заменяли на квалифицированных. Это дало свои результаты. При этом я всегда был сторонником бережного отношения к кадрам. Но никаких послажек, послаблений не допускал. Кадровые решения принимались только после тщательного изучения. Опыт в таком деле у меня был достаточный.

Программа подъема села предусматривала строгий контроль за деятельностью руководителей на местах. Вошли в практику ежегодные объезды районов с ответственными работниками. Подводились итоги выполнения программ, о которых я говорил. Спрос учинялся невероятный. Потом перешли к практике поездок по районам раз в полгода. Система ежегодных, а потом и полугодовых объездов, контроль за исполнением программ позволяли оперативно исправлять положение дел в хозяйствах, где допускались отставания.

Особое внимание обращалось на извечную проблему российского бездорожья. Большую

помощь области оказывал министр сельского дорожного строительства В.М. Видьманов. В этом деле был сделан существенный прорыв.

В первый год моей работы в Иркутской области шли проливные дожди и все наши водохранилища были переполнены. Я решил обратиться к Ю.В. Андропову с просьбой разрешить Иркутской области использовать избыток электроэнергии для отопления села.

В приемной меня попросили не задерживать генсека, он уезжал на курорт. Как правило, на приеме у Генерального секретаря готовили один сложный вопрос, второй попроще, а третий полегче, чтобы особо не загружать. А у меня была одна главная проблема. Рассказав о положении дел в области, я сказал:

— Юрий Владимирович, прошу вас в порядке исключения разрешить Иркутской области использовать имеющийся у нас избыток электроэнергии пустить для нужд села.

— Нет, Василий Иванович, этого я разрешить не могу. Дадим вам разрешение — поднимется волна из других областей, создадим прецедент, чем это обернется вы должны понимать...

Я ему рассказал, что область имеет избыток электроэнергии, мою просьбу поддерживает Аркадий Иванович Вольский. В то время он был помощником генсека.

Он вызвал Вольского.

— Ты действительно поддерживаешь идею Василия Ивановича?

— Юрий Владимирович, Иркутская область действительно располагает всеми возможностями использовать электроэнергию для отопления села.

— Тогда пиши свою резолюцию на письме, я его подпишу.

Вольский написал резолюцию, Андропов поставил свою подпись.

Я вздохнул с облегчением. Уже выходя из кабинета, Андропов меня попросил:

— Василий Иванович, не вздумай кому-нибудь похвастаться. Спрячь это разрешение подальше. Аркадий Иванович проследит за выполнением вашей просьбы.

Когда я вернулся в Иркутск и рассказал о том, что получил разрешение Андропова, мне никто не поверил. Пришлось показать документ с подписью генсека.

Но все было не так-то просто. Разрешение разрешением, требовалась еще огромная работа по сетям, которые не были рассчитаны на новые нагрузки... Но там, где хозяйства были более или менее подготовлены, имели некоторую материальную базу, там начался перевод на электрокотельные. Каждое хозяйство имело свою программу электрификации, замене

трансформаторов, строительства электрических сетей... Но это был уже последний год моей работы в Иркутске. Это большое дело мне не удалось довести до конца.

Проведению в жизнь программы подъема иркутского села огромную помощь оказывал Госснаб. Отношение к селянам изменилось, и они понемногу начали менять свой облик, улучшилось производственные показатели, увеличилось снабжение населения мясом, молоком, овощами, фруктами.

***

Обширная программа по выведению сельского хозяйства из запущенного состояния требовала не только большой самоотдачи, дисциплины, изобретательности, но и большой ответственности. Не все воспринимали требования областного комитета партии, выдвинутую им программу, как свое личное дело. Пришлось вносить изменения в кадровый состав руководства колхозов и совхозов, подбирать думающих, инициативных людей, которые могли бы вписаться в систему общей работы. Строгий спрос за порученные дела был одним из важнейших условий решения задачи подъема сельскохозяйственного производства.

Я часто бывал в хозяйствах. Меня особенно привлекла идея хозподряда, когда за бригадой закреплялся определенный участок земли, необходимая техника, а заработная плата устанавливалась в зависимости от итогов работы. Посещения хозподрядных бригад вызывало у меня большое удовлетворение. Как-то приезжаю я во время посевной в одну из таких бригад. Солнце светит, тепло, бригада отдыхает. Я подошел к ним:

— Ребята, а что же вы сидите? — Бригадир мне отвечает:

— Василий Иванович, мы сами определим, когда нам сеять и чем заниматься. У нас опыта в этом деле побольше вашего. За результаты мы ответим рублем. Вы бы нам лучше рассказали, как идут дела в области, что нового в международных делах. А когда сеять мы решим сами.

Я удивился такому ответу. Думаю, люди действительно признали идею хозподряда. И он давал хорошие результаты.

Мне привели как-то любопытный пример. Один из руководителей области, не хочу здесь называть фамилию, как-то так подъезжает к механизаторам во время сенокоса:

— Здорово, ребята!

— Здорово, барин...

Был такой курьез. На селе надо держать ухо востро, не допускать никаких вольностей.

Припоминается мне и другой пример. Как-то приехал я в колхоз Ильича Иркутского района. Хороший председатель, немец, хозяйство из числа благополучных.

— Василий Иванович, — обратился он ко мне, — в этом году у нас небывалый урожай огурцов, а торговля отказывается их принимать. Выбрасывать жалко, а деваться некуда. Пробовали скармливать огурцы свиньям, но такой корм им пошел не впрок.

— Это безобразие. У тебя в хозяйстве столько женщин-мастериц! Найдите бочки, пустите огурцы на засолку... А с малосольными огурцами езжайте в город, к институтам, сейчас у студентов сессия, торгуйте по 15 копеек за огурец... И не надо гноить, выбрасывать, использовать свиньям непригодный корм.

Он воспринял этот совет. Организовал производство солений и начал торговать. Потом пошли в ход списанные с угольных предприятий вагонетки, проложили вглубь водоема узкоколейку. Бочки закатывали, грузили в вагонетки и загоняли на зиму в водоем. Ближе к весне в феврале-марте вагонетки выкатывали, бочки с соленьями отправляли в торговлю. Так люди проявляли хозяйственную инициативу.

○ Когда мы спустя время встретились, он мне сказал:

— Василий Иванович, за такой совет вас надо как-то поощрить.

— Да не надо мне никакого поощрения, лучше проявляйте изобретательность, тогда и все дела у вас пойдут на лад.

***

К числу крупных социальных программ, которые предстояло осуществить в Иркутской области, относилось строительство жилья. Когда я принял на себя руководство, в области строилось около 600 тыс. кв. м. в год, в то время как в Кузбассе — 1600 тыс. кв. м. Между тем, думал я, область располагает всеми необходимыми ресурсами для подъема жилищного строительства. И с какой стати сидеть здесь сложа руки? Надо было браться за дело.

Мне помог совет Б.Н. Ельцина. Он прилетал к нам в командировку и мы с ним несколько дней провели в поездках по области, побывали в Братске, Усть-Илимске, Ангарске. На сон отводилось 5-6 часов, все остальное время — работа. Он был потрясен гигантскими масштабами наших предприятий. Когда мы с ним побывали на «Ангарскнефтеоргсинтезе» он даже не поверил. Об

этой поездке у меня остались хорошие воспоминания.

В одной из бесед я поделился с ним тревогой за состояние дел со строительством жилья.

— Могу поделиться с тобой собственным опытом, — ответил он. Что мы сделали в Свердловской области? В первую очередь занялись основательным укреплением базы стройиндустрии. Провели реконструкцию, резко увеличили мощности предприятий крупнопанельного домостроения, а затем и других строительных предприятий. И у нас стало получаться. Уверен, что и у вас все получится. Было бы желание.

Я воспользовался этим добрым советом. Курс на наращивание мощности стройиндустрии оказался верным. За счет этого мы серьезно поправили положение дел. Ко времени моего отъезда из Иркутска строительство жилья в области превысило 1200 тыс. кв. м., т.е. увеличилось более чем в два раза.

Активное участие в строительстве жилья приняла наша молодежь. Мы поручили областному комсомольскому активу шефство над строительством домов. Намечено строительство, выделен участок, сделан проект — начинайте с нуля. Выделяйте людей, в выходные дни приходите на стройку с семьями, сами распределяйте жилплощадь, сделайте так,

чтобы каждый знал заранее, какую квартиру получит. У молодых семей появится реальный стимул.

На сдачу первого такого дома в Ангарске меня пригласили как на праздник. Впоследствии подобный опыт молодежного участия в жилищном строительстве хорошо прижился. Положение с жильем менялось к лучшему.

Надо было всерьез заняться приведением в порядок улиц, тротуаров, благоустройством микрорайонов. Особое внимание обращалось на благоустройство дорог. Дороги — это лицо области. Байкал всегда привлекал множество иностранных туристов. А трасса Иркутск — Байкал находилась в крайне неприглядном состоянии. Чтобы не позорить страну перед зарубежными гостями, я дал указание привести ее в надлежащий порядок. Работа там кипела целое лето. В результате дорога приобрела приличный вид.

***

Я прилетел в Иркутск с одним чемоданчиком. Прошло время, в конце апреля я слетал домой в Кемерово забрать кое-какие вещи. В аэропорту меня встречали уже как первого секретаря обкома партии. Бывшие коллеги устроили мне сердечный прием, пожелали

успехов в работе. Соревнование Кузбасса с Иркутской областью активно продолжалось за все время моей работы.

Впервые я входил в здание Иркутского обкома партии как рядовой член партии, а вышел уже охраняемой персоной. В коттедже, где я жил, был установлен круглосуточный милицейский пост. Поначалу меня это очень стесняло. Как-то я сказал начальнику областного комитета госбезопасности:

— Зачем это нужно? От кого меня охранять? Иду словно под конвоем.

— Василий Иванович, таков порядок, не вам его отменять.

***

Я завел себе правило перед каждым посещением предприятия изучать статистические показатели его деятельности. На встречи с коллективами я шел, зная реальное состояние дел. Как правило свои посещения я начинал с осмотра туалета. Если сталкивался с антисанитарией, беспорядком, я сразу же говорил руководству:

— Больше мне смотреть у вас нечего. Если туалет находится в таком непристойном, срамном состоянии, то и производство, надо думать, ничем не лучше.

Конечно, при таких посещениях первым лицам стараются создать выгодное впечатление, демонстрируют самое достойное. Хорошо понимая это, я сам определял, какие заводы, колхозы, совхозы, стройки мне нужно посетить, а не те, которые мне предлагали или куда меня старались увести. Предварительный анализ ситуации в том или ином районе позволял мне более эффективно использовать свое время для изучения обстановки на местах.

Мой помощник вел реестр всем моим требованиям к руководителям предприятий с обязательным указанием сроков их исполнения. Ко мне обращались со многими вопросами. Они также в обязательном порядке фиксировались, как и данные мною соответствующие поручения. Помощник или я сам созванивался с тем или иным руководителем и сообщал ему, кто и когда будет решать поставленные им вопросы. Такая практика давала хорошие результаты.

К сожалению, не все руководители оказались способными воспринимать мои требования. Но об этом позже.

***

Во время заготовки кормов я проводил объезды самых дальних районов. Для этого на-

чальник железной дороги выделил мне свой личный вагон. Приезжал рано утром, меня встречали первый секретарь райкома и председатель райисполкома. Мы вместе начинали объезд района.

Иногда я с руководителями района совершали облет территории на вертолете. Летим, смотрим, как идет заготовка кормов. Садимся, беседуем с людьми. Вторую половину дня объезжали поля, встречались с руководителями колхозов, совхозов. К вечеру меня подвозили к поезду, а наутро я уже был в другом районе. Так проходил день за днем. Такие объезды позволяли мне лучше узнавать, кто и как организует дело.

Самое большое богатство Иркутской области это, безусловно, замечательные люди. Высококвалифицированные специалисты, фанатично преданные и влюбленные в свой край, очень отзывчивые. Все мои обращения к руководителям предприятий, шефствующих организаций, по выполнению программы подъема села воспринимались с большой ответственностью. Я всегда вспоминаю с величайшей благодарностью всех руководителей, с которыми мне пришлось работать в Иркутской области.

***

Иркутская область богата творческой интеллигенцией. Писатели, поэты, художники. Встречи с ними были для меня очень приятны и познавательны. Люди эти влюбленные в свой край, много сделали для развития его культуры. К концу моей работы было одобрено наше предложение о создании Сибирского отделения Академии медицинских наук.

Область богата музеями. Много декабристов были сосланы в Иркутскую область. И в тех местах, где они проживали и в самом Иркутске иркутяне очень бережно относятся к этим музеям. Но особенно меня поразила музей изобразительных искусств. Такое обилие великолепных художественных произведений!... В свое время я пригласил министра культуры Демичева заглянуть в наш музей изобразительных искусств.

— Василий Иванович, я что, музей не видел? Чем ты меня захотел удивить?

Я его все-таки уговорил. И не ошибся. Он настолько увлекся, что бродил по музею вместо отведенных тридцати минут целых четыре часа и я никак его не мог оторвать от картин... К нам даже приезжали эксперты из Эрмитажа, предлагали на обмен два полотна, но я занял жесткую позицию и в категори-

ческой форме отказал. Достояние иркутян, решил я, должно храниться только в нашем городе.

***

В Иркутске располагалось генконсульство Монголии. Я нередко встречался с генконсулом, у нас с ним сложились добрые отношения. Здесь же я познакомился со многими членами Политбюро ЦК МНРП, руководителями МНР. Когда они летели в Москву, то всегда останавливались для дозаправки самолета Иркутске примерно на час. По долгу службы я их встречал и провожал.

ПОЕЗДКА В ФРГ

Иркутская область располагает громадными лесными запасами, а использовалось из всего лишь на 40 %. Остальное — в отходы. Меня очень волновал вопрос как добиться безотходного использования этих богатств. Самым большим бедствием были лесные пожары, но не только из-за этого.

После моего выступления на XXVII съезде партии руководство СДПГ сделало мне приглашение посетить ФРГ и рассказать об итогах съезда применительно к развитию Иркутской области.

Дело в том, что за год до съезда область посетили два первых заместителя председателя СДПГ Эген Бар и Хорст Эмке.

На Байкал они приехали с женами. По их просьбе мы поселили их не в коттеджах, а в домиках попроще, чтобы почувствовать близость к природе. Буквально в километре от Байкала стоял «домик рыбака». Крупные, мощные бревна, классическая сибирская изба, рядом банька. Разумеется, все удобства. Немцы были страшно довольны. Несколько раз я приезжал к ним с женой. Ужинали, любовались природой и как-то

незаметно друг для друга близко познакомились. Им-то я и обязан предложением председателя СДПГ посетить ФРГ.

Ранее я уже был в ФРГ по приглашению Германской коммунистической партии. Но в этот раз было совсем другое дело. СДПГ — правящая партия. Встречали меня у самого трапа, моим переводчиком был референт из ЦК партии. В Бонне нас разместили в шикарной гостинице. Они использовали меня на 200 %. Подъем в 7 часов утра, в 8 завтрак, возвращался я не раньше 11 вечера.

На встрече со мной руководители СДПГ решили собрать партийный актив. Х. Эмке меня попросил постараться не затягивать выступление. Мне отводилось не более получаса. Кроме того, я не должен был читать на трибуне, у них это не принято. Люди должны чувствовать, что говорят от души.

Текст выступления у меня был написан. Референт мне сказал:

— Василий Иванович, не беспокойтесь. Если вы что-то не так скажете, я переведу как надо.

Встреча была назначена на 4 часа. Огромный зал, человек, наверное, 800. Когда я вышел за трибуну, меня прошиб холодный пот. Ничего себе, думаю, партийный актив. Эмке меня представил аудитории... Два первых предложения я от волнения все же прочитал. А потом вдруг появилась уверенность, я почувствовал себя довольно рас-

кованно и больше не заглядывал в бумажки. Вместо 30 минут я говорил более 40. Зал слушал меня с большим вниманием. Но это было лишь начало, после которого я более двух часов отвечал на вопросы. Среди них были если не провокационные, то близко к этому, например:

— Япония неоднократно высказывала недовольство по поводу строительства БАМа. Поскольку эта магистраль имеет стратегическое значение, то она будто бы создает угрозу ее безопасности. Как вы это прокомментируете?

— Господин Ситников, правда ли, что на строительстве БАМа используется труд заключенных? — Это в зарубежной печати часто проскальзывало.

Утром следующего дня я получил приглашение посмотреть, как идет безотходная заготовка и переработка леса недалеко от Бонна по технологии фирмы «Браун».

***

Не могу не упомянуть о посещении округа-побратима Карлмаркштадт (ГДР). На одном из приемов я произнес такой тост:

— Мы с вами не только побратимы, у нас еще есть родственные связи. Вы спрашиваете — какие? Мой младший сын женат на девушке, которая родилась в Карлмаркштадте.

Все были поражены. Я объяснил:

— В Карлмарксштадте стояла наша воинская часть, где долгое время служил отец моей невестки. Там и родились две сестры, одна из которых стала женой моего сына.

Через год делегация Карлмарксштадта приехала в Иркутск. Мы с ними посетили Ангарск, Братск, Усть-Илимск, съездили на Байкал. Такие встречи придавали импульс взаимопониманию и установлению хороших связей.

***

Незабываема поездка в составе партийной делегации КПСС на Шестой съезд Коммунистической партии Вьетнама. Ее возглавлял Егор Кузьмич Лигачев; в составе делегации было еще три человека: секретарь ЦК Медведев, наш посол и я. Съезд проходил в сложной обстановке. Ушел из жизни товарищ Ле Зуан. Политбюро ЦК КПВ состояло из очень пожилых людей, которые никак не могли определиться с выбором Первого секретаря. Егор Кузьмич проявил мудрость, чтобы помочь им определиться. Остановились на одном из старейших членов Политбюро, чтобы за год-два подготовить замену из молодых. Состоялись интересные встречи, выступления на митингах русской колонии в Хошимине.

ПОЕЗДКА В КНДР

Вспоминаю поездку в Северную Корею во главе делегации Иркутской области по поводу с 25-летней годовщины заключения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и КНДР.

Когда Ким Ир Сен ехал на заключение договора останавливался в Иркутске. Он пробыл два дня, съездил на Байкал, для него была организована рыбалка. Все это было заснято и когда поступило предложение, я попросил из сделать копию этой кинохроники с тем, чтобы вручить ему эту видеозапись.

Зная о том, что Ким Ир Сен любил подарки, я попросил умельцев изготовить байкальский сувенир: омулевую бочку, парус, с включением дорогих камней.

В Пхеньян со мной вылетели заместитель председателя облисполкома И.М. Мельников, первый секретарь Ангарского горкома партии, заведующий международным отделом Недашковский и тележурналист — всего пять человек. Кроме нашей делегации на

праздник прибыла партийно-советская делегация во главе с первым секретарем Ленинградского обкома партии Соловьевым, делегация от Тихоокеанского флота во главе с командующим и делегация от хабаровской авиадивизии.

Нас разместили в живописном месте. Мне были отведены апартаменты, где когда-то останавливался Алексей Николаевич Косыгин. Наряду с участием в праздновании 25-летия заключения договора, в программу нашего пребывания входила поездка в округ Вансен, с которым Иркутская область была побратимом.

Мы сразу попали под опеку секретаря советского посольства в КНДР Виталий Николаевич Брага. Его просьбы и советы звучали несколько диковато: вести себя осмотрительно, все разговоры — за пределами гостиницы, еще лучше — за пределами лесопарка, в котором расположены коттеджи: идет прослушка; не закрывать чемоданы на замки, иначе они будут взломаны и т.п.

Первые впечатления от поездки по Пхеньяну. Город поразил нас идеальной чистотой, опрятностью. Много любопытных зданий в национальном стиле: Триумфальная арка, Дом науки — потрясающий по красоте образец национальной архитектуры. Все

пхеньянцы, как мужчины, так и женщины, одеты в абсолютно одинаковую одежду. На лифте мы поднимались на смотровую площадку, посетили знаменитую стелу чучхе, осмотрели музейную экспозицию учения чучхе, возложили венки к памятникам корейским и советским воинам, сфотографировались с пионерами..

Вечером возвращаюсь в номер и вижу: мой чемодан валяется на полу открытым, все вещи перерыты. Я захватил с собой сувенирные шахтерские лампы на батарейках — лампочки и батарейки исчезли. Пришлось выяснять отношения с сопровождающим офицером из комитета госбезопасности:

— Позвольте! Что же вы делаете? Прошу вас объяснить, на каком основании рылись в моих вещах, почему все разбросано?... Ведь мы здесь по приглашению вашего вождя Ким Ир Сена. Как это понимать?

— Одну минуточку, сейчас разберемся. — Исчез. Возвращается:

— Товарищ Ситников, это уборщица уронила ваш чемодан, она будет наказана. Мы приносим свои извинения...

На другой день мы были свидетелями грандиозного празднества на стадионе. Блестящее, неопишуемое зрелище. Яркие живые фигуры, картины, плакаты, слоганы, портреты Ким Ир Сена и

Горбачева. Праздник произвел на меня неизгладимое впечатление.

Вечером в Театре оперы и балета — торжественное собрание. Я был приглашен в президиум. С приветствием к корейскому народу выступил Соловьев. После собрания состоялся концерт. Я был в восторге особенно от выступлений самодеятельных коллективов, голоса, мелодии, хореография, режиссура — выше всяких похвал.

Вечер завершился государственным приемом. Примечательно, что на этих торжествах Ким Ир Сена не было, он находился в санатории, где лечил ноги в радоновом источнике.

Прием идет к концу, ко мне подходит корейский сопровождающий:

— Василий Иванович, вас с Мельниковым сейчас отвезут в аэропорт, завтра вам предстоит встреча с вождем товарищем Ким Ир Сеном.

— Дайте нам хотя бы заехать в гостиницу...

— Ничего с собой брать не надо, все необходимое для вас будет приготовлено.

... 45 минут лёта. Снижаемся, вглядываюсь в иллюминатор — тропический ливень. У трапов нас ожидают машины. Проливной дождь, темень, кроме света от фар не видно низги. Через час останавливаемся перед мощными воротами. Въезжаем. Размещаемся в коттедже. У меня ши-

карные апартаменты, у Мельникова попроще, но все равно очень приятно. Заглянул в холодильник — все, что душе угодно, заправлен по высшему классу. Несмотря на это нас пригласили на ужин.

Утром пошли знакомиться с местностью. Кругом горы, речка, удивительно красивая природа. К берегу протянулась асфальтовая тропинка, по ней прогуливается вождь Ким Ир Сен. Вот беседка у реки, где он отдыхает...

Внезапно нас просят сесть в машину, метров через двести останавливаемся у здания в корейском национальном стиле. Наша партийно-советская делегация уже здесь. Открываются двери из дорогого дерева, выходит Ким Ир Сен, за ним министр иностранных дел. Поздоровались.

Я преподнес ему видеокассету с хроникой 25-летней давности его пребывания в Иркутске и байкальский сувенир, инкрустированный нашими умельцами драгоценными камнями. Он поблагодарил меня. После двух-трехминутной беседы он извинился и направился к делегациям Тихоокеанского флота и военных летчиков.

Затем Ким Ир Сен пригласил нас за стол. Меня уже трудно было чем-либо удивить, но то, что я увидел превзошло все ожидания. Я не удержался:

— Товарищ Ким Ир Сен, как же можно такую красоту нарушать?

— Ничего, товарищ Ситников, нарушайте.

Разливают водку, трещат кинокамеры. Соловьев говорит:

— Товарищ Ким Ир Сен, распорядитесь, пожалуйста, пусть прекратят съемку, у нас же в стране «сухой закон». Если такие кадры попадут на наше телевидение, нам нельзя будет возвращаться.

— Товарищ Соловьев, разве мы выпиваем? Мы — лечимся! Это чудесный женьшеневый напиток, способствующий оздоровлению организма. Впрочем, если у вас возникнут какие-то неприятности, я лично позвоню Горбачеву и все ему объясню.

Обед проходил в совершенно непринужденной обстановке. Ким Ир Сен оказался чрезвычайно общительным человеком. Ему уже было далеко за семьдесят, но он сохранил прекрасную память... Вспоминая о своих советских товарищах, он начал перечислять их. Переводчик запутался. Ким ему говорит:

— Я уже старик, но еще помню имена всех моих друзей, а ты такой молодой, а память уже неважная.

Всё, готов переводчик.

На прощание Ким Ир Сен вручил нам подарки: женшеневый напиток, картины и альбом с фотографиями нашего пребывания.

Вылетели в Пхеньян. Я разговорился с сопровождающим:

— Час тому назад мы распрощались с вашим вождем товарищем Ким Ир Сенем, пожали друг другу руки, по-братски расцеловались...

С удивительно серьезной физиономией он меня попросил:

— Василий Иванович, можно потрогать вашу руку? Ее держал наш великий вождь...

Я не совсем удачно пошутил:

— Я теперь неделю не буду мыть руку в память о рукопожатии вождя.

Он совершенно не понял моего сарказма...

Запомнилось посещение детского сада. Все дети одеты в одинаковую форму, которая передается из старшей группы в младшую. Все чистенько, аккуратно. Перед рельефной картой КНДР воспитательница проводила с детьми занятия.

— Здесь родился наш великий вождь товарищ Ким Ир Сен. Когда он был маленьким, он пошел в сад, сорвал яблоко и подарил его деду. Дети, кто может рассказать о детстве нашего великого вождя? — Все тянут вверх ручки, выходит девочка:

— Когда наш великий вождь товарищ Ким Ир Сен был маленький, он пошел в сад, сорвал яблоко и подарил его маме.

Все снова тянут ручки. Выходит мальчик и четко пересказывает воспитательницу...

По дороге в Вансен мы остановились перекусить в ресторанчике. На столе стоит большая бутылка с желтоватой жидкостью, в которой плавают несколько змей — национальная корейская водка. Члены делегации опробовали ее, а я побрезговал, не смог себя переломить.

Вансен оказался опрятным зеленым городком, расположенным на берегу океанской бухты. У причала множество кораблей, в том числе и наших. Глава округа нам сказал, что здесь расположена зона отдыха для иностранных туристов. Я поинтересовался:

— А где же отдыхают трудящиеся?

— Великий вождь сказал, что отдохнем, когда Корея станет единой.

Они работают круглый год без всяких отпусков.

В Вансене исполнилась моя мечта — я искупался в тихоокеанской бухте.

Поездка на границу с Южной Кореей. Нейтральная зона. Все опутано колючей проволокой. Обстановка соответствующая.

Руководитель округа дал ужин в одном из приморских рестораничков. Я попросил его не угощать нас местными блюдами. Нам предложили куски кровяного мяса, которые мы сами обжарили на раскаленном огне спиртовки булжнике. С палочками я так и не смог справиться, пришлось обратиться за помощью к официанту. Попробовал кусочек мяса — какой-то странный, не особенно приятный привкус. Я перешел на рыбу. Между тем члены делегации с удовольствием уничтожили первую порцию мяса, заказали вторую, заправились как следует. Когда мы выходили из ресторана, я спросил, что за мясо нам подавали? — Ответ был такой:

— Вон по двору бегают...

Первый секретарь Ангарского горкома партии сразу кинулся в кусты... Не сдержался, пронесло человека. Потом он четыре дня питался сухарями...

Моя поездка в Северную Корею закончилась без приключений.

***

Я обычно ходил на работу пешком по набережной Ангары. Это занимало у меня полчаса. По пути встречался с дворниками. Они мне давали информацию, где молоко вовремя не под-

везли, где какие перебои с продуктами. Я приходил на работу с некоторым заделом информации о состоянии дел в городе.

По характеру я человек аккуратный, поэтому терпеть не мог опаздания. Я расценивал это как неуважение к людям. Такую привычку к пунктуальности пришлось прививать в аппарате. Я всегда придерживался правила: как хочешь, чтобы к тебе относились, так сам и поступай.

Вспоминаю случай из первых дней работы. Назначил я аппаратное совещание. Все собрались, нет только заведующего орготделом Семёнова. Минут через пятнадцать он появляется. Я не стал делать ему замечание, а когда закончилось совещание, оставил и спросил, почему он так неуважительно относится к своим коллегам по работе?

— Вас и впредь одного ожидать, или как вы прикажете мне поступать?

Он начал объяснять, что мол звонили по межгороду.

— И это вы называете уважительной причиной? Это просто смешно. Я прошу вас впредь не допускать неуважительного отношения к своим товарищам.

В Кемеровском обкоме партии было заведено: по субботам все заведующие отделами работали

до обеда, приходил на работу и первый секретарь. Каждая суббота у нас была рабочей.

В субботу перед работой я заехал на рынок, посмотрел, как торгуют. Приехал в обком, смотрю, никого из работников нет.

В понедельник на аппаратном совещании я сказал:

— В связи с обстановкой в области суббота объявляется рабочей. Я прошу всех заведующих, заместителей заведующих отделов, являться на работу в субботу к десяти часам. Сейчас требуется особое напряжение сил. Думаю, что каждый из вас найдет себе работу.

Хорошо, прослушали...

В субботу приезжаю на работу, дежурный постовой меня спрашивает:

— Василий Иванович, что случилось? Сегодня с утра прямо столпотворение какое-то.

Все на месте, работа идет, Семенова снова нет. В понедельник приглашаю его.

— Мы же с вами обо всем договорились, вашего возражения я не слышал. Почему вас не было на работе в субботу?

— Вы тут мной не командуйте! Я ведь свои права знаю!

Да, думаю, тяжелый случай.

— Послушайте, или вы будете выполнять то, что я говорю, или нам придется расстаться. По старинке, как было когда-то, работать я вам не дам. Настоятельно советую вам как можно скорее впрягаться в общую упряжку, сейчас самое неподходящее время впадать в амбиции. Нужно исправлять положение дел в области, впереди напряженная, усердная, терпеливая работа.

Такой неллицеприятный разговор состоялся между нами. Мне показалось, что он понял меня. Однако, как показало время, я ошибался.

***

В мае в Иркутск приехала супруга. В воскресенье пошли мы с ней на рынок. Накануне прошел ливень. У входа на рынок образовалась огромная лужа. На кирпичи брошены доски, люди по ним перебираются. Впереди нас шла старушка, поскользнулась и упала прямо в лужу. Жена с укором взглянула на меня.

В понедельник с утра я собрал все городское и районное руководство у рынка. Картина все та же. Я на них посмотрел...

— Василий Иванович, все поняли.

— Недостаточно поняли. Рынок — лицо города. Посмотрите, в каком состоянии он находится.

ся! Вопиющая безалаберность! Повсюду грязь, убожество, ни водопровода, ни канализации, как же вы так живете?... Соберите директоров, дайте каждому задания: кто отвечает за асфальтирование, кто должен подвести воду, отремонтировать канализацию, электричество, кто поставит плитку, кто займется отделочными работами. Рынок должен создавать у горожан праздничное настроение... Даю вам месяц, не успеете — пеняйте на себя.

Работы велись круглосуточно. Меньше чем через месяц все было кончено. Я приехал осмотреть новый рынок — великолепно!

— Василий Иванович, нам даже самим нравится.

Раз вам самим нравится, подумал я, значит все поправимо.

Потом иркутяне говорили, мы на рынок ходим, как в театр...

***

Даже невооруженным глазом было видно, что организация торговли не соответствовала запросам горожан. Надо было искать выход из создавшегося положения, принимать срочные меры. Пригласил к себе всех первых секретарей горкомов, райкомов партии, председателей гор- и райисполкомов.

На встрече договорились установить новый порядок торговли на рынке: неделю торгует Иркутский район. У него собственный мясокомбинат, молочный завод, хлебозавод, есть пригородные овощные хозяйства. На следующей неделе на рынок выходит другой район, за ними все остальные. Всего 26 районов. Через 26 недель повторим. Таким образом каждый район будет иметь возможность проявить и зарекомендовать себя на рынке Иркутска.

Первым вышел на рынок Иркутский район. Все члены бюро обкома, члены облисполкома собрались с утра у входа на рынок. Прошлись по рядам: бойко торгуют мясом, молочными продуктами, овощами, выпечкой — все нарасхват. Постепенно организация торговли становилась на новые рельсы.

Как-то молодой секретарь одного из райкомов спросил меня, что мол мы живем в тайге, чем нам-то торговать?

Я ему ответил:

— Ты же знаешь наших женщин-сибирячек, они всегда впрок готовят соленья: капусту, помидоры, огурцы. Подключи потребкооперацию, пускай организуют заготовку. Кроме того, у тебя в районе охотничье хозяйство, торгуй дичью, лосятиной...

Когда подошли дни этого района за мясом очереди были меньше, чем за соленьями.

Так был благоустроен рынок, организована торговля. Правда, не обошлось без неприятностей. Через пару недель ко мне приходит главврач санэпидстанции и заявляет, что такую торговлю он вынужден будет прикрыть. Мол, что там заготавливают по деревням — неизвестно. Где гарантия от инфекции, отравления? Я сказал, что отравления происходит совсем не от солений. Каждая хозяйка старается делать для себя и здесь ничего не может быть.

— Василий Иванович, тогда вся ответственность ложится на вас.

***

Промелькнули несколько дней работы в Иркутске. Дом, в котором я жил, находился рядом со стадионом. Я заглянул туда и был неприятно поражен увиденным. Сиденья на трибунах сгнили, вокруг убогость — дальше некуда. Я вспомнил, как реконструировался стадион в Кемерово и принял решение. Пригласил проектировщиков и поставил перед ними задачу подготовить проект реконструкции стадиона на 30 тысяч мест... С председателем спорткомитета и президентом федерации я догово-

рился о проведении в Иркутске международного турнира по хоккею с мячом на приз газеты «Советская Россия». Также, как когда-то в Кемерове.

Через полтора месяца проект был готов. Я пригласил руководителей крупнейших предприятий Иркутска, секретарей партийных и комсомольских организаций, председателей профкомов. Авторы представили проект реконструкции, рассказал о том, какая предстоит работа. Его слушали с недоумением. Когда он закончил, я взял слово:

— Теперь давайте решим на берегу: возьмем-ся за реконструкцию стадиона?

— Василий Иванович, дело хорошее, да ведь денег-то нет.

— Будем строить «колхозно-кооперативным» способом.

Я рассказал, как реконструировался стадион в Кемерове.

Все пожали плечами. Поставил на голосование. К моему удивлению не было ни одного даже воздержавшегося.

Началась стройка. И так же как когда-то в Кемерове я каждое утро бывал на стадионе, наблюдал за началом работ, в обед приезжал, возвращался домой, заходил на стадион, смотрел, что сделано за день, какие воз-

никили проблемы. Бригадиры докладывают: раствор вовремя не подвезли, арматуру не поставили, задерживается поставка пиломатериала. Тут же вызывал руководителей и просил их немедленно устранить все проблемы.

Стадион готов для проведения международного турнира.

Помню, как-то я проходил мимо стадиона, слышу, болельщики что-то горячо обсуждают. Я остановился:

— О чем шумим, что обсуждаем?

— Василий Иванович, когда начиналась реконструкция стадиона, все посчитали это очередной авантюрой. Разве за такие сроки можно реконструировать наш стадион? Мы не верили в эту затею, которую вы организовали. Мы признательны вам. Стадион просто красавец.

Когда отмечалось 350-летие Иркутска на стадионе собралось более 30 тысяч человек, было устроено театрализованное представление. Зрителям представили в живых картинах всю историю города. Режиссура была замечательная. Были привлечены театральные и самодеятельные коллективы, оркестры... В общем праздник получился на славу.

***

Вспоминаю, как была организована работа по приведению в порядок Иркутска. В этом деле я использовал опыт дончан. Я уже упоминал о том, что нередко выезжал в Донецк во главе делегации Кузбасса на подведение итогов соревнования.

Усилиями первого секретаря Донецкого обкома Владимира Ивановича Дегтярева шахтерский Донецк был превращен в цветущий город-сад, удостоен международной премии ЮНЕСКО... Идея Дегтярева осуществлялась следующим образом. Весь Донецк был разбит на микрорайоны, за каждым из них закреплялось шефское предприятие, отвечающее за благоустройство дворов, детских площадок, озеленение улиц, скверов, газонов, санитарное состояние. Три раза в месяц вместе с районным руководством он объезжал город, в каждом микрорайоне следовала остановка, осмотр, каждый мог высказать свои замечания. Развернулось соревнование за лучший микрорайон. Появится где детская площадка с разными забавами, другие стараются сделать, чтобы у них еще лучше было. Такое доброе соревнование превратило Донецк в один из самых благоустроенных индустриальных городов мира.

Этот опыт я и решил использовать в Иркутске. Разбили Иркутск на микрорайоны, собрали руководителей, поставили перед ними задачу, еженедельно проводился объезд с подведением итогов, кто как содержит свой микрорайон. Развернулось соревнование за лучший микрорайон.

Иркутск изумительно красивый город, особенно центральная, историческая его часть, со множеством старинных зданий и особняков. Все они уже давно требовали не простого косметического ремонта, а гораздо большего. У меня возникла мысль позвонить первому секретарю Ленинградского обкома Л.Н. Зайкову, который обладал богатым опытом организации реставрационных работ. Я попросил его направить к нам месяца на три партию знающих свое дело реставраторов. Сделаем благое дело, приведем Иркутск в порядок.

Он отнесся к моей просьбе с пониманием. В Иркутск приехали ленинградские мастера, к ним прикрепшили студентов-старшекурсников строительного института и работа закипела. Реставраторам удалось восстановить архитектурный облик музея изобразительных искусств, других зданий и сооружений, набережной Ангары.

К своему 350-летию город был приведен в приличное состояние.

***

На XXVII съезд КПСС я летел делегатом от Иркутской области. В первый же день работы съезда я записался на выступление в прениях. (Само выступление я написал еще дома). С этого момента начались мои переживания. Конечно, я отдавал себе отчет в том, что мне не дадут слова ни в первый, ни во второй день... Одно за одним идут выступления, вечером у себя в номере я перечитываю свой текст, с сожалением вычеркиваю уже кем-то высказанные мои мысли. Раз опередили, надо править, повторяться не хотелось. Так в течении всего съезда я каждый вечер переделывал текст своего выступления.

Наступил предпоследний день съезда. Мне не дали слова. Вернулся я в гостиницу и думаю: все, наверное уже не дадут. Вдруг раздается звонок. Беру трубку. Говорит Михаил Сергеевич Горбачев: «Василий Иванович, добрый вечер! Завтра будешь завершать прения, твое выступление будет последним». Наступила бессонная ночь. Я все правлю, правлю, ложусь отдохнуть в дремоте, поднимаюсь и снова правлю. Что-то не нравится, где-то надо уточнить мысль, четче сформулировать. Так прошла вся ночь. Рано утром я пошел к машинистке, которая каждое утро перепечатывала мое выступление.

Она в очередной раз перепечатала текст, я взял его в руки и начал ждать своей очереди. Выступающему на съезде последнему оратору очень трудно овладеть вниманием уже изрядно подуставшей от речей аудитории. Мне это удалось. Все-таки Бог меня наградил ораторским талантом. Четыре раза раздавались аплодисменты в поддержку тех предложений и мыслей, которые я высказывал. Мне высказали, что выступление очень хорошее.

Выступать на съезде дело не простое, ясно, каждый по-человечески понимает. Вечером я пришел с письмами по проблемам Иркутской области к Николаю Ивановичу Рыжкову. Он поздравил меня с хорошим выступлением и добавил:

— Выступление на трибуне съезда уносит не один год жизни. Мы вроде бы уже привыкли к ним, а все равно волнуемся страшно....

На съезде я был избран членом ЦК партии и потом не раз выступал на многих его пленумах. Психологически это было не проще, чем выступать на съезде. Однако я понимал, что успешное развитие Иркутской области зависит от четкой формулировки ее проблем перед самыми видными людьми страны. По окончании пленума на основе таких выступлений составлялся план мероприятий, осуществлялся жесткий контроль за его выполнением. Поэто-

му я старался не упускать такой возможности. Каждый раз это требовало от меня большого напряжения сил, самообладания и нервов, но я никогда не думал о себе. Ведь речь шла о благосостоянии жителей Иркутской области. И я делал для этого все, что мог. Иначе не могло и быть.

Посол СССР в МОНГОЛИИ

В самом конце марта 1989 года в 11 часов вечера у меня дома раздался звонок аппарата ВЧ. Меня соединили с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Мы поздоровались. Он спросил:

— Здравствуй, Василий Иванович, ты сидишь или стоишь?

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич, собираюсь ложиться спать.

— Это хорошо. Хотелось бы, чтобы ты выслушал меня сидя. Дело вот в чем. Ко мне четыре раза обращался заведующий международным отделом ЦК, который предлагал направить тебя послом в Монголию. Я его четыре раза выгонял. Мне совсем не хотелось принимать такое решение, тебе готовилась ответственная работа в Москве. Но на днях я разговаривал с руководителем Монголии Батмунхом. Монголия имеет для нас важное экономическое значение. Ты же знаешь, мы вложили в нее огромные средства. Как бы нам не потерять их. Учитывая твой огромный опыт работы, на Политбюро решено предложить тебе поработать послом в Монголии.

— Михаил Сергеевич, я ожидал любого предложения, но такое мне не могло и присниться. Я ведь совершенно не знаком с дипломатической

работой! Это такая мера ответственности! Как же я могу дать согласие?

— Все первые секретари обкомов — дипломатические работники. Не ты первый, не ты последний. Поэтому подумай, пожалуйста, а завтра утром часов в 11 позвони мне и сообщи ответ.

— Михаил Сергеевич, а могу я посоветоваться с супругой?

— Почему ж нельзя? Пожалуйста, советуйся, дело семейное, связанное с переездом.

На этом наш разговор закончился.

Не успел я рассказать жене об этом разговоре, как снова звонок ВЧ, молния. Говорил помощник Горбачева.

— Василий Иванович, завтра в 11 часов утра вам надо быть у Михаила Сергеевича.

— Да ведь я только что с ним разговаривал! Он попросил позвонить ему завтра в 11 утра.

— Василий Иванович, я передаю поручение Генерального секретаря. Если так, перезвоните ему и обговорите этот вопрос.

Я подумал: время уже позднее, куда я буду звонить? Позвонил своему помощнику:

— Вызывай бухгалтера, кассира, оформляй командировку, завтра первым рейсом летим с тобой в Москву.

Позвонил второму секретарю обкома партии В.Ф. Малову:

— Владимир Федорович, завтра утром я улетаю в Москву, бери на себя бразды правления. Вернусь — все расскажу.

— Василий Иванович, чует сердце, как бы вас куда не забрали. Только мы сработались как следует ...

— Ну, что поделывать, не нам решать...

Наследующий день около одиннадцати утра я уже находился в приемной Генерального секретаря.

Помощник сразу пригласил меня в кабинет Горбачева. Я вошел. Михаил Сергеевич вышел из-за рабочего стола, подошел ко мне, мы поздоровались. Он мне сказал:

— Василий Иванович, не хотел я делать тебе такое предложение, но, что поделывать, приходится. Прошу отнесись к нему с пониманием.— Я говорю:

— Михаил Сергеевич, я совершенно не представляю себе этот участок работы. Я ведь партийный работник. Боюсь, подвести Политбюро.— Он рассмеялся:

— Ладно, все будет в порядке. Мы направим тебя на курсы в Дипакадемию, постажируешься в управлениях МИДа. Возникнут вопросы — звони. Кстати, в нашем посольстве в Монголии

19 человек профессиональных монголоведов. Так что знание монгольского языка тебе не понадобится.

Звонит к Шеварднадзе:

— Эдуард Амвросиевич, у меня Василий Иванович Ситников, хочу сейчас направить его к тебе на беседу. — Тот отвечает:

— А что мне беседовать с ним? Я его знаю, на секретариате и на Политбюро все уже обговорили. — Горбачев настоял на своем:

— Ты лучше помощника пошли, чтобы встретить его, он ведь даже не знает, как двери в министерстве открываются.

Меня отвезли к зданию на Смоленской площади.

С помощником Шеварднадзе мы поднялись на седьмой этаж, зашли в кабинет министра. Шеварднадзе торопился на встречу в аэропорт:

— Василий Иванович, у меня практически нет времени заняться тобой. У тебя есть ко мне какие-нибудь вопросы?

— Одни вопросы без ответов. Я не вижу себя в роли посла.

— А ты думаешь, я видел себя в роли министра иностранных дел? Все мы живем под одним небом. Я тебя знаю, ты меня знаешь, возникнут вопросы — вместе будем решать. Все у тебя будет нормально.

Вышел я от него. Думаю, что делать? Поехал к Михаилу Сергеевичу.

— Встретился с Шеварднадзе? Все с ним порешили? Теперь у меня другой вопрос: кто может заменить тебя в Иркутске?

— Владимир Иванович Потапов. Он иркутянин, работал секретарем райкома в Иркутске, потом в аппарате ЦК в отделе тяжелой промышленности, работал у И.П. Ястребова. Когда второй секретарь обкома В.Ф. Малов уходил на пенсию, я попросил, чтобы Владимир Иванович вернулся в область на его место, на перспективу...

— Все у тебя предусмотрено. Это правильно. — Вызвал первого заместителя заведующего орготделом Н.А. Петровичева:

— Пригласи Потапова. В четверг на Политбюро мы рассмотрим вопрос о рекомендации его первым секретарем Иркутского обкома партии. Летите в Иркутск, собирайте пленум, освободите Василия Ивановича...

Мы с Н.А. Петровичевым и с С.В. Карнауховым вылетели в Иркутск. На пленуме Потапова избрали первым секретарем Иркутского обкома. Идем мы после пленума по коридору, заведующий общим отделом говорит мне:

— Василий Иванович, вы знаете, какой сегодня день?

— Что значит какой?

— 29 марта 1983 года вас избрали первым секретарем Иркутского обкома, а сегодня — 29 марта 1989 года — вас освободили. Вы отработали в Иркутской области ровно пять лет день в день.

На всю жизнь у меня остались самые добрые воспоминания о работе в Иркутской области. С большим сожалением я улетал из Иркутска. Много задумок не удалось осуществить до конца, об этом я говорил Михаилу Сергеевичу: «Дайте мне поработать еще немного времени. В области уже началась полновесная отдача от реализации программ...». Но не суждено было сбыться этому.

Я вылетел обратно в Москву.

***

Устроился в гостинице, за мной закрепили машину, и с 1 апреля я приступил к занятиям в Дипломатической академии. Занятия были необычные. В 9 утра приходит профессор Дипакадемии и два часа читает мне лекцию о международном праве. Перерыв. Его сменяет другой профессор, читает историю дипломатии. Следующая лекция — экономическое и политическое положение стран Азиатско-Тихоокеанского региона. И так далее. После трех лекций — обед. После обеда я уезжал в МИД и в одном из управлений с трех часов и часов до семи-восьми вечера проходил стажировку. Мне рассказывали об особенностях

работы, вводили в курс дела, в каком состоянии положение дел в Монголии, на что обратить внимание. В течении месяца я внимательно слушал профессоров, добросовестно конспектировал лекции, исправно получал в библиотеке министерства литературу для самостоятельного изучения и подготовки к семинарским занятиям. На подоконнике у меня скопилась целая груда книг. Ясно, времени на их изучение у меня не было. Помимо того мне приходилось бывать в Госплане, Госснабе, МВД, КГБ, встречаться с их руководством, выслушивать рекомендации, советы.

В нашем обиходе о Монголии бытовала поговорка: «Курица не птица — Монголия не заграница». Отработав там четыре года, я понял, это далеко не так. Монголия была в числе первых государств по присутствию советских граждан. К моему приезду там находилось более 70 тыс. наших специалистов и огромная, 100-тысячная армия. Это обстоятельство значительно усложняло работу посольства.

***

По окончании курса в Дипакадемии я был приглашен к заведующему международным отделом ЦК. Туда же подъехал замминистра И.Г. Рогачев, начальник первого управления МИД, которое ведало Монголией, Китаем, Северной Кореей. При-

существовали еще человек шесть-семь из аппарата ЦК. Заведующий отделом мне говорит:

— Василий Иванович, вы закончили курсы Дипакадемии, стажировку в управлениях МИДа. Побеседуем о вашей будущей деятельности. Начнем с того, что самолет приземлился в Улан-Баторе. Пожалуйста, расскажите нам о своих действиях как посла.

После приземления я должен ожидать в самолете появления госпротокола монгольского МИДа. Мне доложат, кто из руководителей Монголии и дипломатов нашего посольства встретит меня. Я должен выйти из самолета последним, после того, как выйдут все пассажиры, поздороваться с руководителями Монголии, затем с работниками нашего посольства, и по ранжиру, начиная с дуайена, со всеми прибывшими на встречу послами. Я скажу, что в ближайшее время мы встретимся и определим круг наших отношений. Затем выехать в посольство. Завтракаю в посольстве в присутствии советников посланника Владимира Ивановича Федотова и Мироненко. Затем знакоюсь с работниками посольства, приглашаю к себе начальников отделов, дипломатических работников...

3 мая 1989 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении чрезвычайным полномочным послом Советского Со-

юза. Вторым указом я назначался послом в Монгольскую народную республику.

Агреман из Монголии был получен. После указа мне полагалось прибыть в страну пребывания не позднее чем в одиннадцатидневный срок.

8 мая я вылетел в Улан-Батор.

***

Тем временем мне была выделена четырехкомнатная квартира в элитном доме в Новых Черемушках, решил вопрос с переездом в Москву моей семьи. Супруга не могла выехать в Монголию, ей надо было закончить обустройство московской квартиры. Через несколько дней после переезда семьи в Москву матери сделали операцию на сердце.

Честно говоря, вопросами переезда семьи из города в город я практически не занимался. Все хлопоты ложились на плечи супруги. Только когда были решены все вопросы обустройства в Москве, она вылетела в Монголию.

***

Уже в самые первые дни пребывания в Монголии я почувствовал себя на особом положении. Я уже говорил о постоянных упреках по адресу партработников, что они пользуются особыми

льготами и услугами. Еще раз повторяюсь, у нас была одна «льгота» — работать по 12—14 часов в сутки. Дома мы только ночевали. Послы, дипломаты, действительно имели такой статус, о котором прежде я даже и не подозревал.

Первый день работы... Я решил прогуляться, зайти в центральный универмаг, пройтись по магазинам. Предупредил секретаршу Веру Семеновну, что ухожу. Прошелся по универмагу, ассортимент товаров скудный, зашел в продуктовый магазин... Смотрю, ко мне бежит офицер безопасности с двумя охранниками:

— Василий Иванович, как же вы без сопровождения вышли за пределы посольства, это же за граница!

— Да кому я нужен? Не вижу здесь никаких проблем.

— Таков порядок, прошу вас больше так не поступать.

Тем временем в посольстве разыгралась трагедия. Было внесено предложение выдворить секретаршу за то, что она не доложила дежурному офицеру о выходе посла за территорию посольства. Мне все же удалось убедить руководство службы безопасности, что вина эта полностью моя.

Это было первым недоразумением.

***

Еще со времен работы в Кузбассе у меня было заведено правило начинать посещение предприятий с проверки туалета. Туалет — зеркало любого учреждения. Если я там сталкивался с антисанитарией, я говорил руководству, что мне больше смотреть нечего. Наведите сначала порядок у себя в туалетах, а потом и будем знакомиться с предприятием.

Точно также я начал осмотр посольства с туалета. Меня неприятно удивила запущенность, антисанитария. Ведь нас посещают монгольские руководители, дипломаты, они же видят такое безобразие. Как можно неуважительно относиться? Вызвал завхоза, установил ему недельный срок. Прошелся по другим помещениям. Впечатление гнетущее. Я понял, что с таким завхозом порядка не наведешь. Он почему-то был уверен, что должен обслуживать только посла.

— А чего меня обслуживать? Я сам себя обслужу. Ты занимайся зданием, помещениями, организацией быта, торговли.

Но не тот это был человек. Я позвонил к первому секретарю Иркутского обкома, своему приемнику, В.И. Потапову, попросил его посодействовать мне и направить на работу в посольство заведующего финансово-хозяйственной деятельностью облисполкома Евгения Петровича

Лукьянчикова. Это был идеальный хозяйственник. Я пообещал В.И. Потапову никогда больше не беспокоить его просьбами по другим кадрам.

— Но сейчас, прошу тебя, выручи. Мне позарез нужен Лукьянчиков.

Он пообещал. Проходит время, я снова звоню:

— Владимир Иванович, скажи честно, ты не хочешь отпустить Лукьянчикова? — Тот начал тянуть:

— Видишь ли, надо еще кое с кем посоветоваться...

— Жаль... Неужто я ошибся в тебе? Так бы сразу и сказал: «Василий Иванович, это невозможно, нам самим нужен Лукьянчиков». Больше бы я тебя не беспокоил. Но, ты же мне обещал...

В общем, поднажал я на него как следует, уговорил отпустить Лукьянчикова в Монголию.

В короткое время Лукьянчиков провел огромную работу. Советское посольство — визитная карточка нашего государства — было приведено в порядок и по своему благоустройству стало одним из лучших.

По классификации Объединенных Наций Монголия находится в первой десятке стран с особо неблагоприятными климатическими условиями. Часто случаются пыльные и магнитные бури, повышенная радиация, сильные перепады атмосферного давления, особенно по весне.

Знакомство с дачным поселком посольства произвело на меня тяжелое впечатление. Поселок располагался рядом с международным пионерским лагерем вроде нашего Артека. Дачи посла, советника посланника Мироненко и у военных были обустроены более или менее прилично. Рядовые дипломатические работники ютились в старом одноэтажном бараке с общей кухней, общим умывальником, общим туалетом.

Как-то на территории дачного поселка треста «Монголэнергострой» я увидел сборные коттеджи для нефтяников. Вопрос с разработкой монгольских нефтяных скважин отпал и коттеджи оказались невостребованными. У меня сразу возникла идея использовать их под дачи для работников посольства. Я договорился с управляющим треста о продаже двенадцати коттеджей по частичной предоплате.

Лукьянчиков развернул кипучую работу по обустройству дачного поселка, завел обширные связи среди руководителей монгольских учреждений, согласовал вопросы о подключении коттеджей к водоснабжению, канализации, договорился о строительстве автономной электростанции. В итоге получился прекрасный дачный поселок со всеми удобствами.

Распределял коттеджи профсоюзный комитет.

Но, как говорится, от добра добра не ищут. Прошло не так много времени. Мне позвонил замминистра Чаплин:

— Василий Иванович, прекращай хулиганить!

— А в чем дело?

Оказалось, что на меня поступила жалоба в МИД от одного из наших дипработников. Я обвинялся в самоуправстве, нарушении финансовой дисциплины, нецелевом использовании средств т.п.

Надо сказать, что эти коттеджи я ему показывал лично, когда он прилетал в Монголию. Он мне сказал, что я делаю большое дело.

— Большое-то большое, — отвечал я, — но денег-то на него не выделено. На предоплату ушла часть средств, выделенных на капремонт. Короче говоря, нужны деньги.

— Василий Иванович, тогда ты совершил большую ошибку...

Однако начальник валютного управления, с которым он прилетел, неожиданно поддержал меня.

И вдруг такая «телега».

Я собрал работников посольства, рассказал о поступившей на меня в МИД жалобе по поводу коттеджей.

— Не понимаю, откуда среди нас такое самоедство? Разве мне нужны эти дачи?! Меня своя вполне устраивает. Ведь я беспокоился о тех, кто ютился в бараке. Разве он вас удовлетворял?... — Разволновался.

Начальник управления Н.В. Павлов прервал меня:

— Василий Иванович, у вас сейчас разговор с родиной, вы идите, мы тут сами во всем разберемся.

Я ушел, они по-свойски определили жалобщика, устроили разбор по-своему, как полагается.

Еще до приезда в Монголию в МИДе меня предупреждали, что Куручкин способный дипломат-монголовед, но очень тяжелый человек; посольство в Улан-Баторе возражало против его командировки. Как вы смотрите? Я звонил советнику посланника В.И. Федотову, тот мне подтвердил: «Василий Иванович, не советую, это тяжелый, неуживчивый человек, характер сложный,* склочный»

При встрече с ним я переоценил свои возможности: парень молодой, общительный, пишет стихи на монгольском языке, пользуется авторитетом в кругах монгольской интеллигенции. Я принял положительное решение.

Поначалу он неплохо проявил себя в отделе культуры. работал Это связя с писателями, арти-

стами, художниками. Но затем близко сошелся с монголкой, настолько близко, что та родила ему ребенка. Внутреннюю информацию о наших делах он стал выносить за пределы посольства, она поступала к журналистам.

Это меня сильно озадачивало. Мои беседы с ним не оказывали на него никакого воздействия. Он продолжал вести себя как ни в чем не бывало вызывающе, обособленно. Исчерпав все средства, я вынужден был его наказать. После года работы я улетел в отпуск. Исполнявший обязанности посла В.И. Федотов сообщил мне, что Кручкин вконец обнаглел, отношения с ним в посольстве ненормальные. По неопытности я дал указание о выдворении его из Монголии. Он так и сделал.

Однако Кручкин использовал свои связи в МИДе, развернул бурную деятельность и ни о каком выдворении не могло быть и речи. Мне посоветовали заняться его перевоспитанием. В общем Кручкин много нам попортил крови.

Когда начались демократические преобразования в России, право послов выдворять в 24-часовой срок дипломатического работника, который вел себя недостойно, перестало действовать. Даже после моего отъезда из Монголии новый посол С.С. Разов долгое время безуспешно пытался избавиться от него.

Это был первый сложный момент моей работы в посольстве.

Несколько слов о составе посольства. Среди дипломатических работников было девятнадцать монголоведов. В каждом отделе были профессиональные дипломаты по монгольскому направлению. С первых дней пребывания серьезную помощь мне оказывал советник посланника Владимир Иванович Федотов. Он долгое время работал в Китае. Квалифицированный дипломат, через него шли все документы, шифровки, он их редактировал и перед тем как они попадали мне на подпись. Исключительно добросовестный, аккуратный, без всяких заносов. Вторым советником посланника по вопросам экономики был Анатолий Иванович Мироненко, бывший партийный работник. Человек работоспособный, но по своему уровню несравним с В.И. Федотовым. Заведующими отделов были знающие и любящие свою работу люди.

В первые месяцы вступления в должность множество времени у меня отнимали протокольные визиты иностранных послов, аккредитованных в Монголии. На обед или ужин приглашался посол с супругой, переводчик, протокол. В беседах я излагал свои позиции, планы и намерения в отношении к сотрудничеству, информировал о предстоящих в текущем году визитах. Посол, которого я принимал, в свою очередь информиро-

вал меня о предстоящих визитах, предусмотренных к заключению договорах, об интересах, какие в этом году представляет Монголия для его государства. Высказывались пожелания о регулярной взаимной информации. Так во время визитов устанавливаются доверительные контакты между послами.

После таких приемов я делал ответные визиты в каждое из посольств по тому же сценарию. Кроме того надо было посетить руководителей Совмина, Госплана, министерств, центральных органов. Таким образом первые недели и месяцы в Улан-Баторе у меня было чрезвычайно насыщенным. Я старался быстрее войти в курс дел.

На еженедельных планерках в посольстве подводились итоги работы за неделю, определялись планы на следующую неделю. Я высказывал свои замечания и предложения. Один раз в квартал состоялись планерки с участием генконсулов, торгпреда, секретарей партийных и комсомольских организаций, председателей профкомов. Руководители генконсульств информировали о своей работе за истекший квартал и о планах на новый квартал. Выступали начальники отделов, советники посланника. Торгпред как правило говорил о накладках и неувязках в сотрудничестве с Монголией. В заключении я подводил итоги, высказывал свои замечания. Это позволяло мне

координировать работу пяти генконсульств и торгпредства.

С первых дней работы у меня сложились добрые, доверительные отношения с Генеральным секретарем Монгольской народной революционной партии Батмунхом, председателем совмина Монголии Содномом, министром иностранных дел Гамбасуреном. Все они неоднократно гостили у меня на даче. Это помогало мне более квалифицированно информировать наш МИД о положении в Монголии. Такие же добрые отношения складывались с послами Болгарии, Чехословакии, Венгрии, ГДР, Китая, Индии. При мне сформировалось посольство США. За четыре года они сменили три посла. У меня с ними были налажены неплохие отношения, они нередко посещали наше посольство, я принимал их и мы производили обмен мнениями по вопросам нашего сотрудничества с Монголией.

С китайским послом, который был дуайеном, мои отношения вначале были прохладные. Это и понятно. Не все еще было урегулировано между нашими странами после культурной революции. Однако с течением времени китайско-советские отношения стали входить в русло нормализации, что создавало хорошую почву для нашего сотрудничества с китайским посольством. Бросалось в глаза улучшение китайско-монгольских

отношений. После многих лет разрыва китайцы стали возвращаться в Монголию.

Особенные отношения у меня сложились с индийским послом. Он обладал высоким буддийским чином хамбо-лама. Вспоминаю, как во время встречи его на железнодорожном вокзале, религиозно настоянная толпа буквально оттерла меня от вагона. Согласно буддийской традиции, притронувшимся к его одежде обеспечено в царстве небесное. Протокол Монголии вынужден был просить представителей дипкорпуса разъехаться по домам, а к 11 часам прибыть в индийское посольство. Поскольку я был дуайеном, мне довелось представлять ему аккредитованных в Монголии послов.

На приемах предыдущего посла никаких выпивок не предусматривалось, все ограничивалось подачей напитков, соков. Такие приемы заканчивались быстро, за полчаса. Смотрю, хамбо-лама распорядился подать шампанское, виски, водку, коньяк. Все удивились такому необычному нововведению. Правда, сам он ничего себе не позволял, пил только сок.

Я волновался, что из-за тройного перевода (с хинди на английский, затем на русский) у нас с ним возникнут сложности в общении. Переводчиком у него был его племянник. Но волнение оказалось напрасным. Общаться с ним было легко, приятно, интересно. Человек высочайшей

культуры, какого-то необыкновенного обаяния, богатого духовного содержания. В общем, исключительный человек. У меня с ним были трудности другого плана. Встречаем мы его как-то в аэропорту. Зима, температура минус 35°, а он выходит из самолета в легкой одежде, шлепанцах на босу ногу, с открытой головой. И это притом, что ему было далеко за семьдесят. Чтобы его хоть как-то уберечь от простуды, я всегда просил своего помощника захватить с собой для него шапку, теплую обувь.

***

Когда в странах социалистического содружества начались демократические перемены, послы этих стран почувствовали себя как на вокзале, ждали себе замену. Наблюдались тяжелые, упадочные настроения. Иногда кто-нибудь из них звонил мне:

— Василий Иванович, такие дела творятся! Надо бы успокоиться, давай, соберемся у тебя на даче, затопим баньку, попаримся, отведем душу...

Не раз я от них слышал:

— Предали вы нас, Василий Иванович. У нас была большая надежда на Советский Союз. Случись какая беда, нам и голову некуда будет преклонить.

В это сложное время я старался поддержать их чем мог.

***

В порядке ознакомления я посетил наше генконсульство в Дархане. Должность Генерального консула занимал профессиональный дипломат Виталий Николаевич Брага. Мое знакомство с ним состоялось еще в Северной Корее, о чем я уже ранее упоминал. Виталий Николаевич тогда работал в нашем посольстве в Пхеньяне и знакомил нас с обычаями и нравами корейцев. Когда началась перестройка, он приложил много усилий для установлении связей с новыми партиями Монголии. В Багануре я ознакомился с деятельностью генконсульства. Побывал в консульстве в Эрденете, попутно посетив медно-молибденовый горно-обогатительный комбинат и урановый рудник. Посетил поселок для специалистов, разрезы, обогатительную фабрику, познакомился с технологией добычи и обогащения урановой руды. Такие поездки с посещением советских учреждений, встречи с рабочими и служащими я совершал регулярно. Это дополняло мое знакомство с традициями и особенностями советско-монгальского сотрудничества.

Памятны поездки в аймаки и самоны — монгольские области и районные центры, встречи с руководителями, директорами предприятий,

организаций. Они также информировали меня о состоянии дел, проблемах нашего сотрудничества, знакомили со своими взглядами на будущее развитие наших отношений. Такие поездки обычно заканчивались посещением семьи арата-скотоводов, живущих своей самобытной жизнью. Как правило юрты аратов расположены друг от друга на расстоянии 40—50 километров. Когда приезжают гости, их не знают, куда посадить, чем угостить. Араты на удивление быстро связываются между собой и на встречу гостей подъезжают еще человек десять-двенадцать. Ведутся обычные беседы о приплоде, успехах и недостатках, о бытовых нуждах.

Такие поездки незаменимы для познания быта монгольского народа.

***

11 мая состоялось процедура вручения верительной грамоты. Автомобиль монгольского госпротокола сопровождал мой автомобиль до здания Совета министров. Перед зданием выстроился почетный караул. Выхожу, начальник почетного караула отдал мне рапорт, я поклонился знамени монгольского государства, прошел вдоль строя, поздоровался с военными. Начальник караула проводил меня до входа в здание Совмина. Поднимаюсь в зал. Меня ожидают ответственные работники посольства. Ровно в 11 открылись двери, появился Батмунх, за ним

Председатель Совмина Содном, министр иностранных дел Гамбасурен, госпротокол. Вручив верительную грамоту, я произнес несколько положенных по этому поводу слов. Затем выступил товарищ Батмунх.

Нам подали шампанского, мы отпили по глотку и удалились на встречу с глазу на глаз. Минут через десять-пятнадцать мы вышли, сфотографировались на память. Когда я вышел, на моей машине уже развевался флажок Советского Союза. До вручения верительной грамоты я не имел права устанавливать флажок.

Вернулся в посольство, по протоколу положено пригласить на обед министра иностранных дел, начальника почетного караула. На обеде были высказаны пожелания в тостях о необходимости и дальше развивать наше сотрудничество. В обеде приняли участие советники посланника, начальники отделов.

Таким образом я вступил в официальные права полномочного посла СССР в Монгольской народной республике.

11 июля в Монголии — день республики, наподобие нашего праздника годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Военный парад, затем демонстрация трудящихся Улан-Батора. Точно также, как и у нас. Я был приглашен на гостевую трибуну. До demonstra-

ции прошло возложение венков к усыпальнице Сухэ-Батора.

Накануне прошло торжественное собрание в Театре оперы и балета, дан большой концерт.

Мы с женой впервые стали свидетелями традиционных монгольских скачек. Как правило в таких скачках принимают участие дети десяти-двенадцати лет. Анна Сергеевна забралась на рыдванку к монголу и оттуда наблюдала за соревнованием. На протяжении всего пути всадников сопровождают машины, ведется радиотрансляция, сообщается, кто из какого аймака вырвался вперед, кто отстает. Всеобщий ажиотаж. И вот надо же... Передают, что первой на своей лошадке скачет девочка. Анна с монголами болеют отчаянно. Долгое время она лидировала, потом выронила из рук кнутик, начала отставать. Нет слов, чтобы передать, как переживала за нее Анна Сергеевна, будто это было ее личным несчастьем.

После демонстрации новое зрелище — национальная борьба надом. На стадионе собрались более тысячи борцов — совсем еще маленькие дети, подростки, взрослые.

Вечером мы с женой впервые присутствовали на государственном приеме. Народу множество, всё политическое руководство Монголии, министры, послы, представители международных организаций. По этому случаю доставили баранов

из пустыни Гоби. Там растет особая трава, содержащая чеснок, что придает особый вкус мясу. Из него в топленном овечьем жире варят бозы, напоминающие наши пельмени, только крупнее. Праздник прошел с размахом.

Другой праздник, который особенно торжественно отмечают монголы — это цэгансар, новый год по лунному календарю. Определенного дня он не имеет, падая по времени на февраль-март. Празднуют его в течение недели. В это время все родственники обязательно должны посетить и поздравить старшего в семье.

За каждым посольством монгольский МИД закреплял определенный аймак, в который дипломаты выезжали на праздник цэгансара, конечно, с учетом пожеланий. Мы участвовали в торжествах, затем большой концерт, как всегда скачки. Завершался праздник приемом на местном уровне, поздравления с наступающим Новым годом. На это уходило около трех часов. Затем нас приглашали отметить Новый год в семье какого-нибудь арата. Старший сидел во главе стола, ему поручалось раздавать баранину гостям. Поздравления, пожелания доброго здоровья, успехов, хорошего приплода. В самый торжественный момент мне, как почетному гостю, подносили пиалу с кумысом из дорогого дерева, обрамленную серебром. На прощание старший символически одарял каждого гостя горсточкой

тугриков, пятью-шестью конфетами. Я поначалу сомневался, брать ли деньги, люди и так живут небогато. Но сопровождающий меня попросил не нарушать этот древний обычай. Мы тоже дарили немудреные сувениры.

***

Постепенно вместе со мной осваивалась с новой для себя обстановкой и Анна Сергеевна. Надо заметить, что у нее было необычное хобби. Она с детства любила ткать махровые ковры, умение, которое ей передалось от матери. В Кемерово с помощью В.В. Бакатина для нее изготовили оригинальный ткацкий станок. Работала она в школе-интернате для детей с заболеваниями нервной системы, преподавала математику и труд. В школе установили несколько станков, на которых она обучала ребятшек ткачеству. Работа тихая, творческая.

Когда для посольства изготовили пять ткацких станков, Анна сразу организовала кружок для детей дипломатов. Увлечлись ткачеством не только дети, но и жены дипломатов. Когда мы устроили первую выставку их работ, это вызывало большой интерес. Жены ряда дипломатических работников других посольств также изъявили желание учиться ткачеству.

Еще в Иркутске я приглашал к себе домой народного художника Роголя. Он ознакомился с работами Анны Сергеевны.

— Прекрасное чувство цвета, — отметил он, — самобытное восприятие образов.

Несомненно, она обладала особым даром, по крайней мере понимала толк в своем деле. Бог не обидел ее талантом. Помню, я принимал в посольстве заместителя министра иностранных дел. Мы зашли в комнату, где стояли станки, я рассказал ему о ткацком кружке для детей и жен дипломатов, с которыми занималась Анна. Он был поражен. Много он повидал наших посольств, но с таким встретился впервые.

Так моя жена вошла в жизнь посольства.

Хотя за семьей посла был закреплен повар, Анна Сергеевна отказалась от его услуг:

— Все что мне надо я сама себе приготовлю. Не хочу, чтобы он здесь все время торчал. Пусть он тебя обслуживает...

Жены дипломатов были шокированы, когда увидели ее, идущей в магазин за продуктами. Они впервые видели жену посла, которая сама ходит за покупками!

Анна Сергеевна была очень скромной, неприятной в быту женщиной. Ее заметно тяготило особое положение жены посла, бесчисленные протокольные мероприятия, на которых ей

приходилось присутствовать. Она была домо-седкой и на свои обязанности смотрела как на тяжелое бремя.

***

Наступало время больших перемен. В России началась перестройка, демократические реформы. Монголия шла по тому же пути, но, чем дальше, тем больше забегая далеко вперед. События там развивались быстротечнее, чем в Советском Союзе. Общественно-политические преобразования приобретали лавинообразный характер. А ведь поначалу казалась, что демократизировать страну с достаточно традиционной, архаичной структурой, будет намного сложнее. Движение за демократические преобразования возглавила молодежь и студенты.

Появилось множество партий разного толка. В противовес коммунистическим деятелям необычайное развитие получил культ Чингисхана, которого провозгласили национальным героем. Партийно-государственное руководство страны постепенно сдавало позицию за позицией. Видя такую слабость и нерешительность, новые партии начинать диктовать свои условия.

Посольство в это время работало буквально на казарменном положении...

***

Как и следовало ожидать, началась переоценка советско-монгольского сотрудничества. Приведу пример. Советскими специалистами был построен горно-обогатительный комбинат в Эрденете. В соответствии с договоренностями СССР получил преимущественное право закупать медно-молибденовый концентрат. В печати стал будироваться вопрос о том, какой огромный ущерб наносит экономике Монголии такая договоренность, поскольку она вынуждает продавать нам концентрат по ценам ниже мировых.

Я попросил нашего торгпреда подготовить справку о закупочных ценах медно-молибденового концентрата с начала пуска комбината «Эрденет» до 1990 г., сравнить их с ценами мирового рынка и выяснить, действительно ли Монголия торговала в ущерб себе. Согласно данным торгпредства СССР покупал медно-молибденовый концентрат по ценам выше мировых. Поэтому никакого урона монгольская экономика не несла.

Вся статистика торговли была опубликована в специальном пресс-релизе. Любой журналист мог с ним ознакомиться. Директор «Эрденета» также публично опроверг информацию об ущербе экономике Монголии, наносимой внешнеэкономической деятельностью комбината. И каков же был результат? Кто-нибудь дал опроверже-

ние? Разве что одна газетка, да и то на последней странице мелким шрифтом. И все.

Не успели успокоиться страсти по поводу «Эрденета», как в средствах массовой информации поднялась новая шумиха. В печати появились сведения о том, что в районе уранового рудника на северо-востоке Монголии, откуда уран поступал в Советский Союз, угрожающе растет число раковых заболеваний, гибнет скот, ущерб окружающей среде достигает размеров экологического бедствия.

Директор рудника заверил меня, что эта информация не соответствует действительности, радиация нигде не превышает предельно допустимые нормы. Тогда я предложил журналистам взять с собой дозиметры, слетать на рудник, пройти с ними по всей технологической цепочке и своими глазами самим во всем убедиться. Так и произошло. Замеры уровня радиации в шахте и отвалах, на фабрике, на погрузке показали, что нигде предельная норма не была превышена. Проехали по окрестностям — результат тот же. Я собрал журналистов, спрашиваю, убедились? Убедились. Я попросил их прекратить дезинформировать население и написать правду. И вновь лишь одна газетка дала краткое опровержение, остальные промолчали.

Были и совсем курьезные случаи. На пресс-конференции в МИД Монголии, освященной

перспективам развития советско-монгольского сотрудничества в связи с происходящими преобразованиями, мне задали вопрос как вы относитесь к тому

— Господин посол, как известно, не без участия Советского Союза в 20-е годы подверглись разгрому все буддийские монастыри, многие тысячи монахов были расстреляны, репрессированы. Намерен ли СССР в будущем возместить ущерб, нанесенный Монголии?

Быстро и четко работают мозги. Я нашел такой ответ.

— В соответствии с международными нормами государство, причинившее ущерб другому государству, обязано безоговорочно возместить этот ущерб. В этом вы правы. Но давайте сравним ущерб, нанесенный русской земле Батыем, разорившим ее дотла. Если бы мы ставили вопрос таким образом, согласитесь, Монголия должна была рассчитываться с нами не одно столетие.

Мой ответ насмешил журналистов. Иронически улыбаясь, они похлопывали коллегу по плечу, мол что, съел?

Об изменении отношений между нашими странами свидетельствовал и такой факт. Существовало неписанное правило переводить официальные выступления руководителей Монголии вначале на русский язык, а затем переводчики переводили их на свои языки своей страны.

Преобразования коснулись и этой нормы. Теперь перевод осуществлялся с монгольского на английский язык.

Вообще в Монголии перемены проходили стремительно. Монголы первыми организовали президентские выборы, на которых победил Очербат, министр тяжелой промышленности, кстати, выпускник Уральского политехнического института. Разумеется, он свободно владеет русским языком. Первым секретарем ЦК МНРП вместо Батмунха был избран другой Очербат. М.С. Горбачев пригласил обоих Очербатов на переговоры. Я прилетал с ними в Москву.

— Говорят, что Монголия живет по указке Советского Союза, — произнес М.С. Горбачев на обеде в Кремле. — Но, посмотрите, у нас нет президента, а у вас уже есть. Чья здесь указка? Нет здесь никакой указки. Монголия самостоятельное, суверенное государство, оно вправе решать свою судьбу так, как считает нужным.

***

Был один сложный случай. Я возвращался из отпуска в Улан-Батор. В аэропорту меня встретил советник посланника В.И. Федотов, командующий войсками, расположенными в Монголии, Майоров, военный прокурор.

Они мне рассказали о крупной неприятности. Застрелили монгольского солдата. Он возвращался из увольнения, опаздывал. Чтобы избежать неприятности, решил пройти через территорию нашей воинской части, перелезть через забор, отделявший ее от монгольской части. Так случилось, что часовой выстрелом ранил его. В агонии солдат бросился на колючую проволоку, разодрал себе кровь руки, лицо. Прибывший караул погрузил его, еще живого, на машину и отправил в монгольский госпиталь. Там этого солдата отказались принимать.

— Вы его ранили, вот и везите в свой госпиталь.

По дороге он скончался. Труп солдата положили в холодный склад и закрыли. Разразился страшный скандал, студенты подняли бунт, подогреваемый слухами и пересудами. Когда за телом солдата приехали родители, офицер, отвечавший за склад, уехал в другую часть. Взломали двери. Смотрят, он лежит распластанный на полу, руки, лицо в крови... Обстановка крайне тяжелая. Завтра намечено проведение митинга и акции протеста у здания нашего посольства.

— Немедленно едем к родителям погибшего.

Меня пытались переубедить, мол дело может по всякому повернуться, сейчас все взвинчены до предела, но я уже принял решение.

Я прошел в квартиру, поздоровался, представился. Сразу увидел фотографию паренька в траурной рамке, рядом — стакан водки с краюшкой хлеба, горит свечка... Отец этого солдата оказался депутатом Великого народного хурала. Я сразу сказал ему, что сам отец троих детей и понимаю, что значит потеря ребенка. От имени нашей страны я выразил глубокое соболезнование семье в связи с постигшим ее горем. В присутствии командующего, военного прокурора и советника посланника, я заявил что немедленно свяжусь с командующим Забайкальским военным округом, попрошу его направить сюда самых квалифицированных следователей, которые совместно с монгольской прокуратурой проведут самок тщательное расследование. Виновные обязательно будут наказаны. Все расходы на погребение и обеспечение родителей берет на себя советская сторона.

Мы помянули его сына. Он сильно расчувствовался... На прощанье я его попросил, в связи с тем, что намечена акция протеста у нашего посольства, как-то воздействовать на людей, чтобы не допустить эксцессов. Он вышел на улицу проводить меня.

У моей машины столпился народ. При мне он обратился к соседям успокоиться и не совершать никаких необдуманных поступков.

На следующий день ждем одиннадцати (на одиннадцать часов был намечен митинг), думаем, , забросают посольство... Прошло время. Все тихо. Думаю, обошлось. В похоронах солдата принял участие советник посланника, все было сделано по-человечески. Но такой инцидент, который нужно было пережить.

Антисоветские настроения распространялись и по каналам средств массовой информации Советского Союза. Вот один характерный пример.

Приехал журналист из Москвы в Улан-Батор. Едет с монгольским коллегой по городу.

— Это здание, — говорит тот, — построили венгры, это — болгары, это построили русские...

— А что вы построили?

— А мы строим коммунизм!

Весь этот разговор был напечатан в «Московском комсомольце».

Меня пригласил товарищ Батмунх и выразил по этому поводу недоумение. Пришлось мне ему объяснять, что эта газета ни коим образом не отражает позицию нашего правительства. Наступила эра гласности, это частное соображение журналиста и ничего более. Кстати, заметил я, монгольские газеты такое про нас печатают, что диву даешься. Чем он мне мог возразить?

Такой характер носили в это время мои встречи с председателем Великого народного хурала.

Особенно тяжело мы переживали вывод советских войск. В располнении воинских частей оставались казарменные помещения, здания, сооружения. Опустели военные городки. Я посетил Председателя Совета министров Соднома на предмет хотя бы частичного возмещения затраченных нами средств.

— Мы и так вам должны более 11 миллиардов, денег у нас нет, вывозите что сможете.

Тяжелым было требование монгольского правительства закрыть нашу радиолокационную станцию, которая отслеживала весь Азиатско-Тихоокеанский регион. С президентом Очербатом я приезжал на РЛС.

— Это же ваши глаза и уши, — говорил я, — мы готовы делиться с вами всей необходимой информацией.

Монголы предлагали сохранить РЛС, но с условием, чтобы на ней работали монгольские граждане, а советские военные оставались лишь в качестве советников. Такая позиция нас не устраивала. Все оборудование пришлось демонтировать, а что осталось — взорвать. Надо ли говорить, какой громадный ущерб был нанесен стратегическим позициям СССР на Востоке.

Антисоветская истерия усиливалась с каждым днем. Отдельные проявления антисоветизма находились уже на грани террористических актов. Как-то в машину второго секретаря посольства

бросили самодельное взрывное устройство. К счастью, взрыв был небольшой, выбило стекла, люди не пострадали, но сам этот факт свидетельствовал о нарастании враждебных настроений.

Мои сообщения в центр о положении дел в Монголии почти не имели реакции. Сотрудничество между нашими странами сокращалось. Десятки тысяч советских граждан, специалистов, советников покидало Монголию. Между тем события развивались стремительно, внутривнутриполитическая ситуация в Монголии менялась прямо на глазах. Многие позиции советско-монгольского сотрудничества брались под сомнение и пересматривались не только руководителями демократических партий, но и с официальной стороны.

***

Запомнилась встреча с госсекретарем Бейкером в Монголию. Он прилетел в Монголию с полуофициальным визитом. Поздно вечером мне позвонил референт с сообщением о принятом поручении МИДа. Суть поручения состояла в следующем: мне надо было немедленно встретиться с госсекретарем и проинформировать его о реакции советского руководства на вторжение Ирака на территорию Кувейта. Как мне стало известно, наше правительство решительно осуждало действия иракского руководства и требовало немедленного прекращения этой агрессии.

Я позвонил в МИД Монголии и попросил дежурного связать меня с Гомбасуреном для организации встречи с госсекретарем США Бейкером.

Прошло полчаса — никакой реакции. Я перезвонил. Оказывается, только что закончился прием в честь Бейкера и Гомбасурен обещал сейчас связаться со мной. Жду еще полчаса и снова звоню дежурному:

— Я не понимаю вашего отношения... У меня срочное поручение моего правительства встретиться с госсекретарем Соединенных Штатов. Почему вы так относитесь... это же дело не терпящее отлагательств. Он говорит:

— Не волнуйтесь, я попробую найти Гомбасурена.

Я прождал еще полчаса. Наконец, раздался звонок:

— Василий Иванович, если вы готовы сейчас выехать, то господин Бейкер будет ожидать вас...

Когда я вышел из посольской машины у резиденции Бейкера, ко мне подошли два вооруженных негра и обратились ко мне по-английски. Не зная языка, я никак не мог объясниться с ними, пока из дверей резиденции не вышел молодой человек и обратился ко мне на русском языке:

— Господин посол, проходите, пожалуйста, вас ожидает господин Бейкер. Вы пока присядь-

те, выпейте чашечку кофе, о вас доложат. Я осмотрелся, всюду стучат телетайпы, туда-сюда снуют служащие... Хотя было уже около часа ночи, работа шла полным ходом. Не успел я пригубить кофе, как меня пригласили в кабинет госсекретаря. Поздоровавшись с Бейкером, я изложил ему данное мне поручение МИДа.

Поблагодарив меня, Бейкер ответил:

— Господин посол, значит, действительно, «новое мышление» в международной политике, о котором говорил президент Горбачев, победило. Впервые за всю послевоенную историю две сверхдержавы имеют общую точку зрения, единый взгляд. Я немедленно доложу об этом президенту. Думаю, что он высоко оценит позицию вашего руководства.

Он извинился за то, что не может представить супругу, день был насыщенный, она очень устала. — Я ответил:

— Господин госсекретарь, это я должен извиниться перед вами за столь поздний визит. Но поступить по другому я просто не мог.

— Господин посол, прошу вас не извиняться. Вы очень своевременно предоставили важную для моей страны информацию, медлить было нельзя. Мы должны объединять усилия и вместе требовать прекращения военной агрессии Ирака.

Мы разговорились. Он рассказал о встрече и переговорах с Э.А. Шеварднадзе в Иркутске.

— Иркутск для меня знакомый город, я работал там пять лет, — заметил я.

— Простите, господин посол, могу ли я поинтересоваться...

— Первым секретарем обкома партии.

— О! Очень интересно... Вы не против рюмки хорошего коньяка, за знакомство?

— Почту за честь, господин госсекретарь.

Он распорядился принести коньяк. Мы выпили за дружбу, сотрудничество и взаимопонимание. Бейкер продолжал.

— У меня была давняя мечта побывать в Монголии, увидеть своими глазами эту страну. Между прочим, мне предложили поохотиться на архаров в пустыне Гоби... Знаете что, господин посол, давайте-ка по второй...

Выпили по второй, разговор продолжался в том же духе.

— На Руси говорят: Бог любит Троицу, давайте, по третьей — и на отдых.

Выпили по третьей рюмке и я откланялся. Бейкер произвел на меня мощное впечатление, рафинированный интеллигент, прирожденный дипломат, обаятельной внешности, превосходный собеседник... Я был в восхищении от этой ночной встречи.

Пока я встречался с Бейкером из Москвы пришло еще три депеши: в чем дело, почему молчите? Доложите о выполнении поручения. Я отправил депешу в центр и лег спать. Утром я связался по ВЧ с первым замминистра иностранных дел МНР. Рассказав ему о встрече с Бейкером, я высказал догадку, что госсекретарь прервет свой визит в Монголию.

— Василий Иванович, я уточню и перезвоню вам.

Минут через двадцать звонок:

— Василий Иванович, вы правы. Бейкер срочно вылетает в Соединенные Штаты. Перед вылетом у него встреча с руководителями новых партий.

Как будет он лететь? Через Москву или через Японию?

Звоню в МИД Монголии — там ничего не известно. Позвонил в Иркутск начальнику Восточно-Сибирского управления гражданской авиации. У него тоже никакой информации. Я связался с американским послом и выяснил, что Бейкер летит через Москву. Я оправил об этом депешу в МИД.

От него я узнал, что встрече с Бейкером я обязан ему. Когда Гомбасурену сообщили о просьбе советского посла срочно встретиться с Бейкером, тот ответил: «Сейчас уже поздно, какая может быть встреча? Подождет до утра». Он случайно услышал этот ответ и доложил госсекретарю о

моей просьбе. Бейкер сразу согласился на такую встречу. Только тогда Гомбасурен распорядился сообщить, что госсекретарь готов меня принять.

Вечером по национальному телевидению передали, что Бейкер прервал свою командировку и вылетел в США.

Так состоялась моя встреча с госсекретарем Соединенных Штатов.

***

Я уже упоминал о том, что с началом перестойки мы стали резко сдавать свои позиции в Монголии. Происходили радикальные перемены. Из Госплана, Госбанка, других учреждений уходили наши советники. Зато значительно возросло китайское присутствие. Появились китайские ресторанчики, кафе, магазины. Не случайно Очербат в беседе со мной перед отъездом назвал это китайским «ползучим проникновением».

Заметно активизировали свою деятельность в Монголии американцы, англичане, японцы. Я подробно информировали о том, что наши позиции в Монголии ослабевают...

***

Вековыми монгольскими традициями предписывалось беспрекословное подчинение властям,

уважительное отношение к старшим. С началом демократических преобразований в Монголии эти вековые устои стали рушиться.

Припоминаются первые студенческие митинги, нередко сопровождавшиеся голодовками. На площади Сухэ-Батора студенты разбили палатки с требованиями отставки правительства и освобождения здания ЦК МНРП. Приехали на повозках араты, чтобы увезти их от позора. Но голодавших окружили в четыре ряда, локоть к локотю и даже не дали подойти к ним. Впрочем, голодовки были своеобразными. Я направлял сотрудников посольства на площадь понаблюдать за голодающими. Выяснилось, что глубокой ночью студентам принесли мяса, архи. Конечно, так можно было держаться довольно долго...

***

На 19 августа 1991 г. у меня была запланирована поездка с послом Южной Кореи в воинскую часть в Баганур, которую покинули наши войска. Нам предстояло осмотреть казармы и другие пустующие помещения на предмет организации совместного советско-южнокорейско-монгольского предприятия по выпуску аудио-телеаппаратуры. Монголы предоставляли рабочую силу, наши — инженерное обслуживание, южнокорейская сторона брала на себя менеджмент, поставку узлов, запчастей и пр. О своем

отъезде я заранее предупредил советника посланника М.П. Макареева.

В этот день произошел переворот в Москве. Посольство получило от гэкачепистов указание проинформировать руководство Монголии о том, что Горбачев по состоянию здоровья не может руководить страной. Все договоры Советского Союза с Монголией остаются в силе. Эту информацию я направил в Великий народный хурал и совмин.

Мы приехали в Баганур. Южнокорейский посол пришел в восхищение от того, что здесь можно без особых затрат организовать производство. Посол сказал, что даст телеграмму своему президенту, расскажет о наших планах и я думаю, что такое предприятие может быть организовано.

Во время обеда раздался звонок из посольства. Михаил Петрович Макареев тревожным голосом сообщил мне, что пришла депеша от первого заместителя министра иностранных дел. Требовалось посетить Батмунха и лично вручить ему послание от гэкачепистов. Я ответил ему, раз есть такое поручение, пойдя да вручи. Он так и поступил.

Вовремя обеда посол Южной Кореи предложил всем поехать на рыбалку. Выбрали подходящее место, закинули удочки. Клев был такой, что мы только успевали таскать рыбу. Посол вошел

в азарт. Потом не знали, куда эту рыбу девать, столько ее наловили.

Такая поездка состоялась 19 августа.

Во время пресс-конференции гэкачепистов, я от греха подальше, распорядился снять портрет Горбачева, висевший в моем кабинете и повесить портрет В.И. Ленина. В других кабинетах портрет Горбачева так и остался висеть. Так я совершил необдуманый шаг.

Вскоре на многочисленном митинге на площади Сухэ-Батора руководитель одной новой партии выдвинул требование объявить советского посла персоной нон-грата. Почему? 19 августа он выезжал в Баганур, чтобы поднять дивизию в поддержку коммунистического правительства Монголии. — Раз. Он все время поддерживал связь с гэкачепистами и исправно исполнял все их указания. — Два. Когда гэкачеписты пришли к власти, он заменил у себя в кабинете портрет Горбачева на портрет Ленина. — Три.

Это было делом рук Кручкина.

На следующий день я пришел к Гомбасурену за разъяснениями.

— Василий Иванович, — отвечал он мне, — это же не позиция монгольского правительства. У нас сейчас свобода слова, мало ли кто что выдвигает.

гает. Не обращайтесь на это внимания, работайте спокойно. — Я возразил:

— Нет, сейчас не то время, чтобы закрывать глаза на это дело. Я прошу вас организовать пресс-конференцию с моим участием. — Он вынужден был согласиться со мной.

На пресс-конференции, которая транслировалась в прямом эфире по телевидению и радио, глава демократической партии повторил все то, что обо мне говорилось на митинге. Выступило еще несколько человек с обличениями. Наконец, слово дали мне.

Я сказал, что все годы работы старался развивать сотрудничество. Я даже выполнял некоторые несвойственные послу функции. Были затруднения с нефтепродуктами, когда даже скорая помощь не могла выехать, ... могли быть допущены перебои в снабжении хлебом, первый заместитель министра, председатель Совмина ночью даже звонил:

Используя старые связи еще во время работы в Иркутской области я звонил генеральному директору «Ангарскнефтеоргсинтез», просил его ускорить отгрузку нефтепродуктов для Монголии, затем начальнику управления Восточно-Сибирской железной дороги, чтобы он поставил цистерны. Помню эшелон, который шел в Монголию, задержала таможня, потому что не были документы об оплате за нефтепродукты,

я вынужден был звонить начальнику таможи в центр и используя свое знакомство с ним, упросил его разрешить пропустить этот состав, иначе большие осложнения в Монголии, все на нуле почти осталось, чтобы нормальную жизнь обеспечивать. Под мое честное слово он разрешил пропустить состав. Утром он поступил в Улан-Батор и эти проблемы были сняты. Да и ряд других проблем.

Я считал своим долгом помогать Монголии, укреплять, развивать наше сотрудничество, никаких мыслей не было, чтобы подрывать устойчивость монгольского государства. А тут такое немыслимое обвинение в мой адрес. Это во-первых.

Во-вторых. О моей поездке в Баганур. Я сказал, что она была уже давно запланирована на 19 августа. Рассказал о цели поездки и о самой поездке. Никаких дивизий я не мог поднимать. Это не входит в права посла — поднимать дивизию. На это существует военное командование. Снял второе обвинение.

Третье. Все переговоры по ВЧ в посольстве регистрируются в журнале. Я предъявил справку, согласно которой во время переворота я не сделал ни одного звонка. Когда я уехал в Баганур, был звонок из МИДа, с Москвой говорил советник посланника Макареев. Так я отмел и это обвинение.

Правда, о моем указании заменить портрет Горбачева на портрет Ленина, я ничего не сказал. Потом монгольские СМИ обратили на это внимание, подчеркнув, что я умолчал об этом.

Я не понимаю, почему надо нагнетать несуществующее обвинение в адрес советского посольства и посла.

У меня сложились неплохие отношения с советскими журналистами. Я пригласил их и рассказал как обстояло дело в действительности.

В те дни погорело немало послов. Мое положение было не из простых. Каждый день я ожидал по радио, по телевидению... Ничего подобного в печати не проскользнуло, правда в газете прошло мелким шрифтом, никаких объяснений с меня не потребовали. Надо было быть осторожным.

***

После вывода советских войск из Монголии мы с членом Политбюро и секретарем ЦК МНРП поехали посмотреть на опустевшие военные городки. При одном их виде у меня сердце кровью обливалось, — как Мамай прошел. Выломанные дверные, оконные переплеты, исковерканные трубы, радиаторы. Из лестничных пролетов дома офицеров торчат лошадиные головы...

***

Запомнился приезд секретаря ЦК Никонова, который знакомился с состоянием сельского хозяйства Монголии. Поехали мы с ним в пустыню Гоби посмотреть на хозяйство арата. Одних верблюдов у него было более сотни, — богатый арат. Чтобы напоить скот из колодца глубиной метров пятьдесят, ведра с водой поднимались на веревках вручную. Сто верблюдов! И каждый из них вливает в себя литров по десять. Сколько же надо жене арата поднимать ведер из колодца! А ведь кроме верблюдов надо поить баранов, яков, лошадей. Какой каторжный труд! У арата имелся японский генератор, но он работал не только на освещение. Вот и вся техника.

— Не понимаю, как мы могли допустить такое! — удрученно вздыхал Никонов. Вот они, проколы в нашем сотрудничестве. Нельзя дальше терпеть такое положение.

Вернувшись в Улан-Батор, он рассказал Батмунху об увиденной им картине. Тот согласился, заметив, что это целая проблема. Заключен контракт с японцами на поставку мини-электростанций малой мощности, рассчитанных только на подключение бытовых приборов, освещение. Они не решают вопроса. Но кое-какие сдвиги все же намечаются.

Если ты не рыбак и не охотник, то почему тогда тебя отправили послем в Монголию? — Так подшучивали надо мной не раз.

Однажды меня все-таки уговорили поехать на охоту на волков, излюбленный вид здешней охоты.

Поехали мы с генконсулом из Дархана, с нами еще три человека. Приехали почти к советской границе. Поднялись часа в четыре утра. Заезжаем на одну, вторую, третью сопку, монголы смотрят в бинокль. Голая степь. Долго ездили.

— Это у вас из-за меня ничего не получается, потому что я не охотник, — сказал я.

Только я это произнес, как услышал в ответ:

— Зря вы так говорите, Василий Иванович, вот они, волки.

И вот мы по степи на «уазиках»... сто километров в час ... Волк километра четыре держался, а когда начал выдыхаться развернулся и бросился на машину. В этот момент его пристрелили.

В те дни я ждал рождения внука. Мне говорят:

— Вот и шкура в подарок вашему внуку.

Едем дальше, пристрелили еще одного волка. Потом окружили другого, кричат:

— Не стреляйте, дайте послу пристрелить его.

— Я и стрелять-то не умею, — говорю.

Монголы вошли в азарт и до того как мы подъехали этого волка уничтожили. Потом пристрелили пару лисиц.

— Василий Иванович, лисьи шкуры подаришь, если вдруг внучка родится.

Вернулся я в Улан-Батор, позвонил чехословацкому послу:

— Помогите, пожалуйста. У меня есть две волчьи и три лисьи шкуры, три внучки и два внука, надо, чтобы каждому досталось по шкуре.

По обработке шкур лучшим специалистом был завхоз чехословацкого посольства.

— Василий Иванович, сделаем, какой вопрос! Присылай свои шкуры.

С чехословацким послом мы были дружны. Он часто обращался ко мне с просьбой по поводу ремонта своей машины, просил прислать моего шофера. Тот всегда помогал и в благодарность за оказанную услугу получал ящик пльзенского пива.

В то время дипкорпус в Улан-Баторе в определенной степени зависел от посла Советского Союза. Почему? Потому что в магазине для дипломатов выбор был скуден, ограничен, качество товаров невысокое. А в магазинах для советских граждан торговля продуктами и промтоварами была организована на приличном уровне. По-

слы и советники посланника разных стран меня постоянно осаждали просьбами прикрепить их к нашим магазинам. Разрешение можно было получить только у меня.

Вторая зависимость. Дипломаты не хотели отдавать детей в монгольские школы. Шли опять ко мне, просили разрешения учиться детям в наших школах. Лечиться в монгольской поликлинике тоже не хотели. Приходилось давать разрешение.

Страна пребывания обязана обслуживать дипломатов в соответствии с общепринятыми международными нормами. Но у Монголии такая возможность отсутствовала. А в нашем распоряжении были оборудованные новейшей медицинской техникой поликлиника и стационар. Принимая решение, я сразу ставил условия. Каждый посол был обложен определенной «данью». Венгерский посол помогал нашим медицинским учреждениям качественными медикаментами. Через японского посла мы приобрели томографы и т.д. Однажды был случай, когда у меня начальник четвертого управления Минздрава СССР выпросил для ЦКБ томограф. Таким образом, мы находились в особо привилегированных условиях жизни и работы.

Более того, многие руководители МНР отоваривались в советских магазинах. До поры до времени этот факт нам не доставлял никаких неприятностей. Но с началом демократических преобразований такая практика получила огласку. Пошла информация,

что советское посольство подкармливает партийно-государственную верхушку, поэтому она и не беспокоится о народе, живет себе в свое удовольствие. Дело дошло до того, что у жен монгольских чиновников, выходявших из нашего магазина, стали отбирать продукты. Такие неприятные моменты случались все чаще. Чтобы прекратить нарекания со стороны общественности, я предложил председателю совмина Содному выход: мы вам будем выделять продукты, а вы уж сами организуйте магазин. Пускай там отовариваются все, кого вы сочтете нужным. Он обещал мне посоветоваться с Батмунхом, но так никакого решения принято не было. Постепенно мы начали ограничивать их снабжение.

***

Еще об одной любопытной поездке. Председатель совмина Содном пригласил меня слетать с ним в Баян-Ульгийский аймак, в котором большую часть населения составляют монгольские казахи. Я с удовольствием согласился.

Первое, чему я удивился. Мне показывают: там территория Тувы, вот тувинский скот пасется на территории Монголии, в Туве пасется наш скот. Никаких недоразумений по этому поводу не бывает, отношения с тувинскими соседями добрососедские.

На территории аймака располагалось богатейшее месторождение серебряной руды. Приехали на руд-

ник, спустились в штольню, прошлись, я увидел, как добывается серебро. Надо мной потом смеялись:

— Василий Иванович, посмотри, кажется твои подошвы в серебре.

Тогда же мы с Содномом обговорили вопрос об организации здесь совместного предприятия. Подготовка договора уже завершалась, но реализации наших планов помешали события, о которых я уже рассказывал.

Запомнилось посещение одного арата-казаха. В степи стоит юрта и деревянный домик. Вся цивилизация. Нас принимали в юрте. Арат зарезал годовалого жеребенка и приготовил более шестидесяти блюд: и колбаски, и печень, и почки... Настолько все было вкусно приготовлено... У многих русских существует какое-то предубеждение насчет конины, а ведь конь это очень благородное животное. И вот угощают нас изысканными блюдами, течет разговор о здешней жизни, обычаях и традициях. Вот один из них. Почетному гостю предоставляется право разделать барана. Существует целый протокол по разделке туши: глаз вырезается — хозяину, чтобы он лучше видел, ухо — хозяйке, чтобы та лучше слышала, и так далее каждому члену семьи, а потом и присутствующим.

На следующий день мы заехали к другому арату. Слышу, он говорит:

— Василий Иванович, вы мой почетный гость.

Я уже знал об обязанностях почетного гостя и неплохо справился с ними.

***

Прошло почти четыре года. В начале января 1992 г. я получил депешу, в которой сообщалось, что решением коллегии МИДа я освобожден от должности посла по возрасту в связи с уходом на пенсию. Мне уже шел 65 год...

Наступил период прощальных визитов. По протоколу надо было посетить председателя совмина, президента, министров, послов. Кроме того я принял решение нанести визит руководителям демократических партий. Сотрудники меня отговаривали от этого шага, мол, Василий Иванович, это вовсе не обязательно... Нет, — возразил я, — это необходимо для будущего. Я выразил им свою надежду на дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества Монголии и России, на то, что традиции дружбы наших народов не будут утрачены. Думается, я поступил правильно.

В течение полутора месяцев я совершил все прощальные визиты.

***

3 марта 1992 года я покинул Монголию и вернулся в Москву. Приехал в МИД, отдал документы для оформления пенсии. Согласно посольско-

му этикету мне надо было посетить первоого заместителя министра иностранных дел, который курировал Монголию. Я попросился на прием к Кунадзе. Захожу, он меня спрашивает:

— Василий Иванович, у вас ко мне какие-то вопросы?

— Да нет. Я хотел бы поделиться своим видением наших отношений с Монголией. Стоило мне упомянуть о беспокойстве Очербата проникновением Китая в экономику Монголии, как он тут меня же прервал:

— Василий Иванович, в данный момент Монголия не представляет для нас особого интереса. Мы не собираемся осложнять отношения с Китаем. Не думаю, что эта информация будет нам полезна...

На этом наша беседа закончилась. Я понял, что его ничего не интересует.

Были, правда, предложения еще поработать советником, но я заявил, что перестраиваться мне поздно, а подстраиваться тем более.

Так закончилась моя дипломатическая деятельность. Я ушел на пенсию.

Началась новая полоса моей жизни.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

На первом курсе горного техникума на встрече Нового года я познакомился с Надей Петровой, студенткой факультета горного транспорта. Между нами завязалась дружба, которая переросла в первую любовь. За четыре года учебы мы провели много незабываемых дней. Вместе участвовали в художественной самодеятельности, играли в драматическом кружке.

По окончании техникума дело шло к свадьбе: я сделал ей предложение. Она ответила мне согласием.

— Приходи к нам в воскресенье, проси у родителей, как это положено, моей руки.

И надо же было случиться такому. Выхожу я из общежития, смотрю, ребята играют в волейбол. Я подключился и так увлекся, что не заметил, как прошло время. Посмотрел на часы — уже полчетвертого. Сбегал в душ — и на трамвайную остановку. Как назло трамвая нет и нет. А пешком надо было идти километров шесть. Промаялся на остановке, развернулся и пошел обратно.

Через неделю я был приглашен на свадьбу ее подруги Маши Ащеуловой, вышедшей замуж за моего друга. Приглашена была и Надежда.

Я попытался объяснить с ней, но она и слышать ничего не хотела, сочтя мое поведение оскорблением.

Так нас развела судьба.

После окончания техникума в 1948 году меня командировали в Алтайский край агитировать выпускников школ, чтобы они приезжали поступать к нам...

Еду я на грузовике в Бийск. Присмотрелся к попутчикам, вижу — симпатичная, интересная девушка с пышными волосами. Наверное, в этот момент и решилась моя судьба. Приехали в город. Девушка направляется к гостинице, я за ней. Устроился, решил сходить в столовую. Смотрю, она с девчатами сидит за столом, одно место свободное. Я подсел к ним:

— Разрешите составить компанию?

Прошло. Я осмелел, представился. Девушку звали Анна Скачкова. Я предложил ей прогуляться по городу, осмотреться. Погуляли. На прощание я говорю:

— Завтра Троица, может быть, сходим в церковь на богослужение?

— Хорошо, только бы не проспять.

— Я вас разбуджу...

Рано утром мы встретились, пошли в храм. Народу почти никого не было, немного послушали богослужение. Обернулись, народу набилось,

яблоку упасть негде. Кое-как удалось протиснуться к выходу. Стоял прекрасный солнечный день. Предложил прогуляться по окрестностям города. Прошлись. Я вдруг начал рассказывать ей о своей первой любви и что из этого вышло. Она внимательно слушала. Посмеялись. Познакомились поближе. Анна жила в Рубцовске, где работала учительницей математики. Приехала в Бийск поисках места преподавателя в небольшом селе или городке. Через день она собиралась уезжать. Я проводил ее, а утром совершенно случайно повстречал ее, когда она уже шла на автобусную остановку. Я набрался храбрости и подошел к ней:

— Анна, оставьте мне, пожалуйста, свой адрес, я вам буду писать.

— Адрес простой: Рубцовск, до востребования, Анне Скачковой.

На том мы и расстались. Я вернулся в Прокопьевск, между нами завязалась переписка. То был 1948 год. В 1949 году я снова был командирован в Алтайский край и сразу же направился в Рубцовск. Написал Анне, что приезжаю такого-то числа. Она меня встретила и предложила остановиться в домике, где она жила с матерью. Для меня нашлась свободная койка.

В первый же день я столкнулся с неприятной для себя неожиданностью. Вокруг нее увивались молодые люди, количество которых меня сму-

тило. Я старался не подавать вида и переносил это с внешним спокойствием. Поскольку у меня было много свободного времени, я приступил к налаживанию отношений. Будет и на моей улице праздник, — думал я, решив не опережать события. Уезжая домой, я сказал Анне, что приеду на следующий год и заберу ее с собой.

— Посмотрим, время покажет, давай не будем давать друг другу никаких обещаний...

Вскоре я был командирован на Высшие инженерные курсы. Я сообщил Анне, что уезжаю учиться в Томск. В течении всего первого курса мы с ней вели интенсивную переписку. Закончились занятия и я, не заезжая домой, приехал в Рубцовск, где и сделал Анне предложение. Она сразу дала согласие. Мы зарегистрировали брак. Но затем мне пришлось столкнуться с новой трудностью. Анна подала заявление на увольнение, но директриса школы в категорической форме отказалась подписывать его.

— Анна Сергеевна, поймите меня, вас же нечем заменить. Надо было сначала посоветоваться со мною, а потом и замуж выходить!

Я встретился с директрисой — нивкакую.

Пошел к завгоруно. Тот даже не стал со мной разговаривать. Тогда я сел в поезд и поехал в Барнаул. Приехал под вечер, рабочий день закончился. Не имея никаких шансов, я попросился на

прием к первому секретарю Алтайского крайкома партии Пысину. Самое удивительное в том, что мне, наконец, повезло. Он принял меня без проволочек. Я рассказал ему, с каким вопросом неожиданно пришлось столкнуться.

— Нам что теперь, разводиться из-за этого?

— Переезжай к нам на Алтай.

— Не могу.— Я рассказал о своей работе в Прокопьевске.

— Ну, раз такой случай...

Так был разрешен вопрос с увольнением Анны. Теща продала дом и мы втроем уехали в Прокопьевск. Через несколько дней сыграли свадьбу. Пригласили директора техникума, секретаря парторганизации, из Дуброва приехала сестра матери тетя Домна с мужем, несколько родственников. Не обошлось без недоразумений. Чтобы попасть на обратный поезд в Дуброво тете нужно было к пяти утра уже быть на вокзале. Понятно, в такую рань трамвай еще не ходит. Секретарь парторганизации ради такого дела предложил взять в гараже техникума «уазик». Сторож где-то крепко спал и не слышал, как мы завели машину и выехали из гаража. Привезли тетю с дядей на вокзал, проводили их как положено. По дороге домой поднимаемся на Тырган и как нарочно машина заглохла, кончился бензин. Я сел на проходивший мимо трамвай, доехал до техни-

кума, а там поднялась тревога, уже сообщили в милицию об угоне машины! Я быстренько налил в ведро бензина, вернулся на трамвае к машине. Заправились. В семь утра она уже стояла в гараже.

Так прошла моя первая брачная ночь.

Анна Сергеевна стала мне настоящей подругой и спутницей жизни. Я бесконечно ей благодарен за все, что она для меня сделала; если бы не она, сколько бы необдуманных поступков я совершил!

Упомяну об одной особенности устройства нашего семейного быта. До женитьбы я жил с матерью и братом Виталием в однокомнатной квартире. С тех пор, как я женился, моя мать и теща прожили всю жизнь вместе с нами. Родственники и друзья говорили, что мы заслужили за это особую медаль. Возникавшие между ними порой конфликты мы с женой быстро гасили. У нас было заведено за правило: если у меня есть какие-то замечания к теще, я считаю, в чем-то она не права, то я просил жену переговорить с Ксенией Михайловной, объяснить ей, в чем дело. Все-таки мы были на глазах у людей. Поговорит дочь с матерью и все вопросы снимет. И наоборот. Если у жены к моей матери возникали претензии, Анна обращалась ко мне. В таких случаях я в разговорах с матерью находил такие слова, на какие

вряд ли решилась произнести невестка. Такой способ помогал нам как-то сглаживать, уравновешивать отношения между ними. Если они жаловались нам друг на друга, мы неизменно говорили:

— Знаете что, разбирайтесь сами!

И действительно, поругаются, через полчаса помирятся. Зайдешь к ним в комнату, они все вспоминают о том, как в девках жили. Необходимо было учитывать и такие нюансы. Из московской командировки я как-то привез в подарок матери и теще два отреза крепдешина на платья. Тогда он был страшно модным. Цена у отрезков одинаковая, а расцветка разная. И сам потом был не рад. Теща ворчит, что я своей матери привез более красивую расцветку, мать говорит ты тещу больше любишь, привез ей более красивую расцветку. После этого им стали покупать все одинаковое, платья, ботинки, пальто — все одинаковое, чтобы не было никаких разговоров.

Такая у нас сложилась необычная семейная традиция.

Мы с Анной Сергеевной безмерно признательны своим матерям за их помощь. Благодарим, у нас не было ни забот, ни хлопот с нашими детьми. Уезжая в отпуск, мы были спокойны за них, зная, что они всегда будут во-время накормлены, как надо одеты, обуты — бабушки все контролируют.

Теща Ксения Михайловна ушла из жизни, когда я работал в Иркутске. Там мы ее и похоронили. Мать похоронена в Москве; она умерла, когда я получил назначение послом в Монголию.

***

Остановлюсь на своем первенце.

Старший сын Саша родился у нас семимесячным. Утром я пошел сдавать экзамен по немецкому языку, Анна ушла на консультацию к врачу. Я сдал экзамен, пришел домой — ее нет. Сходил на базар, купил колбасы, зелени, кваса, приготовил окрошку. Жду. Шесть часов — ее нет. Я встревожился. Куда она подевалась? Хозяйка, у которой мы снимали комнату, посоветовала позвонить в роддом.

— Какой еще роддом? Она же еще на седьмом месяце!

Накануне, как на грех, жившая с нами теща решила съездить к дочери Клаве. Обещала вернуться месяца через два, перед тем, как Анне наступит срок рожать.

Девять вечера. Я вконец разволновался. Телефона у хозяйки не было. У соседей я выяснил номер телефона роддома, звоню. Мне отвечают: скоро родит, не беспокойтесь, позванивайте...

Что мне было делать? От беспокойства я не находил себе места. Я поехал на вокзал, наменял там пятнадцатикопеечных монет и звонил из

телефона-автомата каждые полчаса до рассвета, справлялся, каково положение. Наконец, в четыре тридцать я совершил последний звонок. Меня поздравили с рождением сына, сказали, что мать и ребенок чувствуют себя хорошо.

Не помня себя от радости, я взглянул на небо — оно было чистым, ни облачка. Загадал, чтобы жизнь у сына была такая же безоблачная. Подошел к буфету, заказал 150 грамм водочки и выпил за рождение первенца...

Вернулся домой, хозяйки ко мне:

— Как Анна? Что с ней?

— Родила сына!

— Ребенок здоров?...

Сразу возникла проблема. Ведь для новорожденного у нас еще не было ничего приготовлено. Я дал телеграмму теще, чтобы та немедленно возвращалась в Томск. А пока попросил помощи у хозяйек, дал им денег на покупку всего необходимого малышу. Сибиряки люди очень отзывчивые, благодаря им, я успел во время подготовиться... Когда Анну выписали из роддома я от волнения потерял голову и даже не догадался заказать такси. Так и шли пешком. Всю дорогу я нес младенца на руках. Проходим мимо колонки, люди набирают воду. Слышу вдогонку:

— Новоявленный папаша идет, землю под ногами не чувствует...

Прошла неделя, а я никак не мог привыкнуть к тому, что стал отцом. хоть послушаю голос какой у него. Только на шестой день мне удалось раздразнить его и он разревелся.

Когда я закончил второй курс, мы отвезли его домой в Прокопьевск. Там мать и теща по-настоящему добрались до него. После каникул мы вернулись в Томск, наши хозяйки были поражены:

— Какой парень-то мордастый, красавец — прямо Аполлон!

Мы с Анной распределили свои ночные обязанности. Она дежурила у кровати до двух ночи, а я потом до восьми утра. Боялись, не дай Бог, упрется головкой в подушку, задохнется. Стоило Саше пошевелить ручкой, как я уже был около него тут как тут. Я даже сбегал с лекций, не позволяя его купать без меня. Пеленать я научился так, что удивлял соседок.

В тот год я заканчивал институт. В феврале засел за дипломный проект, работал сутками. К Первомайским праздникам все было готово. До защиты, однако, оставался почти месяц. Весна стояла теплая, солнечная. На праздник я пошел прогуляться по Томску и взял с собой Сашу. Малыш любознательный, вертит головкой, все ему интересно. Зашел в дипломку, мои сокурсники корпят за чертежами. Повозились с ним, а по-

том выставили нас: иди-иди, говорят, у тебя уже все готово, а нам еще работать да работать.

Меня поставили в очередь на защиту дипломного проекта на третий день. Прихожу, смотрю, устанавливается телекамера, стоят люди с букетами цветов... Защита прошла без проблем. Я был уверен в себе.

И вот нас собирают в аудитории, объявляют оценки, зачитывают мою фамилию: «отлично». Далее слышу:

— ... Государственная комиссия доводит до сведения, что Ситников Василий Иванович является тысячным выпускником Высших инженерных курсов.

Меня поздравляют, вручают цветы, работает телехроника... Цветы я отдал Людмиле Кулаковой, единственной женщине из нашей группы. Поскольку я защитил диплом с отличием, мою фотографию поместили на доску почета.

Так я попал в томскую историю.

Сейчас я член землячества ТПИ, сейчас уже университета. Ежегодно мы проводим встречи выпускников, в Москве их более тысячи. Среди них министры, замминистров, руководители разных ведомств, академики, членкоры. Наши встречи всегда проходят очень эмоционально. Вспоминаем молодость, отмечаем заслуги выпускников Томского политеха.

Через год после возвращения в Прокопьевск у меня родилась дочь Ольга. К этому времени я получил трехкомнатную квартиру на Тыргане. Так что жилищные условия у нас были вполне приличные, никаких неудобств мы не испытывали.

В 1956 году родился младший сын Иван. Детей мы старались воспитывать, не проявляя повышенных эмоций, в строгости. Жена с бабушками ни с кем из них не сюсюкалась, больших вольностей не позволяли, вели себя с ними очень сдержанно. Такие человеческие качества, как скромность, честность, порядочность, уважительное отношение к близким и родным дети усвоили на всю жизнь. Они даже старались скрывать, кем я работаю. Это они унаследовали от матери. Анна нигде и никогда не подчеркивала свое положение, которое ее смущало и тяготило. Ведь на нее смотрели как на жену секретаря райкома, потом первого секретаря райкома, потом второго секретаря горкома и так далее.

Когда дети сдавали экзамены, мы с женой в это время находились в отпуске. И только вдали от дома узнавали о том, как у них идут дела. Конечно, как и все родители, мы очень волновались, особенно когда они сдавали школьные выпускные экзамены и поступали в институт.

Дети один за другим закончили Кузбасский Политехнический институт. Старшие Саша и Ольга закончили экономический факультет.

Саша получил специальность горного инженера-экономиста и работал на шахте в Кемерово. Затем товарищ соблазнил его перейти на работу в Комитет госбезопасности. Мы с матерью были против такого шага: бедный мальчик, начитался детективов, захотелось романтики... Долго его отговаривали, но никакие уговоры на него не действовали. Через полтора года он поступил на работу в КГБ. Потом был направлен в Кишинев, работал в центральном аппарате в Москве. Офицерскую карьеру закончил в Одессе. Вот уже несколько лет, как он на пенсии, трудится с братом Иваном.

Ольга работала в шахтостроительном управлении, затем в университете. Закончила аспирантуру Московского Горного института, готовила кандидатскую диссертацию. Но не получилось. Вышла замуж, родила нам внучку Марию. Сейчас она работает экономистом в одной из московских компаний.

Младший сын Иван закончил строительный факультет, учился в московской аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию. Несколько лет работал научным сотрудником НИИ железобетона (НИИЖБ). Его научный и организаторский талант развернулся всюю уже в Москве, где ему удалось довольно успешно основать свое дело.

НА ПЕНСИИ

Смыслом оставшейся жизни сделалось воспитание внучат. У меня их пять: три внучки и два внука.

Рождения внука я ожидал еще в Монголии. В воскресенье 27 ноября на моей даче вдруг раздался звонок из Москвы, радостный голос младшего сына Ивана:

— Папа! Родился Василий Иванович второй!!!

Согласно семейной традиции внука назвали Василием. Мой дед — Василий. Отец — Иван Васильевич. Я — Василий Иванович. Своего сына я назвал Иваном. А внук, говорил я, будет Василием Ивановичем. Невестка Елена мне заметила:

— Василий Иванович, а вдруг внучка родится?

— Если родится внучка, назовем ее Василисой!

Родился внук... Я сообщил Ивану, что у меня уже готов подарок новорожденному — шкура волка.

— Родишь мне внука, — говорил я невестке, — заберу его прямо из роддома и сам буду воспитывать! — Та в ответ только смеялась...

— Ну что, Василий Иванович, выполняй свои обещания.

В воспитание внука Василия я вложил всю свою душу и сердце. С ним я нянчился, водил его в шахматную школу во Дворец пионеров, потом во Дворец спорта, в школу олимпийского резерва по плаванию... Парень рос непоседой, в нем было столько энергии, что ее надо было откачивать. Прошло время и сейчас он уже студент Московского архитектурного института.

***

После выхода на пенсию жена меня привлекла к трудам праведным на лоне природе. Я послушался. Старший сын купил неказистый домик в деревне Мусино Волоколамского района. Привели его в порядок, чтобы в нем можно было жить. Но самым большим нашим богатством было тридцать соток земли. Анна выращивала лучшие сорта помидор, смородины, ежевики, потом пошли сливы, вишни, яблоки. По старой памяти еще садили десять соток картошки. А зимой у меня было чем заниматься. Каждый день я выходил как на работу, провожал внука в школу, встречал его, обедал с ним, затем мы шли с ним в шахматную школу. Пока он там занимался, я гулял часа полтора, потом забирал его, приводил домой, следил, как он готовит

домашнее задание. Только к восьми вечера я возвращался к себе домой.

Такой жизненный ритм установился надолго.

Я всегда думал: вот уйду на пенсию, появится свободное время, займусь чтением, наверстаю упущенное... Ничего подобного, каждая минута оказалась на счету. Утром встаю, не успел оглянуться — день прошел.

Так я посвятил всего себя воспитанию внука и трудам на земле в Мусино.

***

Старшая внучка Аннушка с отличием закончила филологический факультет Одесского университета и параллельно получила специальность компьютерного дизайнера. Сейчас она работает в Москве. Старший внук Саша получил профессию автомеханика в дорожно-транспортном техникуме. Затем закончил юридический факультет Одесского университета. Парень серьезный, спортивный, играл в баскетбольных командах института и техникума. Маша закончила Высшую школу экономики. Успела побывать на стажировке в Англии. Сейчас работает в солидном банке. Младшая внучка Людочка защитила диплом по международному бизнесу и сейчас работает вместе с отцом.

***

Пролетели полные трудов, забот и хлопот годы. Здоровье уже не то, но на судьбу мне обижаться грешно, от жизни я получил все, о чем мечтал.

С Анной Сергеевной мы прожили вместе более полувека. Мы чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете: у нас выросли прекрасные дети, замечательные внуки. Они придавали нам смысл жизни. Если у детей все в порядке, по-хорошему складываются дела у внуков, то что еще нам, родителям, можно пожелать?..

***

Жизнь моего поколения сопровождалась историческими событиями и потрясениями колоссального масштаба. Я вовсе не претендую на их глубокое обобщение, однако, вспоминая о былом, я старался показать, как судьба моей Родины отразилась на моей судьбе, на судьбе каждого из моих современников.

Залечивание ран нарушенного революцией и Гражданской войной народного хозяйства, новая экономическая политика, затем крутой поворот на коллективизацию и индустриализацию страны, раскулачивание, национализация собственности, ломка вековых традиций, новая национальная политика, борьба с «врагами народа» и беспредел в нарушении гражданских

прав и свобод, разгул стукачества и уничтожение невинных людей всех званий и положений, ускорение темпов индустриализации и рост оборонной мощи страны за счет села. Первые предвестники надвигающейся большой беды, суровые испытания в годы Великой Отечественной войны, беспримерный подвиг советского народа, отстаившего свою независимость, послевоенное восстановление разрушенной экономики. Советские люди совершили величайший трудовой подвиг. В короткие сроки наш народ восстановил народное хозяйство, развернул широкомасштабную борьбу за мир, достиг такого прогресса и совершенства, о котором человечество могло только мечтать. Затем последовала непомерная централизация управления, бесправное положение руководителей предприятий, ограничения инициативы, самостоятельности, предприимчивости, крупные политические просчеты, бездарное руководство и предательство привели к развалу Советского Союза по сговору кучки пьяных руководителей.

Предстоит мужественно, терпеливо вживаться в совершенно новую формацию.

1943г. В пионерском лагере.

1949г. Демонстрация 1-мая, Прокопьевск.

XXVI съезд КПСС, в зале заседаний.

1981г. XXVI съезд.

1971г. ГДР 1 мая.

1980г. На встрече бригадиров.

1956г. 1-й Секретарь Рудничного райкома.

1960г. Среди работников аппарата РК.

1983г. Первая посевная в Иркутске.

1985г. 20.12. Областная парт. конференция. Доклад.

Встреча с ветеранами войны, г.Иркутск.

В поездке по БАМу с Г.Алиевым.

1985г. На Сессии Верховного Совета СССР.

1986г. Кемеровская делегация в Иркутске

1988г. Делегация ЦК КПСС в Иркутске

г.Иркутск, с президентом Афганистана

1986г. В КНДР

С Корейским лидером Ким Ир Сэном.

С председателем Народного Хурала МНР

1988г., Монголия, Почетный караул.

1989, Дархан, Генконсульство.

1990г. В гостях у арата.

1990г, с премьер министром МНР Содномом.

Дег — Ситников Василий Иванович, 1907г.

Отец — Ситников Иван Васильевич.

Мать Устинья Матвеевна и теща Ксения Михайловна.

После регистрации брака, г. Рубцовск, 1950г.

Семья 1961г., ...

Семейная фотография 1969г

1978г. Молдавия, в гостях у родственников.

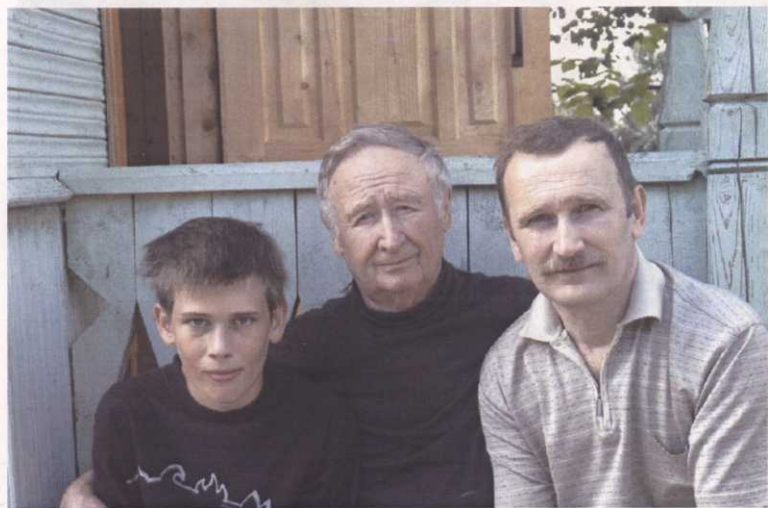
Празднование юбилея, 70 лет, 1997г.

*На даче август 2004г. с дочкой Олей
и супругой Анной Сергеевной.*

С внуками Людой и Васей.

С сыном Иваном и внуком Васей, 2004г.

С сыном Александром

Внуки Вася, Люда, Аня, Саша и Маша.

ОСНОВНЫЕ

Детские годы	1
Годы студенчества	20
Работа в прокопьевском институте	28
На работе в Калининском институте	35
Работа в прокопьевском институте	42
Работа в институте в Ленинграде	50
Работа в Ленинградском институте	57
Первая работа в ГФР	64
Тринадцать лет в ГФР	71
Возвращение в СССР	78
Работа в Институте в Ленинграде	85
Пожалование в ГФР	92
Служба в ВМФ	100
Служба в ВМФ	107
Служба в ВМФ	114
Служба в ВМФ	121
Служба в ВМФ	128
Служба в ВМФ	135

Василий Иванович Ситников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕТСКИЕ ГОДЫ.....	3
ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ	20
РАБОТА В ПРОКОПЬЕВСКОМ ГОРНОМ ТЕХНИКУМЕ	28
НА РАБОТЕ В РУДНИЧНОМ РАЙКОМЕ ПАРТИИ	35
РАБОТА В ПРОКОПЬЕВСКОМ ГОРКОМЕ ПАРТИИ.....	61
РАБОТА В КЕМЕРОВСКОМ ОБКОМЕ ПАРТИИ	80
РАБОТА В КЕМЕРОВСКОМ ОБЛСОВПРОФЕ	112
ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ГДР.....	126
ТРИ НЕДЕЛИ В МОНГОЛИИ	141
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РАБОТУ В ОБКОМ ПАРТИИ.....	151
РАБОТА В ИРКУТСКОМ ОБКОМЕ ПАРТИИ	184
ПОЕЗДКА В ФРГ.....	212
ПОЕЗДКА В КНДР.....	216
ПОСОЛ СССР В МОНГОЛИИ.....	238
ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ.....	296
НА ПЕНСИИ	310

Мемуары

Василий Ситников
Сибирь в моей судьбе

Текст публикуется в авторской редакции.

Верстка — Александр Кудрявцев

Сдано в набор 15.10.2007.

Гарнитура «Балтика».

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

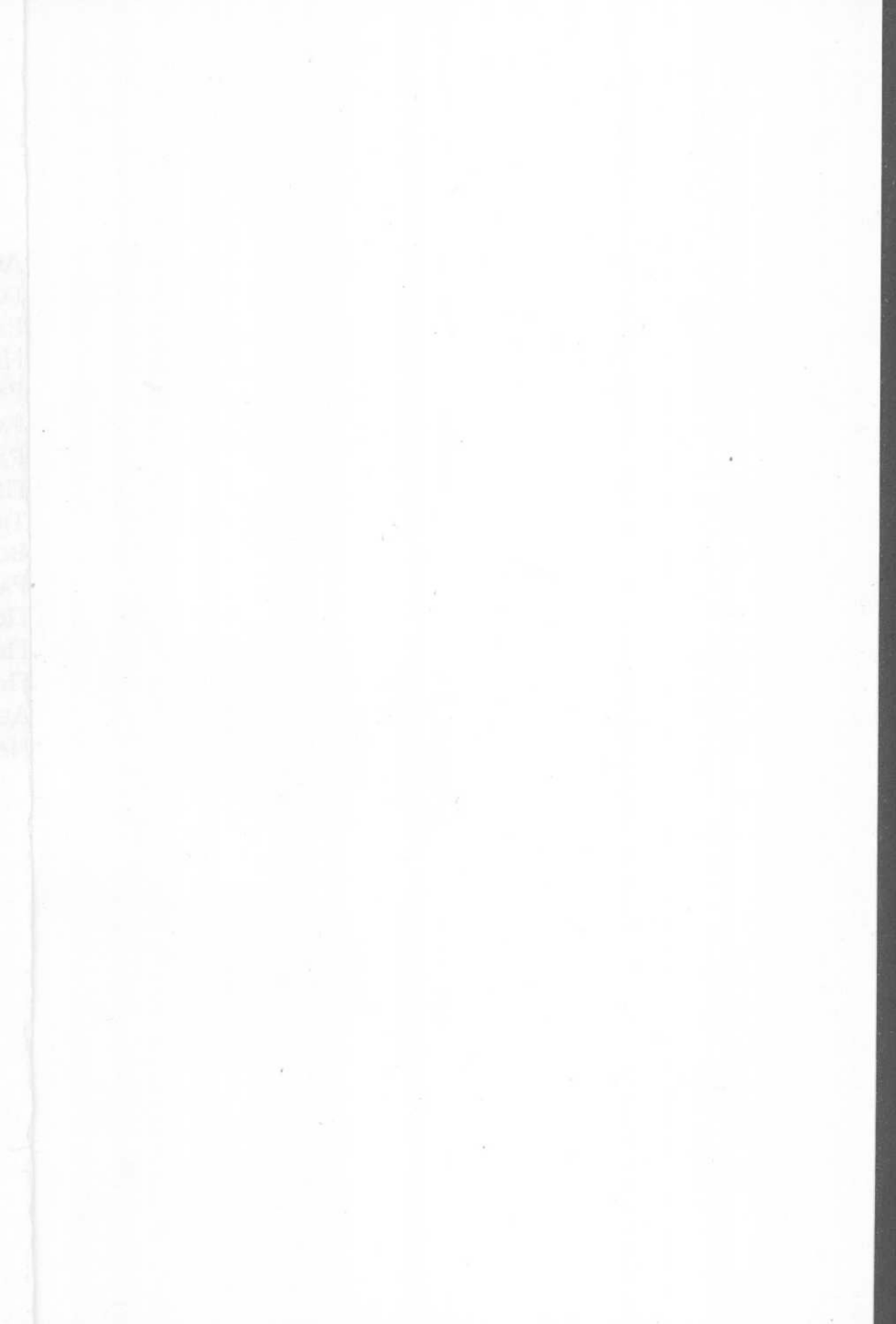
Тираж 200 экземпляров.

Отпечатано в ООО «ИПЦ «МАСКА»

Москва, Алтуфьевское ш., 85

Тел. (495) 747-81-48

www.maska.su, info@maska.su

"... Жизнь моего поколения сопровождалась историческими событиями и потрясениями колоссального масштаба. Я вовсе не претендую на их глобальное обобщение, однако, вспоминая о былом, я старался показать, как судьба моей Родины отразилась на моей судьбе, на судьбе каждого из моих современников".